

ХІІ ВСЕМИРНОМУ ФЕСТИВАЛЮ
МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ
В МОСКВЕ
ПОСВЯЩАЕТСЯ

**ЮНОСТЬ
ПЛАНЕТЫ:
БОРЬБА
И
НАДЕЖДЫ**
фестивальная
панорама

СМЕНА

ФЕСТИВАЛЬНАЯ ПАНОРАМА «СМЕНЫ» ЮНОСТЬ ПЛАНЕТЫ: БОРЬБА И НАДЕЖДЫ

XII Всемирный... На нем встретятся представители поколения, которому предстоит жить, учиться, любить, мечтать и осуществлять свою мечту в последние десятилетия XX века.

И ему жить в первые десятилетия XXI века, в котором, хочется верить, человечество вычеркнет слово «война» из своего лексикона, утвердит непреложным законом жизни взаимопонимание, дружбу.

Ни в какие прежние эпохи не было столь бескомпромиссным противодействием разума преступному безумию гонки вооружений, безумию, порожденному жадной прибылью, великодержавным чванством, стремлением навязать народам собственные представления о том, как им надо жить. Навязать, опираясь на силу, на насилие. В год 1985-й, провозглашенный Организацией Объединенных Наций Международным годом молодежи, вспомним тезис Устава ЮНЕСКО: «Мысли о войне возникают в умах людей, поэтому в сознании людей следует укоренять идею мира». Сложен путь к планете мира, но надо идти по нему, идти терпеливо и упорно, ибо иной путь ведет к ядерной катастрофе. И не случайно Всемирные фестивали молодежи вписали в свой лозунг простое и великое слово —

МИР.

Борьба за мир не абстрактна. Это борьба против тех, кто миру угрожает. Это солидарность с теми, кому угрожают, в чьи дела вмешиваются, кому всячески препятствуют идти собственным путем. Солидарность с теми, кому угрожают интервенцией, — с народами Никарагуа, Вьетнама, Кампучии... Солидарность с теми, кому в разное время империализм навязал братоубийственную гражданскую войну, — с народами Ливана, Кипра... Солидарность с теми, кого лишают элементарных человеческих и гражданских прав, — с народами ЮАР, Намибии... Солидарность с теми, кто борется в своих странах за мир, против военной угрозы, —

борьба эта охватила все континенты, и список американских военных баз совпадает с географией мощных антивоенных манифестаций. Окинава, Гринзм-Коммон, Мутланген. Баррикады мужества, чести, благородства... Решимость и уверенность в победе питаются из могучего источника. Имя ему —

СОЛИДАРНОСТЬ.

Человек рожден для счастья и достоин счастья. Счастья жить на этой Земле. Счастья думать и любить, сажать деревья и растить детей, читать книги и строить дома. Счастья радоваться удачам и переживать трудности, счастья быть человеком среди людей. Счастье... Оно немислимо без тех ценностей, которые наполняют нашу жизнь, определяют ее содержание и суть. Труд. Мысль. Любовь. И —

ДРУЖБА.

Дружба между людьми. Дружба между народами. Сегодня мы рассказываем о том, как расшифровывают для себя фестивальную лозунг «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!» люди разных стран, разных поколений, разной судьбы. Итак, перед вами фестивальная панорама «Смены».

Алексей МАРЕСЬЕВ,
Герой Советского Союза,
член Советского
подготовительного комитета
XII Всемирного фестиваля
молодежи и студентов

ДОБ ВСЕМИРН

О прошлом люди вспоминают, о будущем мечтают, в настоящем действуют. Конечно, можно действовать, забывая о прошлом, не заботясь о будущем, можно жить подобно роботу, но достойно ли это человека, его предназначения? Сражаясь на фронте, мы мечтали о мире, и потому, когда он наконец наступил, мы готовы были его защищать.

...Вспоминаю осенний Будапешт 1949 года, II конгресс Всемирной Федерации демократической молодежи. Перед его открытием мы, его делегаты, стоя под старыми сводами венгерского парламента, где проходили заседания конгресса, пели «Гимн демократической молодежи». Он был написан Анатолием Новиковым и Львом Ошаниным для I фестиваля молодежи и студентов в Праге. Я знаю, что у этой песни часто были разные слова. У французов, например, в тексте говорилось о том, что полицейские собираются заточить песню в тюрьму, а она вырывается сквозь решетки и летит белым голубем над Парижем. Итальянцы вставили в песню строчки о борьбе гарибальдийцев против фашизма. Африканцы, кроме слов «Эту песню не задушишь, не убьешь», все остальные придумали сами. И вот на II Всемирном фестивале, а потом и на конгрессе ВФДМ песня зазвучала с новой силой. Зазвучала на разных языках, стала Гимном...

Мы были тогда молоды — прославленный ас Иван Кожедуб, герой партизанского движения Петр Машеров (с Петром нас особо сблизило то, что, как оказалось, в Белоруссии мы воевали с ним в одних местах, только я в воздухе, а он на земле), как были молоды и все остальные участники встречи в венгерской столице. Но мы, совсем недавно вышедшие из боя — таких на конгрессе было очень много, — понимали: от того, насколько едины «люди доброй воли» (это выражение родилось тоже в 49-м, на Парижском конгрессе сторонников мира), от того, насколько крепка дружба молодежи всех континентов, зависит быть или не быть миру на земле.

Мне не раз доводилось бывать в столице Германской Демократической Республики. Но две встречи с ней особо дороги.

Берлин, май 1950 года. Тогда здесь проходила первая общегерманская встреча молодежи. Казалось, что само небо отразилось в улицах города — они были синими от рубашек членов Союза свободной немецкой молодежи. Более пятисот тысяч молодых немцев прибыли в Берлин, чтобы сказать свое «Да!» миру, новой, социалистической Германии. Еще повсюду были видны следы войны, но праздничное убранство домов и улиц, само настроение участников слета скрадывали их: меньше стали заметны руины огромных зданий, пустые глазницы окон, разрушенные стены, кое-где уже укрытые зеленым плющом.

Именно в Берлине мы воочию убедились, что у молодежи есть не только друзья... На Западе была организо-

вана целая кампания, чтобы сорвать слет или по крайней мере дискредитировать его. Газеты в западных оккупационных зонах кричали: «Не ездите в Берлин, вас отправят в Сибирь на черную работу». Людям доказывали: «Слет молодежи — только повод для организуемого рукой Москвы захвата всего Берлина». Синяя рубашка члена Союза свободной немецкой молодежи была достаточным поводом для ареста. Ложь рядилась в одежды правды. В Берлин забрасывались газеты, по внешнему виду похожие на «Юнге вельт», но провокационные по содержанию, очерняющие слет молодежи. Вдоль границы восточного сектора наши бывшие союзники выставили танки, броневики, в боевую готовность были приведены полицейские части, авиация.

А по Унтер-ден-Линден шли мирные колонны, и среди них тысячи людей из Западной Германии, нелегально перешедших границу, чтобы участвовать в празднике солидарности. Запыленные, уставшие после многочасовых переходов, с походными сумками за плечами, но с радостным блеском в глазах. Уверен: они и сегодня в колоннах демонстрантов, выступающих против размещения американских «першингов» и крылатых ракет в Европе.

С раннего утра до позднего вечера над восточной частью Берлина барражировал американский вертолет. Я слышал, как кто-то из берлинцев назвал его черным вороном. Он то делал крутые виражи, то снижался, то неуклюже взмывал вверх, носился из конца в конец, словно ворон, высматривающий добычу. В воздухе поочередно поднимались представители американских, английских, французских оккупационных властей — они боялись слета, как эпидемии, как заразы. И не случайно молодых западных немцев по возвращении заставляли проходить медосмотр на случай эпидемии тифа, который якобы свирепствовал в восточном секторе. Но разве в силах клевета заглушить голос правды? На одной из манифестаций, где присутствовали Отто Гротеволь, Эрих Хонеккер, слово было предоставлено и мне. В тот ненастный вечер над Берлином разразился сильнейший ливень, но десятки тысяч парней и девушек, пришедших на митинг, и не думали расходиться. Не помню сейчас дословно того своего выступления, но когда я, никогда не учивший немецкого языка, сказал по-немецки: «Да здравствует Германская Демократическая Республика!» — площадь разразилась громом аплодисментов.

Пройдет чуть меньше четверти века — миг для истории, — и уже дети тех, кто на слете в пятидесятом мечтал о будущем социалистической Германии, встретят гостей со всего земного шара.

1973 год, X Всемирный... Я хожу по улицам нового Берлина — светлого, праздничного города, всматриваюсь в жизнерадостные лица, вслушиваюсь в разноплеменную речь, и мне кажется, что я возвращаюсь в свою молодость, потому что так же вдохновенно эти, незнакомые мне, молодые хором поют «Гимн демократической

РО ПОЖАЛОВАТЬ, ЫЙ ФЕСТИВАЛЬ!

молодежи», так же убежденно говорят свое «Нет!» фашизму и войне.

Как одну из самых дорогих, вспоминаю встречу в Берлине с жизнерадостным кубинцем Фаусто Диасом — мы долго не могли расстаться, нам было о чем поговорить. В боях на Плайя-Хирон он потерял обе ноги и правую руку. Но он сумел положить судьбу на обе лопатки — окончил институт, поступил в аспирантуру. Кто сказал, что кончилось время героев? Я горжусь, что у нашей матери Земли есть такие сыновья, как Фаусто Диас!

«Человек — песчинка в пустыне, игрушка в руках обстоятельств». Я сталкивался с таким утверждением на Западе: дескать, от отдельного человека ничего в этой жизни не зависит. А я думаю, что от каждого человека зависит все! В войну, бывало, от того, как горстка бойцов исполнила свой долг, зависела судьба роты, полка, армии. Эта мысль удесятривала нам силы, помогая победить порой и в безысходной ситуации.

Часто думаю: как обидно было бы моим погибшим за свободу товарищам узнать, что сегодня, спустя 40 лет после победного мая, в мире снова пахнет порохом, прилежные ученики фюреров и дуче опять подталкивают его к катастрофе. А потому не должно быть безучастных в великой мирной битве. От каждого человека зависит все!

В истории человечества есть горькие события, память о которых вызывает к борьбе. Мне не забыть митинг на Манежной площади в дни Московского фестиваля. Полмиллиона человек стояли плечом к плечу при свете прожекторов и факелов. Полмиллиона людей разных стран и континентов, пришедших сказать «Нет!» атомной бомбе. Посредине площади — белый камень, и на нем тень человека — неясный контур неизвестного, он испарился от тысячеградусного жара бомбы, сброшенной на Хиросиму. Скорбно и тревожно звучит Пятая симфония Бетховена. Гигантская площадь замерла, когда перед микрофоном появилась хрупкая японская девушка Хисако Нагато. Все ее родные погибли в атомном смерче, а сама она заболела лучевой болезнью. «Давайте объединимся, чтобы никогда больше не было Хиросимы и Нагасаки», — сказала она. — Человек создал атомную и водородную бомбы. Неужели же мы, люди, не сможем запретить жестокое оружие, придуманное нами самими?! Мир должен жить в мире!» Я стоял на трибуне и видел, как после этих слов к Хисако подошла седая женщина и накрыла платком дрожащие плечи юной японки. Это была мать бессмертной Зои Космодемьянской. Мать, потерявшая в дни войны двух детей...

Память о войне... Десять лет спустя после этого грандиозного митинга мне выпала честь быть участником события, тоже взволновавшего миллионы людей: на могиле Неизвестного солдата в Москве был зажжен Вечный огонь. Мы не знаем, кто был этот воин, погибший у подмосковной деревни Крюково в тяжком декабре 41-го, — московский токарь или шахтер из Донбасса, сибирский хлебороб или сталевар с Урала, казахский ча-

бан или нефтяник из Баку? Но мы знаем, что он советский солдат, верный сын Отечества, подвиг которого никогда не будет забыт.

Мы часто говорим: живые в долгу перед павшими. Я понимаю долг этот просто: жить по совести и бороться за то, чтобы минувшая мировая война была последней в многострадальной истории человечества.

Пусть мы, хлебнувшие военного лиха, будем последними ветеранами войны.

Возьмемся же за руки, ветераны и молодежь, женщины и мужчины, старики и подростки, не допустим пожара на нашей голубой планете!

Победной песней мира и жизни назвал когда-то Всемирный фестиваль молодежи и студентов Назым Хикмет.

Пусть же песни XII Всемирного победно прозвучат на всех языках призывом к дружбе и взаимопониманию народов Земли!

Когда мы едины — мы непобедимы!

У каждого поколения — свое время.
 У каждого поколения — свои дела, заботы. Своя слава и свои герои.
 Сорок лет назад завершилась самая кровопролитная в истории человечества война — вторая мировая, унесшая пятьдесят миллионов человеческих жизней. В этом страшном списке из каждых десяти павших четверо были нашими соотечественниками. Неимоверные испытания выпали на долю поколения советских людей, чья молодость пришлось на годы войны. Не всем из них выпало дожить до светлого Дня Победы. Но мир, завоеванный ими, их дружба со сверстниками других стран, скрепленная кровью в общей борьбе с фашизмом, навсегда оставят их имена в памяти благодарных грядущих поколений. И сегодня, когда в Москву на Всемирный фестиваль приехали тысячи юношей и девушек планеты, мы обязаны оглянуться в историю. Сорок лет — срок немалый.
 Но добрая память не подвластна времени.

И ПОМНИТ МИР СПАСЕННЫЕ

Леонид ПЛЕШАКОВ,
 специальный корреспондент
 «Смены»

ВЕЧНО ЖИВЫЕ...

Это письмо пришло в Советский Комитет ветеранов войны из Польши.

«Дорогие советские друзья!
 Обращаюсь к вам с горячей просьбой помочь мне отыскать людей, с которыми связаны самые дорогие для меня воспоминания. 21 января 1945 года, после шести лет гитлеровского террора, когда даже в последние дни оккупации существовала угроза расстрела для всех мужчин нашего города, советские солдаты спасли нас. В этот день после тяжелых боев был освобожден наш город Липно (воеводство Влоцлавек). Первым в город вошел танк 26-летнего старшего лейтенанта Жени Слюсарева. Радость нашу нельзя было описать. Мы выбежали на улицу встречать наших спасителей. Мой отец поцеловал героического Женью, который вместе со своим экипажем остановился у нас в доме на двухдневный отдых. Потом они уехали сражаться дальше, а спустя несколько дней старший лейтенант Женя Слюсарев, раненный в ногу под Торунем, вернулся в наш город и находился в госпитале в Липно до 13 февраля 1945 г., когда и ушел дальше своей военной дорогой.

Во время выздоровления Женя Слюсарев приходил к нам домой сыграть в шахматы с моим отцом и братом и послушать мою игру на аккордеоне.

Кстати, по просьбе коменданта госпиталя я играла раненым советским солдатам в госпитале, и моя музыка была единственным доступным тогда для раненых развлечением. 13 февраля 1945 г. я видела Женью Слюсарева в последний раз. И мы договорились встретиться после войны. Но мои родители переехали жить в другое место, и с фронта я получила только одно письмо. Все эти годы, до

сегодняшнего дня, меня гнетет неизвестность: пережил ли Женя войну, не был ли еще раз ранен, пытался ли отыскать нас. Мне тогда было 18 лет, и эти воспоминания остались навсегда в моей памяти. Время их не стерло, наоборот, с каждым годом эти воспоминания усиливаются до уровня легенды и мифов. Особенно ярко те события возникают перед моими глазами в январе и феврале. Очень переживаю каждый военный советский фильм по телевидению и каждую военную советскую песню.

Кроме Жени Слюсарева, с нашей семьей подружился Виктор Питанов и Павел Кобылянский, оба раненные в бою под Липно и находившиеся на лечении в госпитале. Они приходили с Женей в наш дом, чтобы сыграть в шахматы. (Виктор Питанов в бою под Липно 21 января 1945 г. прикрыл Женью Слюсарева своим телом от гитлеровской пули и получил ранение в грудь.)

Каждый раз в январе и феврале все эти долгие годы воспоминания неизбежно обступают меня: очень хотелось бы узнать, что случилось с самыми большими героями, встреченными мною в жизни, с людьми, которые отвоевали нашу свободу. Очень хочу написать им, что наша память о них вечно жива, что я хочу, если это возможно, хотя бы раз перед смертью увидеть их. Я бы хотела послать им какую-нибудь мою картину (занимаюсь живописью) в знак памяти и благодарности.

Прошу вас, дорогие советские друзья, помогите мне их отыскать.

Сообщаю их данные:

Старший лейтенант Евгений Слюсарев — кажется, по профессии был горным инженером, родом из Иркутска или из Якутска. Мать Жени, по его словам, была полькой по происхождению.

Его фронтовой адрес: Полевая почта 53418Р.

Ефрейтер Виктор Питанов — раненный под Липно около 21 января 1945 г. Пробыл в госпитале в Липно до 6 марта 1945 г. и на следующий день уехал на фронт.

Младший сержант Павел Кобылянский.

Младший лейтенант Татьяна Ивановна (врач).

Надеюсь, что получу от вас, дорогие друзья, ответ, которого буду с нетерпением ждать. Прилагаю четыре фотографии тех лет, может быть, они помогут найти дорогих мне людей.

С наискорейшим приветом, Хенрика Едлинска-Середницка.

Мой адрес: ул. Вспольна, 13, кв. 3, 05-822 Милановек, Польша».

Такое вот письмо. Жирным шрифтом здесь выделены слова, которые Хенрика Едлинская написала по-русски. (В них умышленно не изменено ни единой буквы.) И уже по этому, а также по аккуратности, с какой выведена каждая строка, по старательности, и с которой подчеркнута каждая фамилия и взяты в рамочку адреса, чувствовалось, что письмо не раз было переписано, перечитано и переправлено автором, что на него с нетерпением ждут ответа.

В тот же день связываюсь с Министерством обороны СССР и узнаю следующее.

Евгений Николаевич Слюсарев, украинец по национальности, уроженец села Белогорье Воронежской области, был призван в армию в 1942 году. Окончив год спустя военно-инженерное училище, он младшим лейтенантом попадает на фронт. В январе сорок пятого командовал саперным взводом в 22-м отдельном саперном батальоне, освобождавшем Польшу в составе 65-й армии генерала Павла Ивановича Батова, которая позже принимала участие в Берлинской операции. Во время наступления место саперов — на острие атакующих войск. Они проделывают проходы

в минных полях, наводят переправы, обезвреживают оставленные врагом фугасы. И то, что Евгений Слюсарев ворвался в польский город Липно на головном советском танке, подтверждает это. Несомненно, он был отличным солдатом, храбро сражавшимся и до, и после февраля сорок пятого. На любительском снимке, присланном Хенрикой Едлинской-Середницкой, старший лейтенант Слюсарев снят вместе с нею и ее мамой. На его гимнастерке — ордена Красной Звезды и Отечественной войны, медаль «За отвагу». Когда в 1947 году капитан Слюсарев уволился в запас, среди его наград были еще орден Красного Знамени, еще один орден Отечественной войны, несколько медалей. После армии он уехал в далекую Якутию, на Алдан, где скончался весной 1950 года, оставив жену и двух маленьких дочерей. Ему было тогда всего тридцать. Война продолжала убивать героев и после своего окончания. Тридцать пять лет нет в живых Евгения Слюсарева, а в Польше по-прежнему хранят память о нем, одном из сотен тысяч советских воинов, освобождавших эту страну от фашистских оккупантов.

К сожалению, мне пока не удалось ничего узнать о судьбе ефрейтора Виктора Питанова, младшего сержанта Павла Кобылянского, военврача Татьяны Ивановны. Сведений, сообщенных о них Хенрикой Едлинской-Середницкой, слишком мало для того, чтобы через сорок лет найти этих людей. Но, возможно, откликнутся, если не они сами, то их родственники, знакомые. Их помнят.

ОНИ СРАЖАЛИСЬ И ПОСЛЕ ДНЯ ПОБЕДЫ

Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии был подписан поздним вечером восьмого мая 1945 года. Однако бои с недобитыми гитлеровцами продолжались. Об этом говорится в письме из Чехословакии.

«Уважаемые товарищи!

Наш город Каплица был освобожден 10 мая 1945 года войсками героической Красной Армии. В течение нескольких дней после освобождения в окрестных лесах скрывались группы вооруженных нацистских солдат, ликвидацию которых проводили воины, освободившие наш город. Во время этих операций 20—30 мая 1945 года свои жизни отдали:

младший сержант Серенко Дмитрий Гаврилович, род. 1924 г.;

красноармеец Колесников Николай Нефедович, род. 1925 г.;

красноармеец Кутайбеинов Асамбек, род. 1925 г.;

красноармеец Майстров Владимир Андреевич, род. 1926 г.;

красноармеец Берзаков Алексей Свиридович, род. 1920 г.

Командование части Советской Армии совместно с городской организацией КПЧ приняло решение поставить памятник героям. На его изготовление военнослужащие собрали 70 000 крон и передали деньги в организацию КПЧ, которая также провела сбор денег среди своих членов и жителей города. Проект памятника подготовил офицер Советской Армии Аркадий. Памятник был торжественно открыт 11.11.1945 г.

В памяти сохранились имена некоторых военнослужащих Советской Армии, находившихся в нашем городе, откуда они ушли в конце октября 1945 г.: командир части майор Кубасов, гвардии лейтенант Ананьев, гвардии генерал Иванов.

Несмотря на то, что с тех пор минуло 40 лет, мы обращаемся к вам, уважаемые товарищи, с просьбой установить кого-либо из родственников павших героев, а также адреса непосредственных участников освобождения нашего города. Мы были бы рады установить с кем-либо из них переписку и, может быть, пригласить их в наш город и на завод «Югострой» по случаю 40-летия освобождения.

Мы полностью сознаем нескромность нашего желания, но, несмотря на это, городские органы приняли решение использовать эту возможность и в случае положительного решения выразить нашу личную благодарность кому-либо из непосредственных участников освобождения города или близкому родственнику кого-то из павших героев.

С товарищеским приветом,
инженер Йозеф ЗИКЕШ,
директор завода «Югострой»

Рудольф КООМАРЕК,
председатель городского
Национального комитета».

Вдумаемся в цифры. Самому старшему из этих парней было всего двадцать пять, младшему — девять-

надцать. В мае сорок пятого они были ровесниками гостей нынешнего Московского фестиваля. Они на века так и останутся молодыми в памяти своих товарищей по оружию, в памяти чешских братьев, которых они освобождали от фашистов, в граните, на котором золотом выбиты их имена. Они сражались с врагом еще целых три недели после того, как в Европу пришел мир. Они погибли после Победы в далеких от их родины лесистых отрогах Шумавы. Три русских, украинец, казах. Интернационалисты в самом высоком смысле этого слова.

ОН ПАРТИЗАНИЛ В МАКИ...

Жизнь Олега Николаевича Озерова богата событиями. Радостными и трагическими. Всякими. Он родился и вырос в Спаске-Рязанском, на Оке. После окончания средней школы был призван на действительную службу. Служил наводчиком 152-миллиметровой пушки-гаубицы в артиллерийской части, что стояла в Старом Самборе Львовской области у самой границы. 17 июня 1941 года друзья поздравили его с девятнадцатилетием. А через пять дней их казарма была разрушена в четыре часа утра грохотом рвущихся бомб и снарядов. Артиллерийская часть, где служил Олег Озеров, входившая в 12-ю армию, в тяжелых боях с насевшими танковыми клиньями гитлеровцев отходила на восток. В июле где-то в районе Винницы, расстреляв последние снаряды, потеряв значительную часть личного состава и техники, часть оказалась в окружении. Будучи контуженным, Озеров попал в плен. Сначала пересыльный лагерь для военнопленных в Западной Украине. Потом — Шта-лаг-6 «б» около пограничного с Голландией германского городка Меллена. Пленных советских солдат гоняли на рытье канав в болотистой низменности близ города. Голод, болезни, издевательства, бессмысленная работа. Первый раз он бежал отсюда. Но через два дня был схвачен, избит, помещен в карцер. Второй раз он бежал из лагеря во французском городке Бордо, куда был переведен летом 1942 года.

В личном архиве Олега Николаевича Озерова бережно хранится относящийся к тому периоду его жизни документ.

Как известно, на территории Франции, оккупированной фашистской Германией, действовало Сопротивление. Патриотически настроенные представители различных политических партий и направлений создавали партизанские отряды, подпольные организации, которые устраивали диверсии на транспорте и промышленных предприятиях, нападали на вражеские гарнизоны и воинские подразделения, вели агитацию среди населения. Бок о бок с французскими патриотами сражались и многие наши соотечественники, по тем или иным причинам оказавшиеся на территории Франции. Когда совместными усилиями Сопротивления, французской действующей армии и войск союзников гитлеровцы изгонялись с временно оккупированных департаментов, партизанские отряды, действовавшие здесь, расформировывались.

Часть их бойцов призывалась в регулярную армию, невоеннообязанные расходились по домам. Иностранцы же граждане репатриировались на родину.

Официальные лица, проводившие расформирование партизанских отрядов (по-французски: национальные ликвидаторы), выдавали участникам Сопротивления соответствующие документы. Получил такой и Олег Озеров. Правда, он не сохранился. И двадцать два года спустя после войны по его запросу из Франции пришла следующая официальная бумага:

«Национальный Ликвидатор Национального фронта, бывший командир партизанских соединений Юго-Запада Франции Марсель Мюнье (Жиронда, Ланды, Приморская Шаранта, Нижние Пиренеи) чествою клянется, что господин ОЗЕРОВ Олег Николаевич, родившийся 17 июня 1922 года в Рязанской области, проживающий в Москве, находился в рядах Национального фронта (F.T.P.E.) — «Вольные стрелки» и «Французские партизаны» — и прошел следующий путь:

20 марта 1944 года он вместе с другими одиннадцатью советскими пленными бежал с германской базы подводного флота в Бакалане, чтобы снова сражаться против нацистских захватчиков.

Этот коллективный побег был организован при содействии членов Французской и Испанской коммунистических партий, работавших в подполье. Среди них можно назвать: «Полеетт» (связная), «Кармен» (Пилар Гомес), «Стефан» (ее муж), Арано и Рубио.

Эта операция прошла успешно. «Полеетт» провела 12 советских солдат через лес до партизанского отряда «Лоретт», где в дальнейшем они сражались под руководством командира партизанского отряда «Этьена».

Господин ОЗЕРОВ принимал участие в генеральном наступлении «Вольных стрелков», «Французских партизан» и французских Вооруженных Сил тыла, во время которого были освобождены города Юго-Запада Франции.

Неоднократно он принимал участие в операциях партизан, проводившихся совместно с бойцами партизанского отряда «Гран Пьер», в диверсионных актах, наносивших серьезный ущерб военному потенциалу нацистов.

Участвовал в боях 21—24 августа 1944 года, в битве при Ла Фалотт. В результате этих боев были освобождены города Сент Базель, Марманд, Ла Рель и Лангон.

Во время боя за город Лангон погиб смертью храбрых его товарищ Степан Кацура, уроженец Кубани, отдавший свою жизнь за Францию.

Господин Олег ОЗЕРОВ показал себя примерным бойцом, преданным Советской Родине и Франции.

Военное министерство Франции официальным приказом № 328 от 1 мая 1958 года присвоило «Вольным стрелкам» и «Французским партизанам» группы «Лоретт» звание «Боевое Соединение».

В подтверждение чего выдает данное свидетельство для предоставления по требованию.

Париж, 3 ноября 1967 года».

Я спросил Олега Николаевича о Степане Кацуре. Кто он, откуда, при каких обстоятельствах погиб?

— У партизан не принято знать друг о друге слишком много. Большинство бойцов нашего отряда имели только клички. Меня, например, звали Алекс. Такая мера предосторожности вызвана необходимостью. Если бы кто-то из нас вдруг попал в руки врага, то даже под изощренными пытками он все равно не смог бы назвать никого из товарищей. К тому же фашисты засылали в маки своих осведомителей. Последние старались собрать сведения о партизанских семьях и родственниках, оставшихся в городах и селах, с которыми после расправлялось гестапо. Короче, о Степане я знал только то, что он с Кубани.

24 августа 1944 года наши отряды ворвались в город Лангон. В бою за железнодорожный вокзал фашистский пулемет прижал партизан к земле, не давая продвигаться вперед. И тогда Кацура кинулся к пулеметному гнезду и накрыл его своим телом. Выпущенная в упор очередь рассекла его грудь. Похоронили Степана 28 августа в центре Лангона со всеми воинскими почестями, и наш отряд прошел с развернутыми знаменами перед его могилой. Для этого нас специальным приказом сняли с боевых позиций.

30 августа бойцы Сопротивления освободили Бордо, куда американские войска подошли только через две недели.

Олег Николаевич Озеров вернулся домой после демобилизации в августе 1946 года. С четырьмя французскими наградами. Окончил Минский политехнический институт. Женится на школьной подруге Ядвиге. Стал специалистом по вентиляционному делу, прошел путь от прораба до управляющего трестом. Строил различные объекты в Подмоскowie, Ижевске, Тольятти, Набережных Челнах, Соликамске, Перми, Рустави. В Москве он принимал участие в сооружении Останкинского телецентра, Калининского проспекта, реконструкции ЗИЛА, АЗЛКа и других предприятий. Он выкормил сына и дочь. Имеет внуков.

Дружба с французскими патриотами, рожденная в лихое военное время, с годами не стареет.

«Наш дорогой друг и товарищ Олег!

Прежде всего просим извинить за опоздание этих нескольких строк, так как мы ждали получения фото, снятых во время празднования 31-й годовщины Победы над фашизмом. Мы благодарим Вас, а также Советский Комитет ветеранов войны за Ваше участие, так как Ваше присутствие придало значимость этой торжественной церемонии.

Для нас 9 мая 1976 года остается торжественным днем. Ведь мы впервые официально встречали бывших участников войны из далекой страны, но очень близких сердцу. Поверьте, дорогой Олег, что мы были очень тронуты Вашим присутствием среди нас в этот день Победы над общим врагом, и надеемся, что дружба, зародившаяся между нами, будет нерушимой.

С братским дружеским приветом, пожеланием здоровья Вам и Вашей семье.

Иван Тепус, секретарь Ассоциации по созданию памятника советским солдатам».

Далее следует еще шесть подписей депутатов мэрии горняцкого городка Валеруа, что под Нанси.

Во Францию к своим боевым товарищам Олег Николаевич Озеров ездил уже несколько раз. Бывали у него в гостях в Москве и французы. Сорок лет прошло с той поры, когда они вместе уходили на боевые задания. Сорок лет хранят они память о Боевом Братстве.

У каждого поколения — свое время.

У каждого поколения — свои дела, заботы. Своя слава и свои герои.

Нынешние молодые знают о второй мировой войне по книгам, фильмам, по рассказам старших, кто сражался с фашизмом, закладывал фундамент будущего Мира. Дружбы между народами, Братства молодежи всей планеты. Такими и запомнят их навсегда грядущие поколения.

ФЕСТИВАЛЬНАЯ
ПАНОРАМА
«СМЕНЫ»
ЮНОСТЬ ПЛАНЕТЫ:
БОРЬБА И НАДЕЖДЫ

Мир никогда не был
подарком судьбы.
За него нужно бороться,
его нужно защищать.
Сегодня для планеты
людей, как никогда
прежде, важен

МИР

РАЙ
ФЕ

МИР PEACE

Человек и человечество неизменно рассматривают события, происходящие в мире, с одной стороны, с точки зрения их актуальности, значимости для сегодняшнего дня, быть может, даже «сиюминутности». С другой — по счету Эпохи, Истории. Фестивальное движение заняло высокое место в летописи века. Подготовку к XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве отличали достоинство и скромность, отсутствие какой бы то ни было рекламной крикливости, стремление создать все возможности для делового, конструктивного, многостороннего диалога. Об этом думалось, когда мы знакомимся с работой Постоянной комиссии Международного подготовительного комитета фестиваля. Предлагаем вниманию читателей размышления некоторых членов Постоянной комиссии о том, как им видятся роль и значение XII Всемирного.

**АМИН
ВАХБЕ,**
Ливан

— Содержание и смысл XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, выраженные в его лозунге «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!», близки каждому молодому ливанцу, задумывающемуся о судьбах своей многострадальной страны, о ее и своем будущем. А у нас в силу известных всему миру трагических обстоятельств, обусловленных действиями империализма, сионизма, внутренней реакции, «политизация» молодежи, если правильно будет так это сформулировать, ускоряется и происходит с особо обостренным чувством сопричастности к происходящему рядом с тобой, вокруг тебя, происходящему с твоими близкими, с друзьями, с дорогими тебе людьми. Для нас агрессивность и бесчеловечность империализма и сионизма — это не просто пусть точная, но в

меру абстрактная характеристика. Для нас это и зверские бомбардировки Бейрута израильской авиацией, и залпы бортовых орудий линкора «Нью-Джерси» по жилым районам города, по нашим мирным деревням. Я по профессии врач. Моя мечта — заниматься тем, чему я учился, лечить людей в мирном и свободном Ливане. Но, пока на моей земле бушует пламя войны, вижу свой долг и в том, чтобы заниматься политической работой, бороться за независимость и целостность страны. За это сражался и погиб в боях с израильскими агрессорами мой брат, погибли тысячи и тысячи моих соотечественников. Для нас, ливанцев, как и для всех людей Земли, год фестиваля — это год 40-й годовщины Победы над гитлеровским фашизмом. Честь и слава павшим! Перед их памятью мы все склоняем головы. Но, думая о том чудовищном зле, которое принес фашизм народам, мы должны отчетливо и точно представлять себе наши сегодняшние задачи — что надо делать, чтобы из жизни народов исчезли все те явления, которые по сути своей переключаются с нацистскими преступлениями, Освенцим и Дахау, Сабра и Шатила... Их разделяют годы, но человеческие трагедии, стоящие за этими понятиями, в равной степени зовут людскую совесть

и память к активному действию. Нельзя допустить, чтобы на Земле и дальше творилось подобное.

В составе ливанской делегации на XII Всемирном фестивале будут бывшие узники зловецкого лагеря Ансар, созданного израильской военщиной. Они представят точные, предметные, бесспорные доказательства преступлений сионистов, приводящие к единственно возможному выводу: да, сионизм сегодня — это одна из форм фашизма, его повседневная практика — это расизм и геноцид в отношении арабских народов, прежде всего арабского народа Палестины.

Огромное воспитательное значение фестивального движения в том и

FRIEDEN MIR

состоит, чтобы помочь молодому поколению Земли научиться понимать проблемы, волнующие сверстников в других странах и на других континентах. Понимать — и действовать в духе дружбы и солидарности.

Маркку СОППЕЛА,
Финляндская
Республика

— Если межгосударственные отношения между СССР и Финляндией давно уже стали добрым примером мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества стран с различными социальными системами, то об отношениях между молодежными организациями наших стран мы имеем право говорить как о примере в высшей степени плодотворного, делового, конкретного, обогащающего обе стороны сотрудничества в сфере общения молодого поколения. Постоянные контакты и обмен мнениями по всем вопросам, занимающим сегодня молодежь мира, двусторонние советско-финляндские молодежные фестивали, поездки молодежных делегаций в гости друг к другу, при этом с самой обширной и детальной программой знакомства с делами и проблемами соседей — все это стало уже утвердившейся практикой.

В Национальный подготовительный комитет XII Всемирного фести-

валя, созданный в Финляндии, вошли 65 организаций — нет ни одной сколько-нибудь значительной молодежной, студенческой или детской организации в стране, которая не принимала бы участия в работе комитета.

В рамках подготовки к фестивалю в Москве наш НПК совместно с обществом дружбы «Финляндия — СССР» провел широкую кампанию под девизом «Как живут молодые люди в стране-соседке». Полагаем, что финская молодежь получила немало дополнительной полезной информации о жизни советской молодежи.

Год 1985-й — это и год, когда народы отмечают десятилетие со дня подписания важнейшего исторического документа — Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Совершенно очевидна связь между этим юбилеем и другим, определяющим, можно сказать, весь облик 1985 года, — 40-летием Победы в войне против фашизма.

Мы в Финляндии видели в качестве важнейшего направления всей нашей предфестивальной работы активные действия в защиту мира в Европе и во всем мире, действия против угрозы термоядерной войны, за создание на севере Европы зоны, свободной от ядерного оружия.

Четыре десятилетия Европа живет без войн.

Наша забота — чтобы так было всегда.

Человек и Вселенная... Цивилизация и космос... Какой стала сегодня и какой станет завтра диалектика отношений между этими основополагающими понятиями? Поэмы и диссертации посвящены этому вопросу, над ним размышляют философы и физики, астрономы и экономисты, психологи и специалисты по космической технике.

Огромны возможности, которые открывает человечеству мирное освоение космоса, использование его на благо всех людей Земли. Им противостоят иная, однозначная и роковая, и, увы, в нынешних условиях более чем тревожная реальность — использование космоса в целях обеспечения стратегического превосходства, открывающего путь к глобальным военным авантюрам, финалом которых неизбежно была бы гибель человеческой цивилизации.

Слова «звездные войны» сегодня не сходят с газетных страниц, звучат в любом актуальном телекомментарии. Без обсуждения проблемы милитаризации космоса и последствий, к которым такое развитие событий привело бы, в последние годы не обходится ни одна из сессий ООН, ни одна международная конференция ученых, ни один диалог политиков.

Можно не сомневаться, что этот вопрос — центральный в настоящее время — станет предметом обсуждения и в ходе политической дискуссии на XII Всемирном фестивале молодежи и студентов. Итак, что ждет в этом смысле землян в обозримом будущем?

Предлагаем вашему вниманию мнение человека, имеющего самое прямое отношение к делам космическим.

Наш собеседник — дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, кандидат технических наук Виталий Иванович Севастьянов.

лить координаты судна. Я не раз бывал в штурманских рубках, связанных напрямую с космосом, со спутниками. Они значительно облегчают работу судоводителей.

Аналогичная аппаратура устанавливается на самолетах.

Сегодня чрезвычайно «уплотнилось» движение в воздухе — и спутники помогают не только в наведении самолета на посадку, но и в определении эшелона при подлете к аэропорту. Спутник, «висящий на стационаре», то есть вращающийся с той же скоростью, с какой вращается Земля, становится своего рода космическим диспетчером, регулирующим всю систему движения в воздухе.

— Вы и ваши коллеги, ученые и космонавты, окончательно миновали ту стадию работы в космосе, когда еще приходилось кое-кого убеждать в ее «прикладном» значении. Масштабы и разносторонний характер воздействия космических исследований на земную жизнь переросли, похоже, самые оптимистические прогнозы...

ФЕСТИВАЛЬНАЯ ПАНОРАМА
«СМЕНЫ»
ЮНОСТЬ ПЛАНЕТЫ:
БОРЬБА И НАДЕЖДЫ
МИР

КОСМОС — НЕ ПОЛЕ

Виталий СЕВАСТЬЯНОВ,
дважды Герой
Советского Союза,
летчик-космонавт СССР

значения — спутник связи «Молния-1». Во Владивостоке смотрели по телевидению прямую трансляцию майского парада на Красной площади.

Сегодня мы смотрим трансляцию футбольных матчей чемпионатов мира из Мадрида или Мехико, нам показывают события, происходящие в данную минуту в Лондоне или Токио... Кого это удивляет? А ведь всего чуть больше двух десятилетий тому назад такое казалось просто научной фантастикой...

— Виталий Иванович, было время, когда не очень-то информированные люди могли произнести слова такого примерно содержания: «Зачем нам космос? Что, мало у нас дел на Земле?»

— Я думаю, что все происшедшее с тех пор, как взлетел первый спутник, и до дней нынешних дало убедительные доказательства: освоение космоса не просто желательно или нужно — оно совершенно необходимо. Нельзя остановить мысль, преодолеть жажду новых знаний, затормозить устремленность в неведомое, то есть перечеркнуть то, что составляет суть человеческой природы. Но важно отметить и другое: освоение космоса, обогащая фундаментальные науки, с каждым годом приносило людям все больше реальной, практической пользы.

Я упомянул о космической связи. Она стала уже отраслью народного хозяйства.

Сегодня связь между морскими судами осуществляется в основном через спутники. Создана международная организация спасения с помощью космических средств экипажей и пассажиров судов — морских и воздушных. Радиобудь передает информацию — через спутники связи она поступает в наземные центры стран — участниц организации. Наша часть этой совместной системы называется КОСПАС, американская — САРСАТ. За два года было зафиксировано 228 аварий. В Канаде разбился одноместный самолет — его пилота удалось спасти благодаря системе спутников связи. Английская летчица, погибавшая в Атлантике, была спасена советским судном — вновь сработала связь через космос...

Спутники внесли совершенно новые элементы в практику навигации. Прежде местоположение судна в океане определялось главным образом с помощью секстанта — днем с ориентацией на Солнце, ночью — на звезды. Любого судоводителя зависел от погодных условий, от времени суток и т. д. Сейчас навигационные спутники позволяют в течение нескольких секунд с максимальной точностью опреде-

— Это именно так. И, что особенно важно, рождаются целые комплексы исследований, имеющих огромное значение и для дня завтрашнего, и для дня сегодняшнего.

Мы ведем сейчас дистанционное зондирование Земли — изучение природных ресурсов и контроль над процессами, происходящими в природной среде.

На орбиты были выведены уже не десятки, а сотни спутников, которые служили геологии, сельскому хозяйству, лесному хозяйству, водному хозяйству, рыбному промыслу и так далее.

С помощью космических средств в течение двух лет мы дали информацию по всей зоне БАМа — геологи говорили, что им потребовалось бы на это лет пятнадцать...

Система космического обеспечения сельского хозяйства позволяет дать рекомендации по каждому звену сельскохозяйственного производства — от вспашки до уборки урожая.

Сегодня мы имеем технические средства, позволяющие изучать из космоса засоленность почв, влажность, теплоотдачу... На борту орбитальной станции мы решаем задачу прогнозирования урожая. В 1975 году, летая с Петром Климуком, мы дали прогноз по урожаю зерновых — с точностью до 97 процентов...

Из космоса мы можем, скажем, оценить запасы снега на Памире, а это вопрос водоснабжения всей Средней Азии. Что необходимо: наполнять весной водоемы или обеспечить водосброс, чтобы избежать наводнений? Защитили Ферганскую долину противоселевыми плотинами — контроль за ними ведем из космоса.

Провели тщательное изучение запасов леса на Дальнем Востоке. Получили информацию об очагах заболачивания лесных угодий. В целом же данные, которые были собраны, подтверждают: леса у нас больше, чем принято было считать. Космос помог выявить дополнительные резервы народного хозяйства.

Успешно ведутся работы по исследованию Мирового океана, его биомассы. Только за счет увеличения тоннажа рыболовного флота мы не сможем обеспечить эффективность труда рыбаков. Надо изучить зоны лова, направление слабых и сильных течений, температурные зоны и прочее. Из космоса мы обнаруживаем скопление планктона в океане, а где планктон, там и рыба... Мы много раз посылали информацию рыбакам — те переходили иногда всего лишь на несколько десятков миль и попадали в зону активного лова.

— Е

сли принять за точку отсчета старт первого искусственного спутника Земли 4 октября 1957 года, день, когда с космической орбиты прозвучали его знаменитые сигналы «бип, бип», когда восхищенный и потрясенный мир, вероятно, еще в далеко не полной мере осознал, что произошло, то мы приходим к нехитрой арифметике: менее двадцати восьми лет человек осваивает космос. Но есть, если можно так сказать, высшая математика истории. И у нее много слагаемых. Суждения мыслителей и ученых давних эпох, смелая фантазия литераторов, отправлявших из пушки людей на Луну, опережающие время раздумья и расчеты Циолковского, творческий подвиг энтузиастов ГИРДа... Путь к первому спутнику и к полету Гагарина был долог... Виталий Иванович, исследуя этот путь с позиций дня сегодняшнего, что бы вы считали важным отметить, подчеркнуть?

— Стремление человечества выйти в космос существует с давних времен. Но оно не было обеспечено техническими средствами, с помощью которых можно было бы преодолеть силы гравитации.

То, что человек вначале отправил в космос творение рук своих, искусственный спутник Земли, а затем и сам шагнул в космическое пространство, логично. Это было новой, принципиально важной ступенью развития человеческой цивилизации и основой для ее дальнейшего движения вперед.

Полет Юрия Гагарина означал выход человечества в новую сферу деятельности — познавательной и производственной.

Вначале мы говорили: «Покоряем космос». Потом утвердилась другая формула: «Исследуем космос». Сейчас самое точное определение: «Осваиваем космос».

В апреле 1965 года в СССР был запущен космический объект вполне конкретного практического на-

Десять лет назад мы с Климуком из космоса увидели дно океана...

Некоторые ученые засомневались: «Вы не могли видеть дно океана». И все-таки мы его видели! Фотографировать дно океана пока не удастся. Но все, кто летал в космос, видели его. Пересматривается теория распространения света в глубинах океана.

Практическая сторона интереса к океанскому дну... Придет время, и мы будем осваивать железоникелевые, марганцевые конкреции на дне океана, доставать оттуда многие металлы. Министерство геологии имеет свой перспективный план по изучению возможностей добычи полезных ископаемых с океанского дна.

— Суммируя сказанное вами, можно сделать вывод, что советская программа освоения космоса в высокой степени сочетает развитие фундаментальных наук с совершенствованием разных отраслей народного хозяйства.

— Порой трудно, а то и невозможно отделить одно от другого. Поясню... Нет необходимости говорить о значении точного и надежного прогноза погоды — долгосрочного, среднесрочного, краткосрочного. Проблема тут — машинная обработка информации. Мы еще не имеем алгоритмов, нет достоверной модели процессов, совершающихся в атмосфере, нет соответствующего машинного парка, нет достаточных знаний процессов, которые происходят в Мировом океане, а это «кухня» погоды. Модель, предложенная академиком Гурием Ивановичем Марчуком, дает представление о физике процессов в атмосфере, открывает возможность разобраться в нерешенных

БОЯ

вопросах. Теория теснейшим образом смыкается здесь с практикой, фундаментальная наука дает путь к решению самых что ни на есть насущных задач.

Новое поколение «Метеоров» расширяет наши возможности долгосрочного прогнозирования. Что касается нынешней ситуации, то о таких весьма неприятных природных явлениях, как цунами, тайфуны, циклоны, мы уже можем давать из космоса раннее предупреждение — это позволяет спасти человеческие жизни, экономить средства. Буйство стихии в какой-то степени взято под контроль...

Хотел бы выделить главное: без научных разработок нельзя получить новые технологии, а без новых технологий невозможен технический прогресс. Это сегодня понимают все. США, например, в 1983 году израсходовали на научные разработки 90 миллиардов долларов, страны Западной Европы — 55 миллиардов, Япония — 29 миллиардов.

Если соотнести эти расходы с общим объемом государственного бюджета, то получаем такие данные: в США при бюджете в 3300 миллиардов долларов расходы на научные разработки составили 2,74 процента; в 12 странах Западной Европы, объединенных в космической программе ЕКА, при бюджете 2740 миллиардов — 2 процента; в Японии при бюджете 1160 миллиардов долларов — 4 процента.

Огромные средства расходует на научные исследования Советский Союз. И средства эти многократно окупаются.

— Развитие космической техники, как мы знаем, оказывает влияние и на развитие техники вполне земной...

— Разумеется. Вот, скажем, во время создания «Востока» в 1958 году Сергей Павлович Королев сказал: «Поговорите с радиозаводом высокой культуры. Нам нужен транзисторный приемник широкого диапазона». Обратились к рижскому заводу ВЭФ — он выполнил наш заказ. Потом это стала популярная «Спидола»... Есть такое выражение: «Семь потов выпил»... Решение задачи регенерации водяного конденсата, осуществленное для космоса, естественно, находит применение не только в космосе... А миниатюризация электроники? Она требовалась для космических полетов, а сколько принесла нам удобств в повседневной жизни... Короче говоря, многое из того, что нужно было для нашей работы, переходит в народное хозяйство, повышая уровень его оснащенности, выводя его на новые рубежи.

Конечно, шагает вперед и сама космическая техника. То, чем мы располагаем сегодня, трудно даже сравнивать с тем, что было вчера. Гагарин на «Восток» мог выдать 63 команды, на комплексе «Салют-7» — «Союз-Т» можно выдать примерно 20 тысяч команд...

Полагаю, что сегодня значение космических исследований признано во всем мире, и большинство стран, располагающих для этого силами и средствами, стремятся принять в них участие. В Западной Европе в год расходуется около 4 миллиардов долларов на изучение космоса. Мне приходилось встречаться с западноевропейскими специалистами, они говорят: «Если не будем это делать, за год отстанем на десять лет...»

Нужно сказать, что интерес к космическим исследованиям, к освоению космического пространства постоянно растет. Уже в течение двух десятилетий социалистические страны, объединенные в программу «Интеркосмос», проводят совместные исследовательские работы. В космосе побывали представители всех стран, входящих в эту программу, а также космонавты Франции и Индии. Мы уже многократно выводили на орбиту аппаратуру и приборы, созданные в научно-исследовательских центрах многих государств, проводили некоторые эксперименты по их просьбе.

— Как известно, усилиям в мирном освоении космоса противостоит доктрина его милитаризации, перенесения в космос систем оружия и антиоружия. Вспомним строчки из американского журнала «Бизнес уик»: «Тот, кто сумеет захватить контроль над космосом — этой главной ареной будущих войн, — сможет решающим образом изменить соотношение сил, и это будет равносильно установлению мирового господства». Виталий Иванович, ваше мнение по поводу проектов «звездных войн»...

— Прежде всего мне хотелось бы подчеркнуть: любое столкновение в космосе, любой конфликт военного характера с неизбежностью распространится на Землю.

Создание систем противоракетной обороны (ПРО), провозглашенное администрацией США, не служит обороне. Это попытка «закраться» от ответного удара, не допустить, чтобы пробилась сквозь заслоны, созданные лазерным, пучковым и иными видами оружия, хоть одна ракета. Создание такого противоракетного «зонтика», якобы обеспечивающего безнаказанность, в сочетании с развертыванием сил первого удара провоцировало бы на самые безответственные действия тех, кто ищет решения мировых проблем на путях конфронтации, в том числе военной.

— Подписанная президентом Рейганом директива номер 119 предписывает Пентагону разработать принципиально новые виды и системы военной техники космического базирования...

— Да, речь идет и о видах оружия, задачей которых будет уничтожение спутниковых систем, и о таких, назначением которых станет перехват межконтинентальных баллистических ракет, и, наконец, таких, которые позволяли бы поражать из космоса объекты на Земле. Совершенно очевидно, что реализация подобных планов привела бы к качественно новому, опаснейшему витку в гонке вооружений, когда оружие может выйти из-под контроля.

В ближайшие пять лет США намереваются израсходовать на исследования в области систем ПРО 29,2 миллиарда долларов. Для сравнения: программа «Аполлон» с первой высадкой астронавтов на Луну — это двенадцать лет и 25,6 миллиарда долларов.

Военно-промышленный комплекс США — инициатор и двигатель создания новых систем оружия с элементами космического базирования.

Монополии США ждут от создания противоракетной системы поистине космических прибылей. Подсчитано, что только первый этап ПРО обойдется в 300 миллиардов долларов, а завершенная система — более чем в 1000 миллиардов.

— Виталий Иванович, как вы оцениваете шансы на достижение договоренности в рамках советско-американских переговоров, которые ведутся в Женеве?

— Известно, что Советский Союз еще в 1983 году представил на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН проект договора «О запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли». Генеральная Ассамблея тогда же поручила Комитету по разоружению рассмотреть вопрос о предотвращении гонки вооружений в космосе в ПЕРВООЧЕРЕДНОМ ПОРЯДКЕ с учетом представленного СССР проекта договора. За это решение проголосовало 147 государств, против — одно: США... Наша страна многократно выдвигала важные пред-

ложения, направленные на то, чтобы не допустить милитаризации космического пространства. Мы неизменно исходим из того, что люди, народы, государства должны сотрудничать, а не враждовать — и на Земле, и в космосе.

С этой позиции выступает Советский Союз на переговорах в Женеве. С нашей стороны готовность к взаимоприемлемым решениям подчеркнута в государственных и партийных документах, в беседах Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева с руководителями правительства и государства, посетившими в последнее время Москву. Мы приветствовали бы любое проявление доброй воли со стороны США. Однако то, что пока происходит, настраивает на не слишком уж радостный лад.

Хотелось бы верить, что в Соединенных Штатах утвердятся в конце концов реалистический подход к острейшей проблеме современности — недопущению распространения гонки вооружений на космическое пространство. Если помните, Договор между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны действует уже более 10 лет. Дважды — в 1977 году и в 1982 году — стороны рассматривали его и пришли к единому мнению, что Договор по ПРО продолжает отвечать их интересам и не требует внесения изменений или поправок. Строго соблюдать Договор — вот что главное. Это позволит добиться прогресса на всех направлениях, во всех сферах диалога о сокращении ядерных вооружений.

Сегодня, я думаю, все трезвомыслящие люди знают, что гонка вооружений и переговоры о разоружении несовместимы. Стремление к подрыву стратегического равновесия навязывает человечеству новый виток в создании систем сверхсовременного оружия, виток поистине непредсказуемо опасный. Уместно вспомнить слова министра обороны СССР Маршала Советского Союза С. Л. Соколова, подчеркнувшего в ответах на вопросы корреспондента ТАСС, что «создание ударного космического оружия обернется, и обернется неизбежно, снижением безопасности и самих США и их союзников».

Маршал С. Л. Соколов, говоря об исследованиях в области космоса в Советском Союзе, отметил, что у нас ведутся научно-исследовательские работы, в том числе в военном плане. Но они не направлены на создание ударного космического оружия, а связаны с совершенствованием космических систем раннего предупреждения, разведки, связи, навигации.

«Ударное космическое оружие и противоракетную оборону территории страны, — заявил министр обороны СССР, — мы не создаем. СССР твердо придерживается бессрочного Договора 1974 года».

Мы — за мирный космос. Известно, что Советский Союз предложил Соединенным Штатам на весь период переговоров установить мораторий на ударные космические вооружения и ракеты средней дальности в Европе. Это позволило бы создать благоприятные условия для достижения эффективных договоренностей. США — против. И этот отказ последовал из Вашингтона сейчас, когда продолжает действовать объявленный еще в августе 1983 года односторонний мораторий СССР на вывод первым в космическое пространство противоспутникового оружия, когда с 7 апреля и вплоть до ноября 1985 года Советский Союз в одностороннем порядке прекратил дальнейшее развертывание своих ракет средней дальности, приостановил осуществление других ответных мер в Европе.

Долг ответственных политиков — осмыслить сложившуюся обстановку и сделать соответствующие выводы. Это их долг не только перед собственным народом, но и долг перед человечеством, перед нынешним и будущими поколениями.

— Виталий Иванович, один вопрос из другой области... Как вы считаете, изменяется ли человек, побывав в космосе? Если да, то в чем?

— Видите ли, я наблюдал многих из тех, кто слетал. Человек, побывавший в космосе, сохраняя основные свойства своего характера, в чем-то очень существенном становится другим. Вероятно, подготовка к космическому полету, требующая большой отдачи и высокой ответственности, готовность совершить нечто необычное и сложное, наконец, сам факт полета — все это приводит к тому, что человек раскрывается какими-то новыми гранями характера, таланта. Отчетливо замечаю это в своих товарищах. Это люди, которых полет или полеты в космос, без сомнения, сделали духовно богаче, по-человечески подняли, что ли...

Самое главное, как мне кажется: космос помогает людям острее и точнее осознать, что планета у нас одна и в наших силах сделать так, чтобы жизнь на ней была разумнее и добрее.

Беседу вел
Генрих ГУРКОВ.

И ВСЕ-ТАКИ Я ВЕРЮ...

Михаил
РОММ,
народный артист
СССР,
кинорежиссер

В биографии советского политического кинематографа особое место занимает фильм Михаила Ильича Ромма «Обыкновенный фашизм». Этот фильм — событие поистине огромное.

В последние годы жизни он работал над фильмом, сценарий которого назвал «Мир сегодня». Вот слова, которыми этот сценарий начинается:

«Маркс, Энгельс, Ленин говорили, что капитализм обезчеловечивает человека, что если не победит социалистическая революция, то неизбежна всемирная катастрофа. «Эта катастрофа особенно гибельна,— утверждал Энгельс,—если учесть развитие техники».

Мир сегодня подтверждает эти положения. Обезчеловечивание человека обрело сейчас новые, изощренные формы. Взрыв научно-технической мысли наряду с блистательными достижениями создает в условиях капитализма неразрешимые узлы противоречий, некоторые из которых угрожающе опасны для мира, для жизни, для человека...»

Ромм не успел завершить свой фильм — он вышел уже после смерти художника, фильм, который был назван «И все-таки я верю...». Это очень горькая, но и глубоко оптимистическая картина. В ее начале звучит комментарий Михаила Ильича, начитанный перед монтажным столом.

Мы предлагаем читателю размышления замечательного мастера экрана, посвященные той его работе, которой суждено было стать последней.

Особенно внимательно Ромм приглядывался к молодежи. Он прекрасно понимал, что мироощущение того поколения, которому завтра предстоит решать судьбы своих народов, необходимо изучить, понять, постигнуть. Поколения сложного, неоднозначного, в чем он многократно убеждался, встречаясь с молодыми людьми Америки и Западной Европы.

Перед вами — расшифровка магнитофонной записи. Публикуется впервые.

Я предполагаю продолжить работу, начатую в «Обыкновенном фашизме», то есть вновь делать фильм-размышление с таким же упором на авторский текст, на авторскую мысль, но, разумеется, на современном материале.

Я не боюсь, что картина будет в известном смысле тенденциозной. «Обыкновенный фашизм» тоже тенденциозен. Я не сомневаюсь, что люди захотят смотреть эту картину, которая затрагивает любого человека, ибо она будет говорить о жизни и смерти, о сытых и голодных, о войне и мире, о тревоге и равнодушии — словом, о существовании человечества, которое заслуживает любви.

Ведь коммунизм — это прежде всего любовь к людям.

Это еще не либретто и не сценарий, это только изложение мыслей, которые связаны с картиной.

Великолепный XX век. Век небывалых, неслыханных достижений человечества во всех областях его деятельности. Век науки, век техники, век культуры, век новых искусств — кино, телевидения, радио; век новых наук — кибернетики, электроники, биофизики, биохимии, генетики; век богатства, век изобилия, век глобального мышления, глобальной политики, век глобальных связей. Словом, это великолепный век.

Но, пожалуй, если бы на нашу грешную Землю попал какой-нибудь житель Марса, или Венеры, или какой-нибудь звезды Альфа, ему показалось бы прежде всего, что это век автомобилей.

Посмотрите на Пляс Этуаль в Париже. Это водоворот машин. Мостовой не видно, и отдельные машины не воспринимаются как единицы. Это общий поток, месиво. И такое же месиво мы видим на улицах Нью-Йорка, Чикаго, Рима, Лондона, любых городов. Автомобиль стал символом нашего времени. Это первое, что заметил бы, пожалуй, житель иной планеты.

Кроме того, ему показалось бы, что это век вещей.

Его потрясли бы необыкновенные холодильники, пылесосы, полотеры, похожие на произведения искусства. Это поразительные бытовые приборы: электроплиты, стиральные машины. Искусственные пластики и материалы. И даже игрушки — электронные игрушки, которые сами ходят, сами разговаривают, сами как будто бы даже думают. Самообучающиеся мышки и действующие палачи, которые отрубают головы преступникам. Его поразили бы все эти нейлоны, лаки, краски, искусственные кожи, косметика. Бери, покупай — все для тебя, человек.

Но человек почему-то не стал от всего этого счастливее. Непонятно, почему. Ведь он и сам очень усовершенствовался. Он гораздо выше и дальше прыгает, чем прыгал когда-то, быстрее бегаёт, быстрее плавает. Он мечет копье или диск так далеко, что это и не снилось никаким копьеметателям и дискоболам Древней Греции.

Миллионы и десятки миллионов людей сидят у телевизоров, сотни тысяч собираются на стадионах, чтобы смотреть на этого нового, быстрого, ловкого, стремительного, мощного, могучего человека, который кулаком может убить быка или лошадь.

Вот только почему-то эти современные сверхчеловеки часто плачут. Они плачут, когда не занимают первого места. Здоровенные девки рыдают оттого, что оступились; они нервничают, они иногда даже умирают, не добежав до финиша, умирают, потому что все это на пределе человеческих возможностей. Один умер, а другой его обгоняет и рвет ленточку финиша.

И нужно еще скорее, потому что человечество не может остановиться. Еще одна десятая секунды, еще одна сотая секунды, вперед, вперед, чемпионы, вперед и выше.

Вы уже летаете, как птицы, вы парите в свободном полете на своих парашютах. Это поразительно красиво. Вы плаваете под водой, как рыбы, или даже лучше, чем рыбы. Вы вздымаетесь в космос на своих ракетах и выходите в космосе на прогулку.

Вы изменили лицо планеты. Вы построили огромные города, стеклянные кубы небоскребов. Ваши

лайнеры бороздят океаны, и воздух рассекают ваши воздушные корабли.

Действительно, появилась новая порода человека. Он создал невиданные машины. Машины окружностью в десять километров, а поперечником в три километра. Но машины поражают не только своей грандиозностью. Они поражают и миниатюрностью.

Вот телевизор. Он величиной с обыкновенный фотоаппарат. Его можно носить в руке или положить в карман. Это миниатюрное, портативное искусство. Этот телевизор споет вам, или на его экране спянут, или покажут вам детективчик. Миниатюрный заменитель искусства.

Или вот магнитофончик с микрофоном величиной с пуговку. Он вставляется в петличку. А есть микрофончики всего в горошину. А приемнички есть и того меньше. И приемнички и передатчики. Вот приемничек, который можно положить в пломбу зуба, и человек будет принимать и слышать команды и распоряжения. А весь приемничек помещается у него в пломбе.

Или вот посмотрите этот магнитофон, у которого на микрофоне поставлен оптический прицел. При помощи этого микрофона можно слышать то, что говорится за окном в трехстах — четырехстах метрах. Вот давайте попробуем. Вон там, далеко, на опушке домика. Попробуем найти при помощи этого оптического прицела это окошечко, которое еле светится там, в темноте.

Там муж и жена. О чем они говорят? Да просто ссорятся.

А хотите послушать этих двоих, что стоят на вершине Эйфелевой башни? Они еле видны отсюда, маленькие-маленькие. Но мы слышим, что они говорят. Что они говорят? Им скучно.

— Ты видишь наш дом?

Коллаж Олега ГРАЧЕВА

— Где?
 — Да вот.
 — Нет, это не он.
 — А может быть, и он.
 — А вот это что?
 — Это Дворец инвалидов.
 — Мне холодно, я хочу домой.
 — Ну, давай постоим еще, если уж поднялись.
 — Ветер.
 — Ну, конечно, ветер. Но неужели тебе неинтересно? Ты так высоко.
 — Нет, мне неинтересно.

Можно слышать все, что говорит человек. Есть микрофоны острые, как иголка или буравчик. Им можно просверлить стенку и слышать, что говорят за стеной. Можно поместить микрофончик в пепельницу, в перечницу, в солонку, приклеить его снизу к столу.

И тысячи вот таких барышень, таких сержантов записывают все, что говорится за закрытыми дверями в квартирах, в ресторанах, даже в поездах метро или в троллейбусах. Все можно слышать.

Вот живут двое соседей. Они незнакомы друг с другом. Их квартиры на одной лестничной площадке. Встречаясь, они снимают шляпы: здравствуйте, здравствуйте. Вот все, что они знают друг о друге. Но вот эта барышня и этот сержант знают про них решительно все. Они знают, как те проводят ночи, о чем говорят с женой; они знают их политические убеждения, знают, какие замечания они делают, прочита газету. Они изучили их досконально. Это одинокие люди. Им скучно, и они одиноки в этом огромном мире. Одиноки, но хорошо известны.

Смешные, наивные люди. Они думают, что здесь, на двенадцатом этаже, при погашенном свете, в темноте, при закрытых окнах они одни. Нет, они на виду.

Каждое их слово слышно, и каждое их движение видно.

А сведения, которые собираются этими многочисленными магнитофонами и машинами записи? Эти сведения обобщаются электронным мозгом, и они служат очень важными документами для политики, для обучения человечества, для руководства человечеством, для направления его в ту сторону, которая нужна, необходима.

Электронные мозги вообще стали играть выдающуюся роль в жизни. Они управляют промышленностью. Они регулируют уличное движение, предсказывают погоду или исход спортивных матчей. Они размышляют, сопоставляют, делают общественные прогнозы, высчитывают. Они могут, если угодно, писать стихи, сочинять музыку или играть в шахматы. Без электронного мозга ныне и лавочку галстуков не откроешь. Электронный мозг скажет, и где ее открыть, и какие галстуки войдут в моду в будущем году. Словом, они заняты и великими, и малыми делами.

Так или иначе электронные мозги и автоматы вторглись в жизнь человека и начинают соперничать с ним. Некоторые автоматы прекрасны. Ну, например, вот эта пилюлька. Если ее проглотить, она пройдет через ваш пищевод, желудок и двенадцатиперстную кишку. А это передатчик в этой пилюльке, и он сообщит вашу кислотность и работу ваших внутренних органов. Это просто великолепно.

Сделаны изумительные вещи. Скажем, для здоровья человека искусственные легкие, искусственные почки, искусственное сердце. Правда, они пока еще очень большие.

Все можно сделать. Один итальянский ученый уже создал искусственных людей. Он вывел в колбочках зародышей, которые не зачаты женщиной. Правда, он не сумел довести эти зародыши до девяти месяцев.

Чарльз ХАМИНВА,
 Кения

Проклятие войне

*В росе прекрасные цветы,
 растущие на костях,
 свежий, солнечный ливень —
 пули, в них смерть и страх,
 залиты светом бульвары,
 полные черепов,
 жир — из людской жаркой плоти,
 вина — остывшая кровь.
 Бодрая музыка песен...
 из мертвых залекшихся губ,
 танцы стрекос невесомых...
 под звуки военных труб.
 Любовь на штыках распята,
 мертвых — вокруг большинство...
 не это ль — твоя услада,
 военное божество?
 Какая тебя мучит жажда?
 Какие лелеешь мечты?
 Не этого ль блюда однажды
 хочешь отведать ты?*

Мтули ШЕЗИ,
 ЮАР

М. Шези — молодой драматург, автор ряда антирасистских пьес, запрещенных к показу в его стране.

Читая письмо любимого

*Любимый мой, я буду ждать тебя,
 В разлуке дни и ночи торопя.
 Боюсь глаза от входа отвести —
 Боюсь приход Свободы пропустить.
 Пока расизм творит кругом разбой,
 Я о тебе тревожусь, дорогой.
 Покоя нет, и в сердце вечный страх:
 Смерть от тебя лишь
 в нескольких шагах.
 Но весточка твоя —
 как жизни светлый знак,
 Пускай тебя живым бьют враг,
 И я, читая, становлюсь сильней,
 Я буду ждать — ты приходи скорей.
 Твое решение вокруг все изменило.
 Да будет тверд твой шаг...
 Ты слышишь, милый?*

Перевел с английского
 Феликс БУРТАШОВ.

Он подсаживал их в определенный период, кажется, на третьем, на четвертом месяце, к женщинам.

Я, впрочем, не понимаю, зачем это, хотя это, может быть, очень важно. Я не понимаю, зачем делать искусственных людей, когда естественных так много. Их так много, что они уже не помещаются на улицах городов. Их так много, что они вываливаются с тротуаров, не в состоянии впахнуться в метро. Они прут, как сельди в сети, как икра, как сардины. Только недавно людей было два миллиарда. Сейчас — больше трех с половиной. Говорят, к двухтысячному году будет восемь, а еще через двадцать лет — двенадцать миллиардов. И даже самые оптимистичные из нас, яростные противники злодея Мальтуса, уже не могут определенно сказать, куда же денутся эти двенадцать миллиардов, где они будут жить, когда уже сейчас негде жить. Что они будут есть, когда уже сейчас треть человечества голодает? Что они будут пить, если уже сейчас не хватает питьевой воды? И чем они будут дышать, ибо уже сейчас население больших городов начинает задыхаться?

А человечество все растет. Ну, в общем, все-таки век великий и человечество счастливое. Счастливые жители XX века. Вот идет это человечество по улицам города.

Вот оно сидит на бульварах.
 Вот оно стоит.

Только почему у них такие угрюмые, тревожные лица? Что, они не понимают, в какие великие времена они живут, и у них не хватает фантазии или оптимизма? Почему они не улыбаются? Что с ними, чего им не хватает?

Может быть, нашему веку чего-то не хватает? Чего? Нет, конечно, не техники, чего-то другого. Не вещей, чего-то другого. Не науки, чего-то другого. Не изо-

щренной связи, нет, чего-то другого. Чего им не хватает?

Давайте посмотрим, как начался наш век. Пробежим по нему. Пробежим быстро и поверхностно, нарочито легкомысленно, потому что у нас нет времени останавливаться на важных вопросах; нам нужно только посмотреть, ну что вообще случилось с людьми за эти шесть-семь десятилетий.

В былые, стародавние времена наступление каждого нового века сопровождалось мрачными предсказаниями страшного суда и гибели человечества. Совсем не то произошло на рубеже XIX и XX веков. XX век был открыт в обстановке торжества, восторга и самых оптимистических прогнозов. Об атмосфере его открытия можно судить по газетам, журналам и рисункам того времени, ибо кинохроника не успела запечатлеть момента, когда была, так сказать, перерезана ленточка XX века.

Предполагалось, что предстоит век великих достижений демократии, разума, торжества справедливости. Технике тоже отводилось немалое место.

В самом деле, почти одновременно на рубеже двух веков появились автомобиль, самолет, дирижабль, радиоприемник, рентген, саксофон, пулемет, телефон, электролампа, граммофон с пластинками, кино, шпальель, так называемый беспроволочный телеграф, то, что вскоре неправильно было названо словом «радио», и т. д. и т. д.

Делалось множество технических прогнозов. Фантасты работали не менее плодотворно, чем работают сегодня. Сейчас немножко смешно смотреть на гравюры тех времен, которые изображают громадные города под стеклянными колпаками, толпы людей, которые, сияя улыбками, приветствуют друг друга; дирижабли, которые причаливают прямо к балконам; на потрясенных супругов Юри, которые отшатываются при виде громадного куска сверкающего радия; на не менее потрясенного Рентгена, который видит консервный ключ в желудке у человека. Или, скажем, на сияющих господина с пышной бородой и усами и даму, которые разговаривают по телефону, полные восторга и изумления. Смешно смотреть и на более реалистическое изображение, скажем, первых автомобилей, которые наводят панику среди кур и прохожих.

Моды начала XX века были прекрасны. Женщины ходили в длинных-длинных платьях, да самой земли, причем эти платья были так узки, что они еле могли переставлять ноги. Более смелые или, скажем, более вульгарные из них делали разрезы до колена. Шляпы носили огромные. Они держались на голове при помощи таких же громадных булавок со специальными наконечниками, чтобы не выкололи глаза соседу в толпе. Мужчины носили соломенные канотье, бороды и усы. Дамы носили пышные бюсты, приподнятые корсетом, и выразительные, эффектные «зады».

Я опоздал всего на несколько дней к началу века, могу считать себя его современником. Опоздал и тем не менее помню первый автомобиль, который увидел на улицах Москвы, помню и первый увиденный мною самолет.

Вот как это было у нас. В Москве на ипподроме должен был состояться показательный полет французского авиатора Пегу. Об этом много писали газеты и шумели все. Отец взял меня и старшего брата на ипподром. Входной билет стоит рубль — сидячее место, пятьдесят копеек — стоячее. Отец заплатил по полтиннику.

Ипподром был битком набит роскошной публикой. Дамы, затянутые своими узкими платьями, семенили ножками. Кавалеры держали их под руку. Городовые тарасили глаза.

А посредине ипподрома, посредине бегового поля стояло странное сооружение из бамбука, каких-то палочек и холста. Непонятно было, как это сооружение может полететь. Около сооружения стояла группа людей, в том числе авиатор в кожаной куртке, сам Пегу. Он протиснулся к механику, целовался с кем-то, махал толпе рукой. Ему махали в ответ. Потом ему подали стремянку, и он полез вверх. Там висел стульчик, рядом с мотором, висел прямо в воздухе. Он уселся на этот стульчик, примерился. Стремянку убрала. Несколько раз повернули винт.

Это продолжалось долго. Все что-то не ладилось. Наконец что-то затрещало, затарахтело, задымилось. Сооружение затряслось на месте, потом вдруг поползло, поползло и оторвалось от земли. Я ясно помню этот момент. Раздался вопль восторга и ужаса. Дамы метнулись настолько, насколько позволили им длинные узкие юбки; кавалеры подхватили их, держа одновременно свои соломенные канотье.

А самолетик все поднимался: на метр, на пять, на десять, может быть, даже на двадцать. Он сделал разворот, он полетел вокруг бегового поля. Он стал приближаться к трибунам. Вольг достиг уже какой-то космической степени.

Он сделал два круга, потом сел. Толпа хлынула к самолетику, окружила его. Пегу подняли на руках. Летели цветы. Его несли. Он махал приветственно руками, сиял.

Вот так состоялся первый полет в Москве.

Ну, а потом появилось кино. И прочно вошло в жизнь человечества.

Вот так начался XX век.

Самодовольное торжество этого века продолжалось всего тринадцать лет. На четырнадцатом году разразилась первая мировая война. Она разразилась внезапно, ее никто не ждал. Даже за месяц, даже за две недели до ее начала она считалась невозможной.

Не будем спорить, кто был виноват. Все были виноваты. Для нас важнее, что эта война, в общем, была кустарной при всех своих огромных масштабах. Новейшие изобретения, технические, научные открытия были в ней использованы слабо. Люди истребляли друг друга при помощи ружей, пулеметов, артиллерии; гноили друг друга в окопах. И только к концу войны появился танк, который использовал уроки автомобилестроения, появились отравляющие вещества иприт и хлор, которые, в общем, слабо использовались достижениями химии. Эта гнилая, окопная, пулеметно-ружейная война унесла семь миллионов человек. В общем, это не так много для огромной планеты. В конце концов грипп, который разразился после первой мировой войны (он носил тогда название испанки), унес двадцать миллионов жизней, то есть почти в три раза больше, чем война.

Вдобавок на войне погибли «солдатики». «Солдатики». Никто из владык мира, никто из тех, кто затеял войну, никто из тех, кто командовал этой войной, в общем, не пострадал. Это была война, еще похожая на прежние войны, хотя по характеру гораздо более жестокая и массовая, охватившая действительно значительную часть мира.

Самой большой неприятностью для капиталистического мира было то, что в результате этой войны возникла Советская Россия. С нами боролись при помощи разнообразных интервенций, но справиться не удалось. Советская Россия осталась.

Что касается самой войны, то она закончилась благополучно для тех, кто победил в ней. Был заключен Версальский мир. Он был заключен в обстановке неслыханного торжества.

Версальский дворец. Толпа, около дворца кишущая. Теперь уже есть кино и все это снято. Да и первая мировая война снята. Правда, не очень подробно, но все-таки снята.

Творцами Версальского мира были Ллойд Джордж, Клемансо, Пуанкаре. Большое участие принимал американский президент Вудро Вильсон.

Решено было, что больше войн не будет, не будет никогда. Для этого были приняты следующие меры. Во-первых, Германия была строго наказана. Ее границы были урезаны, у нее были отняты Эльзас — Лотарингия. На нее была наложена огромная контрибуция. Ей было запрещено содержать армию, военноморской флот и авиацию.

А во-вторых, для наблюдения за миром была создана Лига Наций. Она была создана по инициативе Вудро Вильсона (вот ее здание в Женеве). Отныне Лига Наций должна была заботиться о мире.

Итак, наступил мир. Долгий мир. Может быть, вечный мир. Человечество стало очень быстро расти и количественно и качественно. Стремительно двинулась техника. Появились новые пластмассы, искусственные материалы, множество бытовых приборов. Всеобщее признание получила теория относительности Эйнштейна. В стандарт жизни прочно вошли холодильник и собственный автомобиль.

Именно в это время автомобиль завоевал улицы городов. Именно в это время он стал символом XX века и нынешнего человечества. Появилось понятие «автострада».

Моды решительно изменились. Мужчины сбрили бороды и усы, укоротили брюки и расшнуровали плечи пиджаков. Женщины стали носить очень короткие платья. Это именовалось стилем «бэбэ», или стилем «мальчишка». Платья кончались значительно выше коленей, они были с напуском. Волосы стали стричь. Вместо танго стали танцевать фокстрот и чарльстон.

Франция отгородилась от Германии линией Мажино — совершенно непроницаемой стеной. На сотни километров протянулись доты, бункера, оснащенные самой мощной артиллерией. К стати, сейчас в бункерах линии Мажино разводят шампиньоны. Артиллерия снята, а подвалы практически использованы на пользу человечества.

В конце 20-х годов появилось звуковое кино и вместе с ним настолько знаменитые кинозвезды, что они затмили королей, президентов, знаменитых ораторов и даже боксеров.

И вот примерно в это же время, в конце 20-х годов, в самое, так сказать, распрямленное время, совсем недалеко от Лиги Наций, от Женевы, в Вене состоялась беседа с известным австрийским философом Освальдом Шпенглером, идеалистом и мистиком, реакционным философом, но человеком, очевидно, неглупым.

Говорят, что Освальда Шпенглера спросили, будет ли вторая мировая война, и он неожиданно ответил:

непрерывно. Такая уверенность поразила вопрошавших. Ему задали новый вопрос: если он так уверен, то не может ли он сказать, когда. И Шпенглер ответил: могу, примерно около 1940 года.

— Почему около сорокового?

— Потому что к этому времени вырастет поколение, которое не помнит первой мировой войны. Для этого нужно двадцать — двадцать три года.

Это предсказание было воспринято как парадокс, даже как кокетство. Откуда война? Кто и с кем будет воевать?

А между тем в Германии уже ораторствовал Гитлер — городской сумасшедший, предводитель банды хулиганов. Он ораторствовал в той самой Германии, которая была лишена армии, флота и авиации; той самой Германии, которая, казалось, была навсегда раздавлена.

Шпенглер ошибся очень немного, скорее, он переоценил время мирной передышки. Уже в 1938 году эта самая Германия захватила Чехословакию, в 1939 году обрушилась на Польшу, и началась вторая мировая война.

Это была совсем другая война. Это была война подвижная, война танковая, война бомбардировочная. Она отличалась неслыханной жестокостью, свирепостью оккупантов, которую сначала не до конца поняли даже ее современники.

Количество жертв этой второй мировой войны было грандиозным. Уже не семь миллионов погибло, а около пятидесяти миллионов, причем из этих пятидесяти миллионов огромное большинство составляли женщины, дети, старики — мирное население, — которые горели в своих домах, погибли под развалинами, были умерщвлены в концлагерях, задушены газами, или отравлены, или умерли с голоду.

Основной урок тридцатых и сороковых годов заключался в том, что современные методы пропаганды — радио, газеты и т. д. — могут превратить целые народы в скопище сумасшедших, что человек XX века, несмотря на весь технический прогресс, оказался, к сожалению, подвержен тем припадкам животной жестокости, которые свойственны были его далекому предкам. Оказалось, что в XX веке возможно обдуманное истребление миллионов людей, истребление хладнокровное, планомерное.

В 1945 году война, как известно, закончилась. Европа лежала в развалинах. В развалинах лежали Берлин, Дрезден, Лейпциг, Кельн; в развалинах лежала Варшава, превращенная в пыль и щебень; в развалинах лежали Минск, Смоленск, Новгород, Харьков. Псков и множество других советских городов; в развалинах лежали Роттердам, Ковентри. Матери искали детей, а дети — отцов и матерей. Узники концлагерей еще продолжали умирать, потому что ничто не могло спасти их от смерти.

Но война еще продолжала гореть. Она горела на Востоке, и наконец в конце сорока пятого года она закончилась двумя атомными взрывами — в Хиросиме и Нагасаки. Как известно, эти бомбы, первые кустарные атомные бомбы, взорвались тогда, когда они уже не были нужны: Япония находилась накануне капитуляции. Но оружие было создано, и, следовательно, нужно было его испытать. Американской военщине надо было посмотреть, насколько это практично, что оно дает. Оно оказалось очень практичным. Две маленькие первые опытные бомбочки убили и искалили около трехсот тысяч человек, и, хотя они обошлись очень дорого, в пересчете на одного человека убийство оказалось дешевле, например, чем убийство из автомата или винтовки.

Вот так кончилась война. Наступил мир. Он наступил как-то странно. Он не был торжественно подписан ни в каком Версале. Он вообще не был подписан. Просто были осуществлены решения Ялтинской и Потсдамской конференций. На этих конференциях предусмотрели железные гарантии мира. Германия была снова лишена права содержать армию, флот и авиацию. Снова урезана территорияально. А вместо Лиги Наций была создана Организация Объединенных Наций. Но на этот раз она была создана не в Женеве, а в Нью-Йорке.

Здание ее гораздо выше и современнее, чем здание старой Лиги Наций. Штат ее обширнее, задача универсальнее. И обходится она человечеству гораздо дороже, чем обходилась женевская Лига Наций.

Кроме всех этих мероприятий, было казнено несколько военных преступников во главе с Герингом, ибо Гитлер, Геббельс и Гиммлер успели своевременно покончить самоубийством.

С тех пор прошло двадцать три года. Фрау Геринг печатает в журнале богато иллюстрированные воспоминания о своем покойном муже, рейхсмаршале. Выросли за эти двадцать три года новые люди, выросло новое поколение.

Вот они перед вами на улицах европейских городов. Выросло поколение, которое не помнит второй мировой войны так же, как в тридцатых годах выросло поколение, которое не помнило первой. Правда, сейчас, после такой страшной бойни, одного поколения, пожалуй, мало, пожалуй, не хватит ни двадцати,

ни двадцати трех лет, чтобы забыть, совсем забыть войну. Ну, а наш народ не забудет ее никогда.

И все-таки следует помнить, что мы живем во время второй передышки. Правда, в мире сейчас нет такого самоуверенного философа, который позволил бы себе заявить — «непреренно».

Но так или иначе можно осмотреться вокруг.

2

Так вот, если оглянуться вокруг, посмотреть, что сейчас происходит в мире, когда прошло две трети XX века и когда характер его стал уже совершенно ясен — характер противоречивый, коварный, опасный, характер, в котором соединено и нечто действительно невиданное по стремительности движения вперед, по великим достижениям, и в то же время неслыханно жестокий и отвратительный с точки зрения нормальной человеческой морали, — так вот, если посмотреть вокруг на этот мир, то хочется спросить себя: что больше всего беспокоит человечество сейчас?

Ну, разумеется, беспокоит очень много важных вещей, о них мы еще скажем. Но иной раз сдается, что больше всего начало беспокоить всех состояние умов молодежи, состояние умов поколений, которые уже не помнят войну. Их сейчас очень много. Они составляют, пожалуй, треть человечества. Во всяком случае, это самая активная его часть.

Кого оно беспокоит, это молодое поколение Запа- да? Оно беспокоит и журналистов, и писателей, и философов, мыслителей, кинематографистов и поли- цию, прокуроров и судей, педагогов и профессоров, пап и мам, дядей и тетей — словом, всех.

В этом поколении тревожат, как пишут, отсутствие идеалов, ранний цинизм, непонятное равнодушие, которым заражена молодежь неизвестно по каким причинам; в этом поколении тревожит какая-то его непонятность, так что иногда его даже начинают называть «поколение икс», какие-то бунтарские тенденции. Это поколение не верит взрослым. У них своя музыка, свои танцы, которые не нравятся взрос- лым; эта музыка и танцы приводят их почему-то в страшное возбуждение; у них свои забавы, иногда довольно жестокие, свой образ жизни, свой жаргон, свое мышление. Иногда действительно кажется, что порвалась какая-то пуповина, какая-то связь между теми, кто живет на земле уже много лет и кто сроща с этим двадцатым веком, и теми, кто сейчас только созревает.

В этом поколении чувствуется протест. Он возникает очень рано. Иногда он принимает смешные фор- мы: мальчики вдруг отпускают длинные волосы или бороды, ходят грязные; девочки, ходящие в брюках, обстригают себе концы брюк; они ведут себя очень развязно на улицах, нарочито развязно. Исчезла эта скромная, аккуратная сдержанность молодого евро- пейского поколения, которое готовилось серьезно войти в жизнь и зарабатывать деньги.

Это поколение ходит, жадно глядя кругом, отрав- ленное блеском вещей. Им хочется видеть эти вещи своими, хочется иметь самим машину, холодильник, и вот это, и вот это, и пистолет, и кожаную куртку, и мотоцикл, и электрогитару — хочется иметь все. И все это недоступно.

А взрослые их не понимают. И в большинстве случаев молодые жалуются, что у них нет общего языка со взрослыми. А под взрослыми они часто понимают старших братьев, которым двадцать — два- дцать два года. Не говоря уже об отцах и матерях.

Во всем этом чувствуется неосознанный протест. Против чего? Против чего они протестуют?

Молодежь знает, что со времени Хиросимы и Нагасаки появилась уже не только водородная бомба, но появились такие водородные бомбы, которые могут одним ударом уничтожить целую страну, что бомбы стали такими, что дальше увеличивать их убойную силу уже нет смысла, потому что куда же больше, если одна бомба может превратить в пепел европейскую страну среднего размера. Еще больше, и уже пострадают союзники, а может быть, и сам ты пострадаешь, и шарик пострадает.

Молодежь знает, что, кроме этих бомб, существуют новые отравляющие вещества, по сравнению с кото- рыми прежние газы времен первой мировой войны — это просто смешно. Сейчас убойная сила новых отравляющих веществ уже сравнима с убойной силой водородной бомбы.

И вот под этим знаком все время приближающейся смерти, под непрерывный рев сверхзвуковых бом- бардировщиков, которые прочерчивают небеса над всем миром и время от времени падают то в Испании, то еще где-нибудь, под грохот войн, которые то и дело напоминают о том, что гроза за горизонтом, совсем недалеко, — под этим знаком растет эта здоровая, такая рослая, такая крупная молодежь.

И нетрудно заметить, что это накладывает печать на все ее существование. Один английский молодой человек, как раз из «поколения икс», ответил в анкете на вопрос: «Где вы собираетесь жить?» —

«Только не в Лондоне, потому что если бомба упадет, то непременно на Лондон. Я где-нибудь подальше».

Таких ответов много. «Чем вы собираетесь зани- маться?» — «Хочу быть официантом: обеспеченные чаевые и всюду найдешь себе место для работы. Уеду в какой-нибудь тихий уголок».

Одна прекрасная немецкая девушка, студентка первого курса, ответила на вопрос, как они живут, так: «Мы оптимисты, — сказала она, — мы и мои друзья. Мы хотим жить хорошо и весело и думаем прожить жизнь свою хорошо. А что касается всех этих проблем с перенаселением, с тем, что кончатся скоро запасы нефти или питьевой воды, то нас это не волнует: ведь мы не доживем до этого времени, мы не рассчитываем столько прожить. Война-то будет го- раздо раньше».

Вот так и живет эта европейская молодежь. Живет в недоверии к взрослым, к тем, кто сделал мир таким шатким и странным.

У них свои танцульки. Если вы хотите попасть на эти танцульки, то нужно приходиться туда с осторож- ностью, а то выгонят. Не любят они, когда на них смотрит посторонний глаз. А танцы — в общем, ничего особенного.

В Западной Германии появились молодые люди, которые ничего не хотят. Они слят где попало, едят что попало. И вот, когда у них брали телевизионное интервью, ответы были примерно такие:

— Вы что, вот здесь и живете (а рядом — развали- ны дома)?

— Ну, хотя бы здесь, а что?

— Вы работаете где-нибудь?

— А зачем?

— Вы учитесь где-нибудь?

— Нет.

— Ну, а что же вы делаете?

— А тебе какое дело? Вы что, меня снимаете?

— Снимаем, — сказал телевизионный репортер.

— Ну, снимайте. — Молодой человек показал каме- ре язык.

— Все-таки на какие средства вы живете? Что вы едите? — спросил репортер.

— Идите к черту, что ем, то и ем. Не хочу я с тобой объясняться, ничего не хочу. — И ложится обратно около своей сумочки, в которой все его имущество.

Разная бывает молодежь, очень разная. Одни устраивают антивоенные демонстрации, другие устраивают грандиозные побоища, бьют витрины. Но, как это ни странно, иногда это те же самые молодые люди. Вчера демонстрировали, сегодня бьют витри- ны; вчера участвовали в сидячей забастовке протес- та, которая, кстати, в одном из американских горо- дов продолжалась двое суток, а сегодня устраивают мотоциклетный набег на соседний город с грандиоз- ным скандалом и побоищем. И в том и в другом участвовали одни и те же юноши.

Странное и непонятное поколение. В них бродит дух протеста, и в то же время они с завистью глядят на действительно великопепные вещи XX века. А неко- торые и крадут эти вещи. Крадут автомашины и бросают их где попало, разбиваются в этих автома- шинах. Совершеннейшие дети.

Но только ли они виноваты в том, что живут вот так, а не иначе?

Они живут в такой атмосфере непрерывного нати- ска секса и смерти, что трудно их винить. Этот секс, эта смерть льются со всех экранов, со страниц журналов, из каких-то дешевых порнографических изданий, каких-то бандитских изданий. Повсюду на громадных стендах пистолеты, револьверы, трупы, убийства, обнаженные тела и секс, секс, секс, зроти- ка, которая входит в их жизнь, буквально как только они начинают видеть окружающий мир.

Преступление тоже помолодело. В среднем оно помолодело лет на десять за последние тридцать лет.

Во многих странах капиталистического мира можно видеть этих мальчиков и девочек, еще несовершенно- летних, но уже убийц, уже участников коллективно- го изнасилования, уже наркоманов.

Украли машину, угнали, разбили. Один убит, двое ранено. А вот он — похититель — плачет в полиции, размазывая по лицу сопли, слезы и кровь.

Преступление страшно помолодело. И действи- тельно помолодела наркомания. ЛСД принимают сов- сем юные существа. Все это так.

Почему это так? Откуда, действительно, этот ци- низм? Почему молодежь растерянно глядит в мир? А что происходит в окружающем их мире?

А в этом мире в это время одновременно со стремительным накоплением орудий массового истребления человечества происходят достаточно не- лепые вещи, ибо мир взрослых проявляет генераль- ную озабоченность только в одном направлении — в направлении войны. И в то же время очень важные вопросы, связанные с дальнейшим существованием нашей цивилизации, в общем, беспокоят только от- дельных специалистов и какие-то отделы ЮНЕСКО.

Ну, например, все знают, что нефти осталось в сорок, на пятьдесят лет, но строят автострады,

производится гигантское количество автомашин, вся жизнь перестраивается под автомобильно-самолетный способ существования, как будто бы человечество рассчитывает только на автомобиль и на самолет.

Известно, что истощаются ресурсы питьевой воды. Реки отравляются моющими средствами, всевозмож- ными химикалиями, отбросами производства, а между тем моющих средств производится все больше, все больше строится химических заводов, все больше внедряются в жизнь всевозможные пластмассы и искусственные материалы. И одновременно вырубает- ся леса.

Процессы развиваются параллельно: с одной сто- роны, накопление смерти, с другой — ничем не кон- троллируемое истощение ресурсов планеты, а с третьей — стремительное нарастание численности человечества, которое ускоряет истощение ресурсов планеты и не учитывается стратегами при производ- стве нового оружия.

И вот в этой обстановке тревоги мне хотелось бы сделать ряд новелл про эту молодежь, ряд кусков, которые мне сейчас еще трудно предложить в кон- кретной форме. Но, во всяком случае, эти короткие кусочки, кратчайшие новеллы, всего по две, по три минуты, должны быть связаны со всем тем, что переживают люди сегодня.

Это новеллы про ту молодежь, которая с недоуме- нием смотрит на мир в шестьдесят восьмом году, которая понимает, что ей уготована уже какая-то неизвестная ей, но, во всяком случае, очень сложная судьба. И молодежь не хочет мириться со странностя- ми нашего времени, и, кстати, ее не устраивает также это благополучное существование людей, преуспе- вающих буржуа, которые погружены в устройство своих квартир, уход за своими машинами, погруже- ны в свой аккуратный, размеренный быт, такой приличный, такой комфортабельный, так прочно свя- занный со служебным положением, с материальным достатком и степенью продвижения по лестнице карьеры. Она потому и носит бороды, длинные воло- сы и обтрепанные брюки, что не хочет походить на типичных представителей старшего поколения. Не хочет, а вместе с тем приходится, потому что жизнь есть жизнь, она диктует свои законы и втягивает молодых в свою мясорубку.

И вот уже сын писателя Стейнбека, человека гуманного, беспокойного и, как нам казалось, честно- го, сражается во Вьетнаме, один из четырехсот тысяч американских карателей. И я полагаю, что сын Стейнбека считает себя правым. Ему кажется, что он отстаивает демократию и даже свободу.

И отец-Стейнбек едет к сыну как турист, ему разрешают выстрелить из пушки. Он летит на самолете и восхищается элитанной и слаженной работой экипажа. Кстати, ему ничто не угрожает, потому что у вьетнамских партизан нет ни зенитной артиллерии, ни истребителей.

Кто же виноват в этом падении? Виноват ли сын Стейнбека в том, что его отец под конец жизни благословил насилие, которое мало чем отличается от практики гитлеризма, или все-таки отец-Стейнбек и его сверстники, которые редактируют газеты, пи- шут, работают на телевидении, на радио, сидят в канцеляриях президента, заседают в сенате, что эти люди виноваты в том, что Стейнбек-сын стал тем, чем он стал?

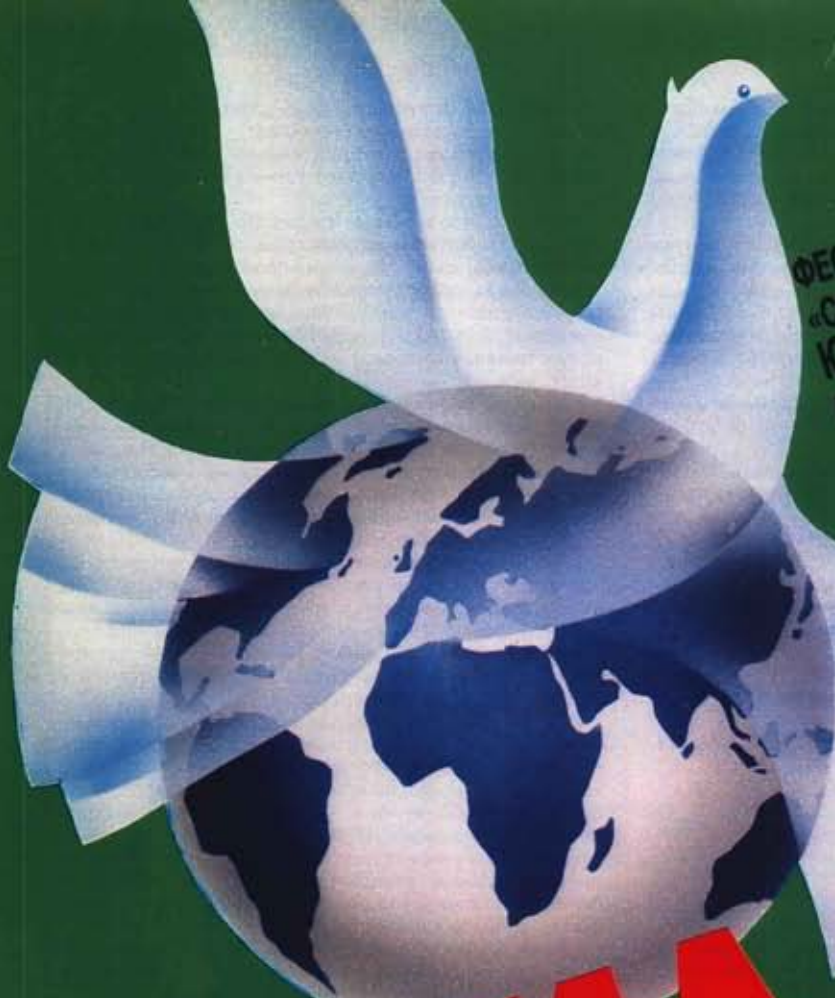
Поглядим в глаза этой молодежи, послушаем, что они говорят. Я бы закончил картину тем, что говорит эта молодежь в Англии, во Франции, в Германии, в Швеции. Когда они сидят на скамейке или смотрят в реку, стоя на мосту, прижавшись друг к другу; когда они уходят с концертов «Роллинг стоунз», которые так не нравятся взрослым; когда они едут в малень- ком автомобильчике, хохочут и машут руками, и все время, все время, все время перед ними как призрак: доживем — не доживем?

Чего же не хватает нашему веку, спросим мы опять. Может быть, тех сотен миллиардов, которые ежегод- но тратятся на вооружение? Сотни миллиардов мож- но было бы потратить на что-нибудь другое — на свежий воздух, питьевую воду, на лесонасаждения, на улучшение климата, на строительство жилищ. Вообще надо устроить свои земные дела.

Если бы начали устраивать эти земные дела, может быть, исчезло бы таинственное «поколение икс», потому что молодежь увидела бы перед собой ясную и благородную цель? Хорошо было бы спросить об этом, если бы это было возможно, скажем, де Голля. А если нельзя де Голля, то Кув де Мюрвиля; ну, скажем, Вильсона, а если нельзя Вильсона, то хотя бы заместителя министра иностранных дел; Джонсона, а если нельзя Джонсона, то хотя бы Барри Голдуотера. Пусть ответят честно, если смогут.

Спросить, кроме того, академиков, философов, ученых, германских и французских, английских и шведских...

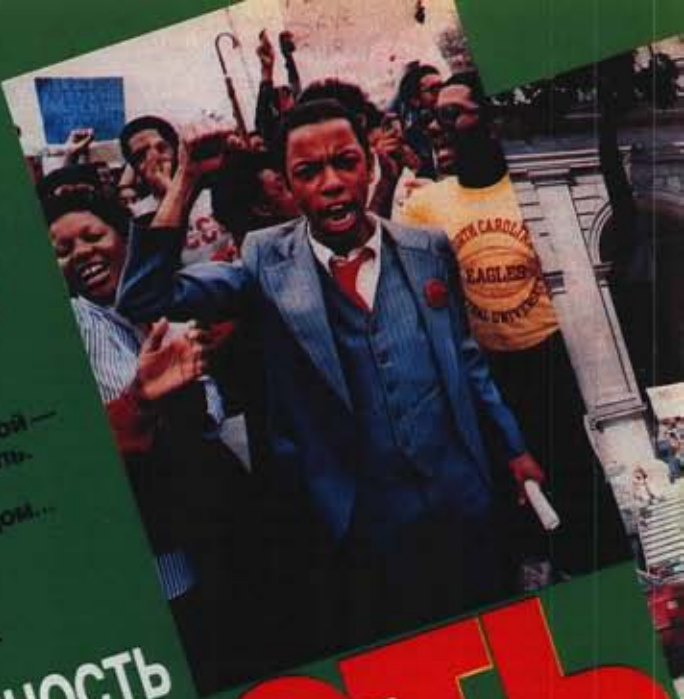
Публикация Натальи КУЗЬМИНОЙ и Андрея НАСОНОВА.

**ФЕСТИВАЛЬНАЯ ПАНОРАМА
«СМЕНЫ»
ЮНОСТЬ ПЛАНЕТЫ:
БОРЬБА И НАДЕЖДЫ**

Плохо человеку,
когда он один.
Горе народу, если его
оставят наедине с бедой —
история тому свидетель.
Наедине с войной
или наедине с голодом...
Борьба против
империализма,
против насилия
и антигуманизма —
вот что такое

СОЛИДАРНОСТЬ

СОЛИДАРНОСТЬ

SOLIDARITY

СОЛИДАРНОСТЬ

SOLIDARITY

Тафесе САХЕЛЛЕ,
Социалистическая
Эфиопия

— Я уверен, что XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве станет крупнейшим и важнейшим антифашистским форумом молодежи. Фестивальное движение выросло из антифашистского сотрудничества в годы войны, и 40-летие Великой Победы, безусловно, придаст фестивалю те краски, которые в решающей степени определят характер дискуссии на нем.

Какие уроки мы должны извлечь из событий прошлого, чтобы увереннее чувствовать себя в настоящем, знать лучше, что следует делать, чтобы не наступила еще более страшная военная трагедия, чем вторая мировая война, трагедия, которая могла бы означать гибель человечества? Вероятно, это станет главной темой фактически многостороннего диалога.

Антифашистская солидарность и годы войны, антиимпериалистическая солидарность сегодня — в этом усматривается прямая логическая преемственность.

У делегации молодежи моей страны есть вполне понятная потребность признности слова глубокой признательности Советскому Союзу. Признательности за выдающийся подвиг — Победу, избавившую народы от фашистского рабства. А что такое фашизм, моему народу довелось испытать самым горьким образом. Признательности за неизменную братскую поддержку в любой, самой сложной для нас ситуации, как, например, в недавние месяцы, когда жесточайшая засуха поставила под угрозу жизнь тысяч и тысяч моих сограждан.

Вероятно, говоря о проблемах Эфиопии, следует назвать две основные: первая — это трудности в развитии экономики, связанные с наследием прошлых времен, о вечной усталости, и вторая — это постоянные попытки вмешательства в наши дела со стороны империалистических держав.

Но мы скажем в Москве, на фестивале, что смотрим с оптимизмом в завтрашний день. Оптимизм этот основан на таких факторах нашей жизни, как марксистско-ленинская политика, которую поддерживает огромной беридностью населения, и сотрудничество с Советским Со-

юзом, с другими социалистическими странами, чей опыт и помощь для нас бесценны.

Пусть фестиваль в Москве прибавит всем нам новые силы в борьбе и труде на благо наших народов, всего человечества.

Петер ЗАЙДЕНЕК,
Федеративная
Республика
Германия

— Для меня, немца последнего поколения, социал-демократа, представителя профсоюзной молодежи, год XII Всемирного, год 1985-й — это прежде всего год 40-летия освобождения Европы от фашизма, злейшего врага всех народов, в том числе и немецкого, которому он доставил столько горя.

Я сам из Билефельда, города, жестоко пострадавшего во второй мировой войне. Работал в молодежной организации «Соколы» — она примыкает к социал-демократии.

ФЕСТИВАЛЬНАЯ ПАНОРАМА
«СМЕНЫ»
ЮНОСТЬ ПЛАНЕТЫ:
БОРЬБА И НАДЕЖДЫ
СОЛИДАРНОСТЬ

ВЧЕРА-

"РАССЕРЖЕННОЕ

Кэндзабуро
Оэ,
писатель,
Япония.
СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «СМЕНЫ»

ПОКОЛЕНИЕ.

А ЗАВТРА?

Биография этого писателя неординарна. Он родился в глухой деревушке, спрятавшейся в дремучих лесах острова Сикоку. В семье было семь братьев. Кэндзабуро родился третьим. От природы он был очень замкнутым, малоразговорчивым. Сверстники называли его «барсуком». Девяти лет Кэндзабуро пережил тяжелую душевную травму — смерть отца. После этого он целиком ушел в мир детских фантазий, в которых главное место занимала бушевавшая вокруг война. Сейчас это даже трудно себе представить, но только в 18 лет Оэ впервые увидел настоящий паровоз.

Достигнув совершеннолетия, Кэндзабуро решил попытать свое счастье в столице и поступил в Токийский университет на отделение французской литературы. Там и произошло рождение Оэ как писателя и активного общественного деятеля. Спустя 10 лет крупнейшее японское издательство выпустило шеститомник избранных его произведений. С годами количество написанных им книг росло, а вместе с ними рос и авторитет Оэ как одного из самых популярных и уважаемых литераторов Японии. Главная тема писателя — это проблемы молодежи, острейшие проблемы нашего века. Книги его широко известны не только в Японии, но и в нашей стране, где они неоднократно переводились и издавались.

Среди произведений Оэ есть повесть «Семнадцатилетие», о которой хотелось бы рассказать особо.

Она была написана в 1961 году и опубликована в журнале «Бунгаку Каи» («Литературный мир»). Кэндзабуро Оэ написал ее под впечатлением злодейского убийства руководителя японской социалистической партии Асанумы, который пал от руки фашистского фанатика во время своего выступления на митинге. Убийцей был семнадцатилетний юноша. В своей повести Оэ показал, как юноша, отравленный ядом эгоизма и неудовлетворенного честолюбия, становится наемным убийцей.

Повесть, которая стала обвинением императорской системы, вызвала шумные литературные споры. Автор стал объектом нападков со стороны националистических кругов. Крайне правые угрожали Оэ физической расправой. В итоге крупнейшее в Японии издательство «Бунгай Сюндзю Синся» решило рассыпать набор уже анонсированной второй части повести, которая так и не вышла отдельной книгой. По сей день ни одно японское издательство не берется за выпуск этой книги...

Кэндзабуро Оэ не очень любит встречаться с журналистами, но, узнав, что просьба о беседе с ним

исходит от советского журнала «Смена», согласился. Внешне он молоджав. В черной густой шевелюре не увидишь даже искры седины. Среднего роста, худощавый. Говорит очень быстро. Из-за массивных темных очков на собеседника смотрят добрые и умные глаза.

— Вы вошли в японскую литературу как своеобразный глашатай «рассерженного поколения» 50-х годов. Что стало с ним? Кто пришел ему на смену в 80-х годах?

— То поколение, естественно, ушло. Хотя многие проблемы его остались. Я лично считаю себя представителем поколения, у которого война обожгла детство, и как писатель намерен и впредь выступать от его имени.

Конечно, каждая эпоха имеет свои отличительные черты. Каждое десятилетие накладывает свою печать на молодое поколение. Иногда приходится слышать, что характерной особенностью молодежи 50-х и 60-х годов была глобальная общность культуры. Дескать, «Битлз» были одинаково популярны в Нью-Йорке и Токио, Париже и Варшаве, Москве и Берлине, а молодые люди повсюду одинаково зачитывались Куртом Воннегутом. Все это действительно имело место, но, думаю, было бы неправильно делать вывод, что наличие якобы такой «глобальной общности» явилось главной отличительной чертой того времени.

По-моему, 50-е и 60-е годы запомнились прежде всего острокритическим отношением молодежи к существующему мироустройству. Это можно было наблюдать и в Японии, которая буквально содрогалась от высочайшего накала студенческих волнений. Поколение, вступавшее в жизнь, ниспровергло скомпрометированные старые порядки, лживую мораль и «сытую» культуру. Оно хотело утвердить новое, свое.

Сегодняшняя молодежь (я, естественно, говорю о японской) не хранит в себе духа бунтарства. Она не собирается ниспровергать «культуру взрослых». Ведет себя довольно чинно и послушно следует рекомендациям, которые дает телевидение. Думается, что в массе своей она, увы, социально пассивна.

— Ваши слова звучат несколько пессимистично. Может, в таких рассуждениях скрыто обычное ворчание представителя старшего поколения?

— Не думаю, ибо это довольно объективная картина. Но я далек от пессимизма. Более того, есть очень обнадеживающие симптомы. Прежде всего хотел бы начать с активизации молодежных организаций, в том числе студенческих, выступающих в рамках анти-

В этом году Кэндзабуро Оэ исполняется пятьдесят лет, а свою первую литературную премию он получил, еще будучи студентом Токийского университета, ровно 30 лет назад. Признание к нему пришло очень быстро. Уже первые рассказы и повести принесли автору широкую популярность. Он стал кумиром японской молодежи, которая считала его выразителем мыслей и чувств «рассерженного поколения».

ядерного движения. По-моему, это новое политическое явление, которое имеет тенденцию к росту. Это очень важно.

Надо сказать, что в японской молодежи традиционно были сильны два настроения: нигилизм и анархизм. Это были два начала — «отрицания» и «разрушения». В зависимости от времени и выдвигаемых им проблем эти начала играли либо более заметную роль в общественной жизни, либо уходили на задний план. Думаю, что 60-е годы характеризовались подъемом анархических тенденций в молодежном движении. Сейчас же чаще можно встретить нигилистические настроения в молодежной среде, особенно в ее радикальной части. Вообще нужно подчеркнуть, что одна из острейших проблем демократического движения в Японии состоит в его разобщенности. Молодежь тоже не является исключением.

— Вы упомянули об участии молодого поколения в антивоенном и антиядерном движении. Каковы формы этого участия?

— Прогрессивно настроенная японская молодежь и студенчество многое заимствуют у своих западноевропейских сверстников, и прежде всего это касается накала выступлений. Можно привести массу примеров, когда молодые люди устраивают манифестации, марши, митинги, выступления под лозунгами «Не допустим превращения Японских островов в поле войны!», «Превратим Японское море в море мира!». Широкий размах получило массовое движение по оказанию помощи жертвам Хиросимы и Нагасаки. Я также принимаю в нем участие. Уверен, что все эти выступления в защиту мира будут нарастать именно в текущем году, когда наша общественность отмечает 40-летие окончания войны и ядерных трагедий Хиросимы и Нагасаки.

При этом нужно иметь в виду, что антивоенное движение в Японии протекает в очень сложных условиях. Ведь правительство Накасонэ вопреки национальным интересам страны форсирует укрепление военного союза с США, направленного против СССР, и наращивает милитаристские тенденции в самой Японии.

Нужно обладать большим мужеством, целеустремленностью, верой в правоту своего дела, чтобы выступать в Японии против угрозы войны, за запрещение ядерного оружия. Приходится констатировать, что порой иные горячие протесты по поводу заходов в японские порты американских атомных авианосцев и других кораблей агрессии просто захлебываются. Бывает и так, что нигилистические настроения у некоторых групп молодежи сменяются унынием и пессимизмом. Дескать, все равно ничего не сделаешь...

— В одном из своих выступлений вы употребили термин «ядерная культура». Что вы имели в виду?

— На мой взгляд, в мире существуют две основные точки зрения на научно-техническую революцию. Одна отдает предпочтение, если можно так выразиться, примату природы, то есть ставит превыше всего человека как субъекта, воспеваает сельский труд и рыболовство. Думается, что в своем чистом виде такая точка зрения близка философии Льва Толстого.

Вторая точка зрения фетишизирует технику, противопоставляя ее человеку, который становится вроде бы объектом. Теория о том, что будто развитие техники является, по существу, модернизацией человеческой цивилизации, как раз и привела к «ядерной культуре», символом которой является идолопоклонство перед оружием массового уничтожения.

Приведу такой пример. Президент Рейган старается убедить мировую общественность в том, что космический щит, который собираются создать США, якобы предотвращает ядерную войну, а посему нужно наращивать исследования в этой области. Но разве не ясно, что создание новых видов оружия — не средство для предотвращения ядерной войны? Более того, они только способствуют ускорению гонки вооружений и, следовательно, увеличивают угрозу этой войны.

Подобную фетишизацию техники во всех ее проявлениях, игнорирование общечеловеческих, гуманитарных факторов я и называю «ядерной культурой», заключая эти два слова в кавычки. С подлинной культурой данное понятие не имеет ничего общего. Лично я считаю для себя первостепенным защищать красоту природы, ее флору и фауну, а главное — саму жизнь на нашей планете Земля.

— **Нам не менее вы, видимо, не ставите перед собой задачу остановить технический прогресс, который движется поистине фантастическими темпами. Роботы, компьютеры, высокая технология проникают в нашу жизнь, в наш быт. Что же, по вашему мнению, ждет молодое поколение в начале XXI века?**

— Применительно к Японии я думаю об этом со страхом. В условиях существующего строя наверняка произойдет ужесточение диктата со стороны правящего класса. Подтверждает мысль Маркса о том, что при капитализме усиливается отчуждение человека. Техника, поставленная на службу монополистическому государству, позволит осуществлять еще более изощренную эксплуатацию и контроль за мыслями. В этом смысле Япония может стать самой жуткой моделью.

Сейчас в нашей стране наблюдается настоящий бум, вызванный мини-компьютерами индивидуального пользования. Молодые люди просто заворожены этими дорогостоящими игрушками. Им кажется, что они с помощью этих машин становятся всемогущими и всемогущими. Но на самом деле происходит странное явление. Человек сам становится игрушкой, ибо сокращается его интеллектуальный багаж — как результат того, что он все больше проводит свое свободное время возле экрана телевизора или дисплея. Меня очень радует, когда я слышу, что современная молодежь увлекается и серьезной литературой, ходит в библиотеки, интересуется настоящей культурой: музыкой, изобразительным искусством. Значит, не все еще потеряно.

— **А каким идеалам, по вашему мнению, поклоняется японская молодежь? Кто ее герои, любимые писатели?**

— В свое время, помню, проводился опрос среди молодежи: кто ваши самые любимые писатели? Оказалось, что в их число вошли Лев Толстой, Федор Достоевский, классик японской литературы Сосеки Нацуме и другие. Их произведения поднимали серьезные проблемы бытия, и молодое поколение постигало по этим книгам основы жизни.

Сейчас в Японии даже студенты часто отдадут предпочтение детективам и комиксам. Кумирами становятся эстрадные певцы и звезды телевидения. Я говорю об этом с чувством грусти и сожаления, ибо считаю, что никакие роботы и компьютеры не могут заменить гений великих писателей. Никакие суррогаты «массовой культуры» не могут стать властителями умов молодежи. Поэтому я рассматриваю нынешнюю ситуацию как временную. Так не может долго продолжаться.

Еще Брехт поставил в свое время вопрос: может ли быть здоровым общество, если оно не рождает своих героев? Конечно, речь не идет о так называемых суперменах или сиюминутных идолах. Я имею в виду тех, кто выражает дух своего времени.

Кто может служить примером для подражания? Таким героем для молодежи 60-х годов был легендарный Че Гевара. 20 лет назад в период вьетнамской войны большую популярность в Японии среди молодого поколения завоевал писатель Макота Ода, который активно боролся против американской агрессии. Гражданственность его позиции сделала этого мужественного писателя кумиром молодежи. А разве можно сказать такое, скажем, о Симаде, книжками которого зачитываются сейчас многие молодые японцы? Его творчество пронизано откровенным цинизмом. Он словно кичится тем, что занимает позицию стороннего наблюдателя. Такого рода кумиров я отношу к категории «антигероев», которые сейчас особенно в ходу.

— **Какую роль, на ваш взгляд, должны сегодня играть писатели в антивоенном движении?**

— 20 лет назад, если поэт или писатель в своих

произведениях воспевал красоту природы, считалось, что тем самым он объективно выступал за мир. Сейчас другое дело. Человечеству угрожает полное уничтожение, и борьба за мир должна быть более активной. Это в полной мере относится и к литераторам. Я вовсе не хочу сказать, что сегодня нельзя уже писать трехстишия о красоте весеннего дождика или цветущей сакуры. Но этого уже мало. Нужно врываться в сознание людей и звать их к решительным действиям.

Три года назад в Японии среди писателей началось движение за сбор подписей в защиту мира. Лозунгом его стали слова: «Литература может существовать только при условии, если человек думает о завтрашнем дне. Если нет будущего, нет и не может быть творчества». Это движение объединило подавляющее число наших писателей. Надеюсь, что оно будет крепнуть.

— **Сейчас в Японии и за рубежом, в том числе и в Советском Союзе, много пишут о возрождении милитаризма и национализма в вашей стране. Какова ваша точка зрения?**

— 6 августа прошлого года я находился в Хиросиме. Меня поразила одна вещь. В этот день, который является священным для каждого японца, туда съехались фашистские молодчики из ультраправых организаций. Они организовали свое собрание, целью которого было сорвать день поминовения жертв атомной бомбардировки, а также помешать манифестациям в защиту мира. 20 лет назад предшественники этих молодчиков обрушивались не только на коммунистов, но хулили также либералов и демократов. Сегодня у них другие лозунги: «В союзе с США разобьем русских!» Как видите, бывшие шовинисты стали верными поборниками антисоветского курса Рейгана и Накасонэ.

Японские силы «самообороны» не так уж велики, но их нельзя рассматривать изолированно. Их следует приплюсовать к потенциалам американских военных баз, которые находятся на нашей территории. А это означает, что Япония представляет реальную военную угрозу для всего мира.

Однако больше всего меня беспокоит вот что... Я испытываю подлинную тревогу по поводу того, что в сознание японцев и прежде всего молодежи вколочивают убеждение, будто только в союзе с США Япония может считать себя в безопасности и жить в мире, что врагом нашей страны является якобы Советский Союз. И это несмотря на то, что очень многие японцы испытывают чувство близости к русскому и советскому народу. К его музыке, литературе и культуре в целом. Антисоветская психологическая обработка крайне опасна — прежде всего для Японии.

— **В своих выступлениях и произведениях вы часто ссылаетесь на русских и советских писателей. Какое влияние оказали они на ваше творчество?**

— Я считаю своим первым и главным литературным учителем великого Достоевского. Многие наши и даже американские критики находят сильное его влияние в моих книгах. Это не случайно. До самого последнего времени у меня было твердое правило: первые десять дней года посвящать целиком чтению Достоевского. Преклоняюсь перед гением Толстого, «Войну и мир» которого прочитал более десяти раз.

Моей специальностью согласно университетскому диплому является французская литература. Ей, в частности, я обязан тем, что смог познакомиться с работами Виктора Шкловского и Михаила Бахтина, которые оказали на меня большое влияние. Я очень люблю Михаила Булгакова и его «Мастера и Маргариту». Меня связывает искренняя дружба с Евтушенко, Вознесенским, Окуджавой, Ахмадулиной. Недавно я открыл для себя совершенно нового писателя — Валентина Распутина. Как видите, у меня есть все основания говорить, что русская, советская литература глубоко вошла в мое творчество.

— **Советская молодежь с большим энтузиазмом и подъемом готовится к Всемирному фестивалю, который второй раз будет принимать у себя Москва. Что бы вы хотели сказать по этому поводу?**

— Я приветствую фестиваль. Конечно, очень важные встречи на высоком уровне. Но судьба мира во многом зависит от воли простых людей. Я желаю Московскому фестивалю, чтобы он способствовал укреплению солидарности молодежи нашей планеты, чтобы он помог объединить тех, кто борется за мирное небо, кто защищает коренные интересы человечества, его право на жизнь.

Я бывал в Советском Союзе и считаю, что хорошо знаком с молодым поколением вашей страны. Желаю вашей молодежи, чтобы она и впредь была такой же активной, энергичной, живой и оптимистичной. Пусть крепнут контакты молодежи Советского Союза и Японии. В этом залог мира.

**Материал подготовил
корреспондент АПН в Токио
Михаил ЕФИМОВ.**

**Николай ЛОГУНОВ,
мастер электровозоремонтного
цеха депо Москва-Сортировочная**

ВСЕ МЫ КАК БРАТЯ

На X Всемирный фестиваль я взял с собой семейные фотографии. Зачем? Ведь такие снимки интересны лишь родственникам или очень хорошим друзьям. Что ж, не спорю.

...В Берлине на перроне — море народу. Оркестр, цветы, улыбки. Встречают нашу фестивальную делегацию. Выхожу из вагона и вдруг слышу свое имя. Не успел опомниться, как оказался в крепких мужских объятиях. «Манфред, дружище!» — радостно хлопаю по плечу своего старого друга Манфреда Платца. Он тоже сияет — плотный, светловолосый, улыбка до ушей.

— Как дела?

О многом хочется расспросить его, но пока не до этого: на привокзальной площади начинается митинг. Потом в гостинице за разговором не заметили, как засиделись до утра.

— О, Тамара у тебя просто красавица. — Манфред держит в руках фото моей супруги. — А Игорь как вырос! — Это он о сынишке.

28 ноября 1969 года. Дата для мировой истории вряд ли что говорящая, а для нашей бригады — памятное событие: в тот день мы заключили договор о социалистическом соревновании с молодыми рабочими из Германской Демократической Республики. Я поставил подписи от имени комсомольско-молодежного коллектива нашего цеха, а Манфред — за своих товарищей, ремонтников Бранденбургского завода железнодорожной механики. Вот с той поры мы дружим и соревнуемся.

Незадолго до Берлинского фестиваля 1973 года несколько ребят из нашей бригады, в том числе и я, первый раз побывали у коллег из ГДР. Сразу же, в день приезда, пошли на завод: не терпелось увидеть друзей-соперников в деле. Прямо скажу: поучиться у них есть чему. Каждая операция продумана до мелочей, нужные детали и инструмент всегда под рукой. Работают спокойно, без рывков, и качество безупречное. А когда наши ребята — Володя Калашников, Артем Кудашев, Ваня Камышев — показали немецким друзьям кое-какие свои слесарные «секреты», переводчика не понадобилось.

Но разве только работой жив человек? Манфред, например, — заядлый рыбак. Чуть свободный вечер — едем на озеро. Розы, жена Платца, большая мастерица по части ухи, однажды угостила нас «фирменным» блюдом из свежих угрей.

На рыбалке, у костра, люди раскрываются душой. Помню, сидим как-то на берегу, вдруг Манфред, а вслед за ним и его брат Вернер с легким акцентом затянули: «Однозвучно звенит колокольчик...» Оказывается, они поют в заводском хоре и очень любят старинные русские песни.

— Николай, подпевай! — улыбается Платц.

Вспоминается другой случай. Поздним вечером мы с Манфредом заглянули в молодежную дискотеку. Все, как и у нас: громкая музыка, мелькают разноцветные лампочки и без усталости, самозабвенно танцуют парни и девушки.

— Инга чересчур увлеклась танцами. — озабоченно сказал Платц о своей дочери. Мы и пришли сюда, чтобы позвать ее домой.

Опасения Манфреда мне понятны: у самого растут сын и дочь, ровесница Инги, и не все легко и просто с их воспитанием.

— У нас, родителей, и у наших детей разные вкусы, — успокаиваю Платца.

— Да, — соглашается он. — Но я хочу, чтобы наши дети умели еще и работать, и дружить, как мы. Ведь ты, я, ребята из твоей и моей бригады — все мы как братья, правда?..

«Все мы как братья». Эти слова моего друга я часто повторял тогда, на фестивале, выступая на митингах в разных городах ГДР.

Сейчас мы ждем в Москву на XII Всемирный друзей из Бранденбурга. Среди участников Московского фестиваля будет и Алеша Скворцов, комсорг нашей бригады. Он заслужил это право своим трудом: не отстает от нас, «старичков». А недавно в его жизни произошло весьма важное событие: женился парень. Советую ему: «Обязательно захвати с собой на фестиваль свадебную фотографию». Есть у него такая, где вместе с молодоженами вся наша бригада.

— Зачем? — удивился Алексей.

— Пригодится!

ФЕСТИВАЛЬНАЯ ПАНОРАМА «СМЕНЫ»

ЮНОСТЬ ПЛАНЕТЫ: БОРЬБА И НАДЕЖДЫ

СОЛИДАРНОСТЬ

Сколько в мире мест, щедро одаренных природой и превращенных империализмом в то, что на языке газетных комментариев называется «горячими точками планеты»...

Кипр — один из таких уголков. Остров Афродиты пережил в своей новейшей истории немало горя, «экспортированного» из столиц стран НАТО.

Юрий Нагибин ставит в центр своего повествования судьбу людей несломленных, обретающих силы в борьбе за справедливость. Путь от первого импульсивного юношеского протеста против произвола — к сознательному действию в рядах марксистско-ленинской партии; становление характеров, рождение личностей, которые отличают высокая гражданственность, чувство долга перед родиной, перед своим народом... Таков предмет размышлений писателя.

ПОИСК ИСТИНЫ

Юрий НАГИБИН

Знаменитый английский ученый Джон Бернал говорил: «Жизнь, подобно Афродите, родилась из пены морской». Так просто, мудро и поэтично был расшифрован древнегреческий миф о богине любви и красоты Афродите-Киприде, явившейся в молодой мир с накатом морской волны на каменистый берег. Родилась Афродита возле острова Киферы, но в истоме медленного пробуждения была отнесена ветром на Кипр.

Жизнь родилась из предвечного океана, говорит наука. То же утверждает на своем языке миф, ведь основа жизни — любовь, а дарящая богам и смертным любовь Афродита явилась из царства Посейдона.

Мы едем на машине из Лимасола в Пафос, и нам не миновать того заветного места, где прекраснейшая вышла из пены морской. Хочется держать бег нетерпеливого коня — старенького «вольво» — и приглядеться к окружающему: пологим зеленым холмам справа от дороги, долине — слева, к встающему за ней и быстро расщепляющемуся утреннему туману, сквозь который уже проблескивает морская вода. Но останавливаться, тем паче сворачивать с дороги, хотя бы к кювету, нельзя: в территорию суверенного государства Кипр врезалась английская военная база Акротири. Бывшие хозяева Кипра, уходя, отторгли от небольшой страны часть ее тела, ее кровотокающей плоти. И в памяти возникает шекспировский ростовщик Шейлок, готовый вырезать кусок мяса из тела благородного венецианского купца Антонио за долг, который тот не сумел вовремя вернуть. Английские империалисты вели себя куда отвратительнее, Шейлока — Кипр им ничего не должен, напротив, это они в неоплатном долгу перед Кипром, из которого восемьдесят лет тянули соки, да и аппетит их намного превосходит шейлоковский. Как известно, жадный ростовщик ничего не получил, сраженный хитроумными доводами добровольной адвокатессы Порции, но современные Шейлоки безнадежно глухи к соображениям справедливости, разума, чести и естественного человеческого права, их ничуть не смущает дикость того обстоятельства, что один европейский народ захватил землю другого древнейшей цивилизации европейского народа, в нравственную основу которого заложено благородное миролюбие.

Волнистый, плавный, как-то нежно и округло сопрягающийся пейзаж испещрили жесткие геометрические фигуры английских коттеджей, военных сооружений, казарм, теннисных кортов, спортивных площадок для игры в бейсбол и регби. Рыжие, — может, они кажутся такими в утреннем освещении? — веснушчатые по красноватой, не загорелой, а обожженной коже подростки беспечно отмахивают битой сильно пущенный бейсбольный мяч, потом бегут, работая локтями. Другие дерутся и пашут носом землю во

славу кожаной груши. Регби... Игра для жестких мужчин...

А вот и английский патрульный джип обочь шоссе, солдаты в серых армейских рубашках, черно пропотевших в подмышках и по хребту, курят, оплевывая близлежащую природу, пьют кока-колу, закидывая голову и ерзая кадыком, и даже тень сомнения в законности их пребывания на чужой земле не туманит бледно-голубого безмятежно-идиотического взгляда. Противно было видеть этих вояк на пути к Афродите.

Мы миновали указатель границы оккупированной территории, и через некоторое время впереди вычернилась скала, у подножия которой, как нам уже сообщили, морская волна вынесла златокудрую богиню. Еще один легкий удар по нервам: на обрыве, прямо над заветным местом, стоял грузовичок-фургон с итальянским мороженым. Сладкий эликсир шоколадного, фисташкового, малинового, абрикосового и кофейного цвета спирально вытекал из краников и заполнял вафельные стаканчики в черно-волосатых руках мороженщика, совершавшего свое маленькое кощунство в священном месте.

Ладно, сморгнем мороженщика и останемся наедине с вечностью.

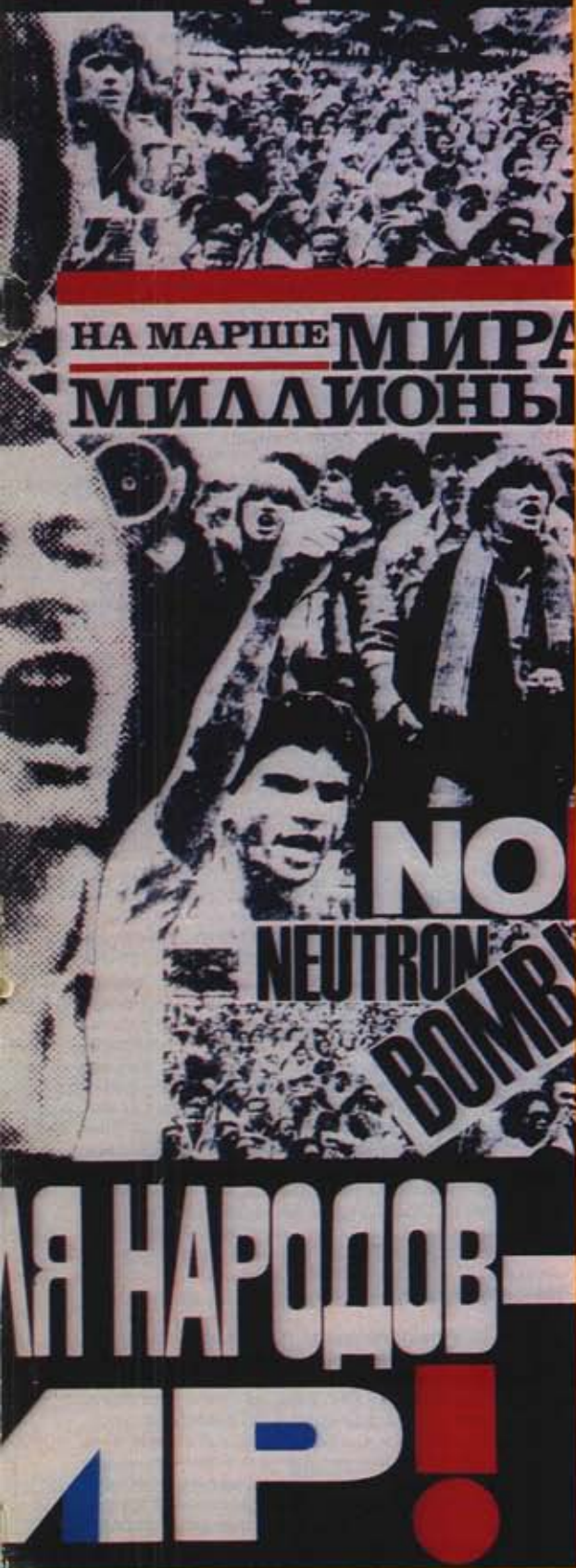
Было утро мира и утро дня, когда дни еще не начислялись, раннее, непрогретое утро: тонкая пленка остывших за ночь испарений, в которой бледно растворялся первый досолнечный свет, обволакивала все, пребывающее в пространстве: скалы, масляные деревья на каменистом вскиде берега, щетину выгоревшей травы, отмель, усеянную сахаристой галькой, и даль, ибо она тоже пребывала в мире не менее реально, чем скалы, оливы, камни и песок. Из-за горной гряды на востоке брызнул бледно-золотой свет и заполнил пространство: пелена стала быстро плавиться, возвращая всему существу его собственные краски: скалы из бурых стали искраснелиловыми, с черным бархатом теней в морщинах, листья оливок — глянцево-зелеными с жемчужным исподом, каменистые обнажения — загустелой красноты бычьей крови, галька — опаловой и будто светящейся изнутри, вода заискрилась у горизонта и погнала к берегу валы с синей воронью.

Долгая косая волна, гулко ударившись о скалу, раскатилась по отмели, оставляя пышные шапки пены; в одном из этих пенных холмиков ворочалась большая серебристая рыба. Но когда волны со змеиным шипением отползли назад, на мокром песке осталась не рыба, осталось не чудо морское с зеленым хвостом, а дивной красоты женщина. Пузырьки пены лопались на алебастровой коже. Пришлепца из морских глубин очулась от забытья, медленно огладила себя ладонями, сняла с бедра темную водоросль и легко, уверенно стала на ноги, уже зная, что она богиня, и мир откликнулся ей общим любовным вздрогом, в нем возникло новое напряжение, сменившее прежнее безлюбную дряблость, а из-за дальней горы в слепящем великолелии поднялось солнце — Афродиту приветствовал ее светозарный брат Аполлон. И богиня пошла ему навстречу.

— Мне ванильного, — сказала Афродита. Считается, что боги не стареют, пребывают в постоянном возрасте. Наверное, это так, когда вечная юность заложена в самом существе бога: солнечный Аполлон, охотница-девственница Артемида, быстрый на ногу Гермес — связной Зевса, но ведь всем знаком облик ребенка Диониса на руках Силена, а в какого могучего, дивного мужа вымахал он в пору тесеевой авантюры, явившись на пустынный берег Наксоса за брошенной героиней Ариадной. И думается, седые нити прошли бороду козлоногого Пана, когда его свирель была побеждена кифарой Аполлона, и он удалился, опечаленный, в гущу лесов. Афродита Милосская ближе всего к образу юной девушки, вынесенной волной на кипрский берег; в Афродите Книдской, изваянной Праксителем, торжествует пыльный женский расцвет. Есть и другие образы Афродиты: Пафосской — зрелость материнства; она уже дала жизнь Эроту, вспоила его своим молоком, вырастила трудного ребенка; чуть ослабили мышцы живота, но

НАС ОДНА!

П. Е. БАЛАКРИШНАН,
Индия

Товарищ Ленин,
ты моей мечтою был столько лет,
и вот—вослед за нею
в Москву приехал я,
чтоб встретиться с тобою
наедине, в то утро, в Мавзолее...
Когда миллионы рабочих,
презрев угнетенье и страх,
вставали волной всенародной,
чтоб пала империя плах,
ты первым над морем сраженья
поднял высоко красный флаг,
направил народов движенье,
и рухнул поверженный враг.
Ты шел, освещая народу
дорогу своею судьбой...
И я через многие годы
пришел на свиданье с тобой.
Я шел через площадь с друзьями
в чреде разноликих людей,
чтоб просто сказать тебе: «Знамя
в надежных руках сыновей».
Ты жизнь нашу дикую, куцую
мыслью своею объял,
ты «Государство и революцию»
в Разливе для нас писал.
Партию света и честности
повел ты в решительный бой,
и тружеников из неизвестности
к победе привел за собой.
Ты был запевалою песни,
что ныне рабочий класс,
шагая, поет повсеместно,
сплотив воедино нас.
Мне выпало высшее счастье—
по площади Красной шагать!
Об этом мечтала в ненастье
моя седовласая мать;
я видел кремлевские стены,
я видел Кремлевский дворец!
О них говорил сокровенно
когда-то со мною отец.
Я слышал в Москве тихим утром,
как ветер шептался с листвою
о том, что волна Брамипутры
сроднилась с Москвою-рекою.
О, Ленин, за дальнею дальностью
я столько о встрече мечтал...
«И вот она стала реальностью»,—
себе я, шагая, сказал.
Ты—символ для всех поколений
идущих к рассветам землям,—
над картой склонившийся Ленин,
рассветов провидевший план.
Твой голос—и правда, и вера,
встающего мира закон.
Звенящая новая эра
очистила весь небосклон.
И в хижинах всех,
и в квартирах
рассвет озарил новый век,
тобой возвеличен был в мире
рабочий простой человек.
И я от тебя получаю
уверенность в нашей борьбе,
дорогу преображаешь
моей просветленной судьбе.
Был путь мой без радости начат,
а ныне—простор предо мной.
О, Ленин, сколь многое значит
заветная встреча с тобой...

Перевел с тамильского
Феликс БУРТАШОВ.

еще прекрасны бедра, корпус тяготеет к наклону опекающей нежности. Так вот, ванильную сладость в вафельном стаканчике приняла из волосатых рук мороженщика Афродита, беспокойная мать, сварливая свекровь Психеи, отнявшей у нее славу первой красавицы Олимпа, Афродита того города, куда мы едем, чтобы принять участие в вечере, посвященном 67-й годовщине Великой Октябрьской революции.

Мы с женой гостили на Кипре у наших старых друзей Эллы и Паноса Пеонидисов. Панос—член ЦК АКЭЛ—делал праздничный доклад на вечере. Со временем стираются все слова, высокие раньше других, ведь изначально они задают сильнее обыденных и потому быстрее сбаваются. Но совсем иначе звучали привычные речи в огромном гулком

зале, служащем для концертов, театральных представлений и народных сборищ. На острове, чья судьба так мучительна, обрели первозданную свежесть старые созвучия. Все, что говорил Панос о далекой северной стране, свершившей пролетарскую революцию, оборачивалось болью за собственную, безмерно любимую страну, растерзанную, униженную, постоянно помнящую о своем расчлененном теле.

Искусство, поэзия, вся культура Кипра, не утрачивающая в близости к греческой своей самобытности, неотторжимо от его мученической судьбы. А судьба эта заложена в слишком соблазнительном географическом положении: Кипр словно нацелен на Ближний Восток. Он издавна привлекал завоевателей и в пору крестовых походов был захвачен рыцарями—«освободителями гроба господнего» (Ричард Льюисо Сердце пышно сыграл здесь свою свадьбу); в военноморской стратегии англичан на Средиземном море Кипр был самой большой канонеркой. Поэтому и не

ушли они с острова, получившего статус свободного и независимого государства. Позже американцы последовали их примеру и строят на отторгнутой от республики северной части острова свою базу войск быстрого реагирования.

Другая историческая драма Кипра: на маленьком островном пространстве давно уже живут два народа, различные во многом—в религии, обычаях, нравах, истории, языках. Их долгое время традиционно натравливали друг на друга. И все же сосуществование удавалось: древняя культура, врожденное миролюбие и терпимость исконных обитателей Кипра—пахарей и виноградарей—помогали улаживать и снимать противоречия, гасить запальчивость нетерпячих соседей. И в этом брезжила возможность прочной государственности на федеративной основе, которая уже начала не без успеха осуществляться. Но когда по взмаху дирижерской палочки «черных полковников», греческих фашистов, чья диктатура тогда доживала последние свои недели, вспыхнул мятеж (пора было привязать неприсоединившийся Кипр к Атлантическому блоку), и в Никозии расстреляли президентский дворец, и столичная радиостанция, захваченная путчистами, захлебывалась восторгом: «Макариос мертв! Макариос мертв!», и головорез Сампсон был провозглашен «президентом» мятежников, Турция направила на Кипр сорокатысячный экспедиционный корпус «для защиты турецкого населения», и Кипр расколосил на две части.

В ту пору Паносу Пеонидису было под пятьдесят. За плечами—большая и сложная жизнь. Он родился в семье школьного учителя, человека религиозного, крайне строгого правил, неизменного члена церковного совета. Верить и выполнять церковные обряды—дело совести человека, но отец Паноса сделал из веры как бы вторую профессию, создававшую в семье атмосферу духоты и нетерпимости. Мелочная и недобрая вера отца очень рано отвратила Паноса, живого и любознательного мальчика, от небес и посеяла в душе первые семена бунта. Он и сам считает, что его жизненный путь определился в детстве—сопротивлением двойному гнету: отцовскому и религиозному. Он рос, учился, много читал, в свой срок пришли к нему мифы Греции, боги и герои, эпос и трагедия, все неизмеримое наследство эллинского мира; в историческое чувство властно вторглась современность, он и сам не заметил, как из чистого мира природы и памяти переселился в сложный и неопытный социальный мир. Ступив в юность, он понял, что куда страшнее домашней и церковной давящей колониальной гнет. Море одарило Кипр Афродитой и любовью, море принесло англичан и ненависть. Не в холодном рассудке, а в горячей крови зародилась первая идея: родина должна стать независимой.

Когда началась вторая мировая война, Панос пошел добровольцем в армию, которая считалась английской: она была вооружена английским оружием, оснащена английской техникой, ею командовали надменные английские офицеры, но пушечное мясо, упакованное в английскую форму, было греческим. Панос пошел на войну не для того, чтобы защищать британскую империю, но паук свастики был куда страшнее для народов, чем одряхлевший английский лев, и, подобно большинству своих соотечественников, Панос не сомневался, что война принесет свободу его родине.

Он стал минером. Это одна из опаснейших военных специальностей, недаром говорят, что минер ошибается только один раз. Панос не ошибся, иначе не было бы этих записок. Военная служба выработала в нем те качества, которые необходимы коммунисту-подпольщику (еще в армии Панос вступил в АКЭЛ): мужество, хладнокровие, терпение. Впрочем, мужествен он был по природе, а вот терпения и хладнокровия недоставало эмоциональному юноше, натуре отчужденно художественной. Боевое крещение Паноса состоялось в Африке, а идейное он получил на древней земле Эллады. Партизаны сыграли решающую роль в освобождении Греции, но англичан это ничуть не умиляло. Для них изгнание гитлеровцев было лишь прелюдией к «настоящему делу»—очищению Греции от бесстрашных партизан-антифашистов. В Афинах начались кровавые столкновения между английскими войсками и греческими патриотами. Однажды генерал приказал атаковать позиции партизан, а рядовой Пеонидис этот приказ отменил. Бунтаря тут же схватили и бросили в тюрьму, но не расстреляли—время для этого было слишком уж неподходящее. Из греческого застенка его перевели в египетский концентрационный лагерь, где он и встретил великий день победы над фашизмом. Англичане не стали возиться с заключенными и отпустили их по домам.

Полям его скитаний была вся Европа: от Англии до Балкан. Впрочем, начал он с туманного Альбиона, куда приехал с шестью фунтами в кармане. Расплачиваясь, он не смог дать на чай шоферу. «Вы что—нищий?»—нагло сказал шофер с бульдожьим прикусом. «Разумеется,—спокойно отозвался Панос.—Я—из английской колонии».

¹ Прогрессивная партия трудового народа Кипра, основана в 1941 году, преемница созданной в 1926 году Коммунистической партии Кипра.

В отличие от волжского скитальца Панос порой оказывался на студенческой скамье, откуда его быстро срывала то журналистика (он сотрудничал в коммунистической газете), то партийные задания, то гражданская война в Греции, куда он, член Комитета за демократическую Грецию, был послан в качестве журналиста. Он благополучно перешел границу и присоединился к армии патриотов-демократов. Его корреспонденции с мест боев печатались в Англии и на Кипре. Когда демократические силы потерпели поражение, Панос уехал в Болгарию.

Он работал в «Эллас-пресс», снова пошел учиться и наконец-то осилил полный курс наук на историко-филологическом отделении Софийского университета. Он читал лекции, приобрел хорошее имя в журналистике, переводил с греческого на болгарский художественную литературу, но в исходе пятидесятих на Кипре разгорелась антиколониальная борьба, и Панос через Югославию и Италию поспешил на родину. Когда пароход прибыл в порт Лимасол, Паноса арестовали прямо на борту. Но все же не было у колониалистов прежней хватки, Паноса недолго продержали в тюрьме и отпустили под надзор полиции. Надзор свелся к тому, что Панос раз в месяц отмечался в полицейском участке. Остальное время он отдавал партийной работе. В 1960 году Кипр обрел независимость.

Паноса избирают председателем Молодежной организации Кипра и генеральным секретарем Комитета в защиту мира. Время было тревожное. Много жадных рук тянулось к Кипру, он не давал покоя НАТО, греческие реакционеры не прочь были присоединить остров к Греции. Пентагону Кипр представлялся отличной взлетной площадкой для печально знаменитых самолетов-шпионов U-2, чесались руки и у турецких агрессивных элементов. Да и на самом острове было неспокойно, учащались столкновения между греческим и турецким населением. Самый воздух был настоян едкой гарью опасности, словно в пору лесных пожаров.

В этом трудном для него году Панос издал сборник рассказов «Коммандария». По-военному звучащее слово означает сорт любимого киприотами вина — сладкого, пряного и крепкого. Этим вином кипрские мальчишки напоили английских солдат, закрывших их школу, — в основу всех рассказов сборника положены действительные события. Солдаты, посмеиваясь, пили сладенное вино, но скрытая сила кипрской лозы послышалась с ног самоуверенных вояк. Забористыми были и другие рассказы, сборник имел значительный читательский успех и поставил Паноса перед сложным вопросом: творчество или политическая деятельность? И то, и другое требуют всего человека: нельзя стать настоящим художником в свободное от партийной работы время, и не дело партийному руководителю мыслить образами, а не реалиями. С этим связалась и другая проблема, казалось бы, усугубившая внутреннюю смуту, на деле же помогающая развязать все узлы.

Панос познакомился в Лимасоле с девушкой по имени Элли. Она сочиняла стихи, кое-что печатала. Девушка не писала о любви, что уже понравилось Паносу, считавшему, что во мраке реакции писать стоит только о борьбе. Отец девушки был крестьянином-виноградарем, выбившимся в маленькие предприниматели. Способный химик-любитель, он научился делать ароматные эссенции для парфюмерных изделий и подумывал о собственном магазине в торговом центре Лимасола. Свое намерение он вскоре осуществил. К творчеству дочери в доме относились более чем равнодушно, а к появлению Паноса — крайне враждебно.

Кряжистому крестьянину-парфюмеру не нравилось в нем решительно все и не в последнюю очередь то, что он партийный функционер, а не строитель, врач или аптекарь. Страстный охотник на пернатую дичь, меткий стрелок, он довел до сведения приткого ухажера, что застрелит его, как куропатку, если тот не оставит Элли в покое. Он тоже был минером во время войны, и Панос считал, что минер никогда не поднимет руку на минера, он не оставил Элли в покое. Наконец все же сыграли свадьбу. Патрон, предназначавший Паносу, был израсходован на горную куропатку.

Панос считал талант Элли более органичным и перспективным, нежели свой, да и не ужиться двум богам в одной кумирне. Во всяком случае, Паносу не хотелось ставить подобного опыта, к тому ж и для Элли лучше, если муж будет «делателем» жизни, а не бумагомарателем. Позже Элли скажет: Панос дал мне мировоззрение. Через год после замужества она вступила в партию. Еще через год вышла ее первая книга, новые стихи отливали спелым цветом зрелости.

Панос безжалостно придушил собственную песню, но сам он не превеличивает своей жертвы. Если человек действительно обречен творчеству, то он, не задумываясь, отринет все остальное. Если же он способен взвешивать «за» и «против», то надо выбирать прямое действие жизни.

Ныне Панос — оргсекретарь Лимасолского обкома

партии, член Центрального комитета, он выступает в печати со статьями, рецензиями, публицистикой, недавно собрал книгу. Рассказов он не пишет.

Если Панос шел к своей судьбе, столь сложно маневрируя, то встречное движение было куда прямее и проще. Элли вышла к Паносу из деревни Васса, что в сорока километрах от Лимасола. «Вышла» надо понимать фигурально, но я подозреваю, что у однолюб так и происходит: они бессознательно с первых шагов идут навстречу любимому.

Разумеется, Панос ни о чем таком не ведал: он воевал, бунтовал против армейского начальства, сидел в тюрьме, словом, жил той жизнью, о которой было рассказано выше, а девочка все увереннее шла на своих крепких ножках сперва по каменным дорогам Вассы, потом по асфальту Лимасола, куда переехали ее родители. Миновали начальная школа и гимназия. К этому времени Элли уже писала и печатала стихи и даже получила в семнадцатую весну премию на литературном конкурсе. Она грезила литературой. Но властная рука отца Никоса Аргиридиса, уже открывшего лавочку в Лимасоле и успешно торговавшего ароматными изделиями собственного производства, что значительно повысило в нем природное самоуважение, влихнула девушку в Афинский педагогический институт, на отделение домоводства. Отец сознательно выбрал для дочери столь прозаическую специальность, чтобы погасить поэтические бредни.

Окончив институт, Элли вернулась в Лимасол и поступила в детский дом учительницей. И тут переключилась пути юной поэтессы-педагога и романтического вождя кипрской молодежи. Что было дальше, мы знаем. Две половинки разорванного человеческого единства обрели друг друга, составив нерасторжимое целое. Так нечасто бывает в броуновой мельтешении жизни, но бывает, и тогда это великое счастье.

Некоторое время после замужества внешняя жизнь Элли никак не могла обрести стабильность. Менялись места работы: гимназия, газета, радио, телевидение, где она вела «час женщины», давая советы по разным бытовым вопросам. Пестрота деятельности отразилась в псевдонимах, которых у Элли оказалось множество. Все это, наверно, неплохо, когда человек еще набирает жизненный опыт, но Паносу хотелось для жены большей сосредоточенности на главном, на ее быстро накапливающей мускулы поэзии, большей заостренности внутреннего посыла. Он исподволь помогал концентрации творческой воли молодой жены, ориентировал ее на решающие цели. Вступление Элли в партию и выход первой книги были прямыми следствиями этих усилий.

Как почти все написанное Элли, ее первый поэтический сборник был посвящен Кипру, его богам и героям, а также терпеливым крестьянам родной деревни; в стихах много природы и раздумий о месте Кипра в миропорядке.

**Сосна моя, сосенка Кипра,
ты словно его душа
в поисках истины, которая ускользает
вот уже много веков.**

Элли, подобно другим греческим поэтессам, использует свободный стих — верлибр, который с легкой руки французов стал господствующим в европейской поэзии последних десятилетий, не привившись только у нас, хотя опыты в подобном роде делаются.

Элли широко понимает судьбу Кипра, который жив не только мифологией, историей и сиюминутной борьбой; листок Кипра отделился от вселенского древа, но продолжает быть связанным с ним незримым черенком, поэтому в тему родного острова органически влетают и Великий Октябрь, и подвиг героя Греции Ламбракиса и героя Испании Хулио Гримау. Панос помог Элли счастливо избежать того национального крена, который угрожает каждому, чью родину попирают чужеземцы. Элли рано узнала, что можно быть настоящим патриотом и гражданином мира. Отсюда глубокое и свободное дыхание ее поэзии.

У нее свой образ Кипра. Вот он:

**...сияющий образ Кипра —
образ открытой ладони,
ладони, повернутой к солнцу,
готовой с каждой ладонью
слиться в рукопожатье.**

Элли совершает свой поэтический путь в обратном направлении общепринятому. Обычно поэты идут от личного к общему, социальному, всечеловеческому. Достаточно назвать Пушкина, Блока, Маяковского, Пастернака: интимная лирика в юности, бури века в зрелости. А Элли начала с поэзии политической, с поэзии скорби, борьбы, призыва, а в самое последнее время у нее появилась любовная лирика. Известно, что балзаковский возраст передвинулся на десять лет, но, думается, не в этом дело, и у Паноса нет оснований для тревоги. Поэтическая страсть Элли

была безраздельно отдана Кипру, с максимализмом молодости она служила одному всепоглощающему чувству. К тому же Элли очень рано стала счастливой женой, откуда же взяться было лирическому пафосу, питающемуся страданием, болью, разлукой, непрочностью восторга, над которым нависает тень разочарования. В раю, где царит полное счастье, нет поэзии, обитатели сидят на облаках, свесив ноги, и лениво тренькают на арфах. Поэзия Элли Пеонидис предельно искренна, ей ни к чему было имитировать якобы обязательные для поэта чувства, но с наступлением полной душевной зрелости в человеке увеличивается внутренняя емкость. В этом свободном пространстве находится место и личностному без малейшего ущерба для главных ценностей. У поэтессы как бы растянулась шкала чувств, она осознала оберегающую ее нежную и прочную силу и откликнулась ей.

Но мы сильно забежали вперед. В шестидесятых и семидесятых годах шло углубление и расширение четко определившейся темы: Кипр — любовь моя, Кипр — боль моя, Кипр — надежда моя. Выходят отдельные книги поэмы «Часы Никозии» и «Пусть будет дождь». В последней поэме образ иссохшей, алчущей живительного дождя земли символически. Из рамок традиционной поэмы выводит тон дружества в отношении турецкого населения Кипра. Поэтесса не отделяет своих единокровных от других пассажиров того же скорбного корабля. Она видит выход в братстве боли, что свидетельствует о ее политической мудрости. И сейчас, когда демаркационная линия перерезала тело Кипра, коммунисты неуклонно стоят за то, что будущее страны должно строиться соединенными усилиями греков-киприотов и турок-киприотов, какой бы визгливой яростью ни исходили националисты.

В поэме «Плач Афродиты» Элли словно предвидела судьбу Кипра. Богиня плачет над телом прекрасного юноши Адониса, растерзанного вепрем. Ей, дарящей любовь, впервые выпало полюбить самой всей беспредельностью божественного сердца, но не бога, а смертного человека, и узнать неведомое олимпийцам, что на земле любовь и смерть неразделимы. И она молит Зевса отнять у нее бессмертия, а с ним и бесконечность муки.

Поэт так странно устроен, что самые горькие строки могут родиться у него посреди благополучной — во всяком случае внешне — жизни. Впрочем, так ли уж это странно? Прежде всего не только для поэта, но и для любого человека житейское благополучие неравнозначно душевному. Но есть и другое: нестабильность жизни зачастую отвлекает поэта от «звуков сладких и молитв» или уводит музу в подвал мелких переживаний, где личная обида, личное неустройство застыт тревогу большого мира. И напротив, в спокойствии устроенного дня, в налаженном быте слышнее становятся голоса пространства: стон обездоленных, печальная и тонкая музыка мировых напряжений. Освобожденная от своекорыстных забот душа сливается с общечеловеческой душой. Нечто подобное произошло с Элли. Когда переехали в Лимасол, ее жизнь упорядочилась. Она перестала метаться между журналистикой, преподаванием, радиосоветами молодым хозяйкам и детскими телепередачами. Она приняла предложение отца и пошла работать в его благоуханное торговое предприятие.

Тот, кто думает, что служба под рукой отца-хозяина — синекура, глубоко заблуждается. Две недели мы с женой прожили под одной крышей с Пеонидисами и видели, как мчалась на службу Элли, боясь опоздать хоть на минуту, видели, как обслуживала она капризных покупателей, как ворочала тяжеленные ящики, вела расчеты и со щеткой в руках подметала порожек и тротуар перед магазином. Она вертелась, как белка в колесе, и в этом нет ничего удивительного, коли сам владелец делил с ней все заботы, включая дворнички. В семейном предприятии не погоняешь чаев, не посплетничаешь с сослуживцами, не подымишь в коридоре и не смеешься раньше времени. Когда дело касается работы и прибыли, все родственные чувства побоку.

Четкие часы работы, точно распланированный день оставляли достаточно времени для свободной жизни души. Тем более что, когда закрывался магазин, строгие хозяйки становились просто родителями, и мать — замечательная кулинарка — укладывала в машину дочери судки и термосы с горячим обедом из национальных блюд. Счастливая в браке и материнстве (упомянем милую дочь Мелину, которой предшествовал сын), опирающаяся на духовную поддержку мужа, Элли жила своей глубиной сущностью, черпая себя из тех пластов, которые могли бы при других обстоятельствах остаться тайной для нее самой. И вот из этих глубин раздался тот провидческий голос, который сказал, что Адонис вновь будет растерзан вепрем.

И он грянул — страшный 1974 год, самый трагический в многострадальной истории Кипра, который видел первую улыбку Афродиты, но слышал и ее первый стон. Улыбка погасла в незапамятные времена, а стон усилился ассирийцев, египтян, персов, римлян, византийцев, крестоносцев, генуэзцев, вене-

цианцев, турок, англичан так и не замолкал в тысячелетиях — двадцать семь веков длилось иностранное владычество на Кипре.

15 июля путчисты, направляемые афинской военной хунтой «черных полковников», разгромили президентскую резиденцию, символически расстреляли монумент кипрской независимости и поставили у власти «правительство» террориста Сампсона, известного своими расправами над мирными жителями. Анкара только того и ждала: турки оперативно высадили сорокатысячный экспедиционный корпус, на белые кипрские города посыпались бомбы, длинными очередями крупнокалиберные пулеметы косили обезумевших от ужаса мирных людей. Греческие офицеры, командовавшие национальной гвардией, вели себя изменчески: турки почти беспрепятственно продвигались в глубь страны. Путчистам были на руку паника и дезорганизация. Лишь на подступах к столице патристические силы оказали захватчикам отчаянное сопротивление. Целью путчистов было присоединение Кипра к Греции, они боялись народного возмущения больше, чем военных успехов турок, которых НАТО могло остановить одним окриком. Но не отсюда пришло избавление. Уже гремел голос чудом спасшегося архиепископа Макариоса, взывавшего к людской совести, весь мир охватило движение солидарности с борьбой киприотов. Совет Безопасности ООН потребовал прекращения огня. Турки послушались, но раньше заняли всю Кирению, всю Фамагусту, значительную часть Никозии. Разрушенные города, двести тысяч лишившихся крова, «зеленая линия», разломившая страну на греческую и турецкую части, дезорганизованная экономика, вытопанные поля, уничтоженные виноградники, сожженные плантации, замолкший международный аэропорт, опустевшие пляжи Фамагусты, взорванные причалы — вот результаты скоротечной, жестокой и никому не нужной войны.

Турецкое население острова потеряло неизмеримо больше, чем приобрело. Собственно говоря, приобрело оно два опустевших курортных города, которых не в силах восстановить и освоить, мертвый аэропорт, сколько-то плантаций и виноградников, отошедших к переселенцам из Турции, а потеряло налаженную экономику, рабочую занятость, твердые заработки, поскольку весь туризм переместился в Ларнаку, Лимасол и Пафос, и международная торговля осуществляется теперь через эти порты. И перед греческим Кипром последствия войны поставили ряд сложных проблем. Первая и самая болезненная — размещение беженцев.

Громадным и ужасным памятником минувшей войны остается Фамагуста. Мы подъезжали почти к самому подножию этого скорбного монумента, к тому месту, где шоссе перегорожено подобием шлагбаума и мятыми бочками из-под бензина, наполненными землей. Но «большое видится на расстоянии», и город во всем своем обманчивом великолепии открывается от курортного местечка Айа Напа. Солнечный свет растекается по глади белых стен роскошных отелей, высотных зданий банков, магазинов, учреждений, портовых сооружений. Кажется, что перед вами живой красивый южный город, органически вобравший старину с мечетями и минаретами в современные четкие формы. Это обман — Фамагуста мертва. Конечно, какое-то шевеление продолжается в старом городе, укрытом крепостными стенами, где от века обитали турки-киприоты, обжили они в последнее время и прилегающие к старому городу кварталы, редкие грузовые суда, в основном из Турции, заходят в сильно пострадавший порт, но прежней блистательной, кипучей, многоязычной, звенящей жизни нет и в помине, ведь сияющим лицом Фамагусты был новый город, выросший у старых крепостных стен и названный Вароша. Так вот, в Вароше не осталось ни души, и турецкая администрация даже не пытается ее обжить. Трескается асфальт, прорастает травой и кустами, зияют пустые проемы окон, кое-где трещат выгоревшие порванные занавески. Ветер наметает тонкий земляной прах в вестибулы отелей, банков, в магазины, опустошенные крысами. Серые грызуны, чудовищно расплодившиеся, — настоящие хозяева Вароши.

Недавно я смотрел в Вене страшный фильм «Крысы Манхэттена». Это довольно гнусная фантазия на тему термоядерной войны. В атомном смерче уцелели лишь самые приспособленные обитатели планеты — крысы, они завладели опустевшим миром. Когда я с мукой отвращения смотрел этот фильм, мне и в голову не приходило, что через несколько месяцев столкнусь с реальным подобием крысиного Манхэттена. Мы живем в такое время, когда любая чудовищная выдумка фантастов осуществляется в яви.

Крысы Фамагусты пожрали все запасы продовольствия, пожрали всех кошек и собак и что-то еще догрызают в пустой, медленно разрушающейся от стихий и заброшенности Вароше...

Фамагусту можно спасти, если исчезнут шлагбаумы, бочки с песком, «зеленая линия», если слово «киприот» снова станет означать: гражданин единого островного государства, чьи народы, имеющие тяже-

лый, но не безнадежный опыт сосуществования, объединятся на федеративной основе.

А пока что...

...Родина, ты стала куском бумаги, который переносят с конгресса на конгресс. Родина, ты стала узлом белья, которое свалили в порту среди гнилых досок. Куда девалась твоя земля, белая глина, красная глина, на которой замешана культура, наполнившая витрины музеев мира?..

Мы побывали в гостях у друзей Пеонидисов, в их престольном доме близ Айа Напы. Их «приключение», как любит говорить Роберт Музиль, вводя в смысл слова душевную ситуацию, могло бы стать новым мифом. Они познакомилась на пляже Фамагусты. Георгиас был местным жителем, талантливым художником и дизайнером, голландка Жаннет — женой большого пианиста, приехавшей на модный средиземноморский курорт. Когда-то Жаннет, награжденная богами остро, даже жестко современной и вместе лунатической, удлинённой, будто из древнего сказания, красотой, была манекенщицей у знаменитого Кристиана Диора. Тогда же она снялась в фильме, но предпочла превратностям киносудьбы и скоротечности карьеры манекенщицы прочные радости брака. Она вышла замуж и родила сына. Счастливая семейная жизнь рухнула в то мгновение, когда на пляже в Фамагусте Жаннет познакомилась с загорелым мускулистым и волосатым хиппи, как потом оказалось, ярко талантливым художником. Но это обстоятельство ничего не значило, он мог быть чистильщиком сапог, ловцом осьминогов и кальмаров, просто лоботрясом, ничто не играет роли, коли «расшибло громом», что, вероятно, означает ту степень внезапной страсти, когда разом отпадают все моральные запреты, житейские соображения и обязательства. Все рушится перед велением рока. И у Жаннет не было никаких проблем, кроме сугубо практических: скорее оформить развод, забрать сына и вернуться в Фамагусту. Так все и было бы, не грянь иной гром — из турецких орудий. В потоке беженцев Георгиас и Жаннет потеряли друг друга, кажется, он был ранен. Жаннет перенесла сильнейшее нервное потрясение, но, едва выйдя из клиники, принялась разыскивать любимого. Следы его были потеряны. Как потом выяснилось, он очутился в Афинах без гроша в кармане и без записной книжки с адресом Жаннет.

Через греческих художников Жаннет удалось отыскать Георгиаса. Они съехались на Крите, который традиционно соединяет людей. Романтическое приключение Тесея тоже связано с Критом. Там он обрел Ариадну, а разделил их Наксос. Георгиас и Жаннет остров Наксос не соблазнил, они отправились прямо на Кипр, где поженились, построили дом и родили сына.

— Чем не сюжет для поэмы? — сказал я Элли.

— Я написала поэму о Фамагусте, — улыбнулась Элли. — Но героиня у меня другая — не Жаннет, а Дездемона. Это монолог Дездемоны.

И тут я вспомнил, что самая пленительная и горестная героиня Шекспира окончила свою жизнь в Фамагусте: Отелло был правителем Кипра.

Трагедия 1974 года определила тон и цвет поэзии Элли последующих лет. Характерны названия циклов: «Обвинения», «Осуждения» (они вошли в новую книгу поэтессы, изданную в Афинах). Но взгляд Элли не замутился оскорбленным национальным чувством, она по-прежнему относится к туркам-киприотам с добротой понимания и сочувствием, ведь, кроме призрачной государственности, они ничего не получили, а потеряли много.

Не все раны проходят, иные зарастают снаружи, а внутри продолжают кровоточить. Но все можно стерпеть, когда есть цель, есть свет впереди. Панос не позволил Элли потерять этот мерцающий во мраке огонек, помог сберечь внутреннее здоровье. Ей грозило сужение поэтического горла, сведенного спазмом горя, но этого не произошло, напротив, дыхание стало глубже, поэтическое слово звучнее и емче, появились новые мотивы, чувства, шире стал образный ряд. И, как уже говорилось, забил новый — лирический ключ. Последнее не в ущерб обществу темпераменту. Пеонидисы много ездят, участвуют во всевозможных форумах, симпозиумах, фестивалях, у них масса друзей, рассеянных по всему свету.

Творчество Элли расширилось и в жанровом плане, она обратилась к прозе и к драме, издала роман для детей «Брат, сестра и черная репа», за который удостоена Государственной премии, ее детская пьеса с успехом идет в Никозии, в Афинах и в Софии, в театре имени Людмилы Живковой. И романом, и пьесой она хотела доказать, что политическая литература для детей не только возможна, но и нужна.

Элли мечтает о профессиональном театре для детей. А пока усердно посещает спектакли тех самодельных или полупрофессиональных коллективов, которые стали появляться на Кипре.

Я был на одном таком спектакле в новостроечном поселке километрах в тридцати от Лимасола. Только что сложившаяся крошечная гастрольная труппа дала премьерный спектакль для школьников. Два оборванца с ярко размалеванными лицами, в шутливом одеянии и немислимых башмаках неумоимо орали друг на друга, пытаясь втемяшить свое имя в пустую башку собеседника. «Я — Захарияс!..» — надрылся один, тыкая себя пальцем в грудь. «Я — Пелерато!» — рычал второй. «Захарияс!» — срывал голос первый. «Пелерато!» — изнемогал второй. А дети, милые, смуглые, черноголовые дети покатывались от смеха, чуть не падали со стульев и трогательно прижимали кулачки к груди, чтобы не выпрыгнуло сердце. Удивлял их восторг, не соответствующий бедному зрелищу. Я заметил, что у Элли подозрительно повлажнели глаза.

— Это все дети беженцев, — сказала она.

Селение, в котором мы находились, построено для бездомных Фамагусты. В зале сидели дети войны, многие из которых — кто смутно, а кто навек отчетливо — запомнили уход с родной земли под раскаленным и равнодушным солнцем. Я с невольной симпатией, даже уважением глянул на Захарияса и Пелерато, не жалевших своих слабых сил для радости опаленных войной детей.

— Понимаете, как нам нужен детский театр, — говорила Элли по дороге домой, — если даже такое неискusstvenное зрелище вызывает бурю восторга... Нет ничего печальнее опечаленных детей.

Я обмолвился словом «домой». Впервые за мою долгую жизнь чужое обиталище стало для меня вторым домом. И сейчас, в Подмоскowie, я что ни день продельваю мысленно путь, которым мы впервые попали в дом Пеонидисов, а потом столько раз возвращались с моря, предвкушая обед с непременно новым загадочным блюдом. Путь этот начинается с набережной, от ветхого летнего кафе, где редко-редко увидишь посетителя, потягивающего из горлышка «фанту», но зато бойко идет торговля свежей, только что пойманной рыбой: скольких рыбин кидает на весы и заворачивает в бумагу единственной рукой хозяин кафе, старый веселый рыбак-браконьер, которому вторую руку оторвало динамитом; теннисной улицей, душно припахивающей зверьем — тут находится маленький зоопарк с вполне разгуливающим по территории слоном, но сколько мы тут ни ходили, слона-то не приметили, — подымаешь ее в нарядной, залитой солнцем площади, огибаешь ее и после двух поворотов оказываешься на тишайшей улочке, которой так к лицу название Парадайз — Райская, увитой бугенвилеями, поросшей фламбойнами и сладко припахивающей лимонной цедрой. Здесь и стоит в кустарниковой поросли двухэтажный домик Пеонидисов. Как покойно, хорошо и вместе значительно было наше пребывание там, среди картин, гравюр, книг и комнатных растений, в ежедневном общении с добрыми, глубокими людьми, под мазурику, полонезы и вальсы Шопена.

Были мы и в деревенской избе Пеонидисов — солидном, обжитом крестьянском жилище с закопченным очагом, с овчинами на лавках, с тяжелыми деревянным столом, на котором оплетенные бутылки местного вина, козий сыр, копченая свинина, овощи, взорванные спелостью гранаты и горы розового твердого крупного винограда. Сюда без зова, по-соседски заходили односельчане наших хозяев, нерослые, кражистые люди с большими, теплыми, спокойными руками землепашцев. Чувствовалось, что у них была некая не проговариваемая вслух надобность в Паносе. Они плотно заполняли широким крестцом грубо сколоченные кресла, принимали в руку глиняную кружку с вином, которую за долгое сидение редко осушали до дна, и как-то умно, сосредоточенно молчали, предоставляя хозяину самому догадаться, зачем они пожаловали. Панос был свой, но вместе и городской, сведущий во всех делах лучше любой газеты. И Панос понимал, чего от него ждут, и как-то между делом, двумя-тремя словами, жестом, взглядом, улыбкой, то ироничной, то горьковатой, то веселой, давал людям нужное им. Это не было деревенским калыканьем: мужики набирались у Паноса ума-разума.

Я давно, очень давно знаком с Элли и Паносом. Мы столько раз встречались в Москве: и на кинофестивале, и в больших, пестрых компаниях, когда много шума, задиристых разговоров, и в домашней обстановке, где разговоры тише и серьезнее. Однажды, еще в спокойные времена, Панос ждал меня в аэропорту Никозии, ныне мертвом, я летел в Дамаск, а здесь была часовая остановка. И вот тогда, наверное, в судорожной краткости встречи у меня мелькнуло чувство, что нас связывает нечто куда большее, чем поверхностное дружество. Но надо было побывать в Лимасоле, чтобы узнать настоящую цену нашим отношениям.

Сейчас, когда мировая ситуация так напряжена и каждое слово политиков взрывоопасно, мне особенно тревожно за моих друзей, за их милый дом на улице Парадайз и за их большой дом, тот, что посреди моря, очерченными напимолочной дубовой лист.

ФЕСТИВАЛЬНАЯ ПАНОРАМА «СМЕНИ» ЮНОСТЬ ПЛАНЕТЫ: БОРЬБА И НАДЕЖДЫ

«Дети разных народов,
мы мечтою о мире живем...»
Стали отцами и дедами
участники первых
Всемирных фестивалей.
Но их дети и внуки
пронесут сквозь годы,
сквозь жизнь то,
что с самых
первых послевоенных
лет утверждали фестивали:
главное — это единство
молодого поколения
планеты Земля, главное —

ДРУЖБА

ДРУЖБА ДАМИТІЕ

**Фаусто
ОВЬЕДО,**
Республика
Эквадор

— Московский фестиваль — второй Всемирный фестиваль, в котором мне предстоит участвовать. Первым был фестиваль в Гаване. Но тогда я был просто членом эквадорской делегации, а в этот раз мне поручено принять непосредственное участие в фестивальной подготовке. Должен сказать, что при всех различиях в мнениях и оценках — а в Постоянной комиссии Международного подготовительного комитета фестиваля представлены 34 национальных подготовительных комитета и 9 международных и региональных молодежных и студенческих организаций — мы по всем кардинальным вопросам находили общий язык.

И в этом мне видятся, если хотите, знамение и символ времени: сегодня нельзя допустить, чтобы противоречия, разногласия взяли верх над честным желанием понять друг друга, найти путь друг к другу.

Эквадорская молодежь с энтузиазмом приняла предложение Ленинского комсомола провести XII Всемирный фестиваль в Москве. Нет на свете ни одного человека с чувством

чести и долга, который не понимал бы, какую исключительную роль сыграл Советский Союз в разгроме германского фашизма и японского милитаризма, в освобождении мира от изуверства и бесчеловечности, которые те несли с собой.

Очень важный момент: фестивали не начинаются церемонией открытия и не заканчиваются церемонией закрытия. Считаю, что многие месяцы подготовки к Всемирным фестивалям, многие акции, мероприятия, события, связанные с этой подготовкой, естественно, ложатся на чашу весов, когда мы оцениваем значение фестивального движения, его роль в современном мире. А разве справедливо вынести за скобки тот политический резонанс, значение которого не подчеркивают годы и десятилетия?

Молодежь Эквадора принимает участие во Всемирных фестивалях молодежи и студентов с самого их рождения, с первого фестиваля в Праге. Но в Москву, на XII Всемирный, придет самая представительная делегация нашей молодежи, объединяющая многообразные политические течения: социал-демократов, демокристов, коммунистов, крупнейшие молодежные организации профсоюзов, федерации студенческой, учащейся молодежи, молодежные организации художников, артистов, журналистов и многие другие. Всего в Национальном подготовительном комитете XII Всемирного

фестиваля в Эквадоре — 28 молодежных организаций. В 12 провинциях страны из 20 созданы местные НПК. И у каждого — своя насыщенная программа действий.

Назову лишь некоторые из фактов, связанных с нашей подготовкой к XII Всемирному...

В июне 1984 года мы провели массовую молодежную манифестацию солидарности с народами Никарагуа и Чили — она началась в глубинке страны, в городе Гуаякиль, а затем была продолжена в столице, в Кито.

Состоялись встречи трудящейся молодежи Эквадора под фестивальными лозунгами, встреча крестьянской молодежи, национальная конференция девушек Эквадора.

Проведен посвященный фестивалю спортивный праздник с участием лучших спортсменов страны.

В ноябре 1984 года у нас с огромным успехом прошел фестиваль политической песни, посвященный солидарности с борьбой патристических сил Сальвадора.

В начале мая 1985 года в столице Эквадора произошло событие, которое имело особое значение в подготовке к XII Всемирному: мы провели Фестиваль дружбы с Советским Союзом, прежде всего отметив неоценимый вклад, который советская молодежь внесла в дело Победы над фашизмом.

Фестивальное движение, по моему мнению, имеет выдающееся значение, ибо дает массу импульсов всему прогрессивному молодежному движению планеты, рождает новые инициативы, новые формы борьбы — в интересах молодежи, в интересах всех людей Земли.

ДРУЖБА FREUNDSCHAFT FRIENDSHIP

**Франсуа
ОНКА-
МИЕРЕ,**
Народная
Республика
Конго

— Каждый Всемирный фестиваль — это радостный праздник общения молодежи, праздник знакомства, узнавания. Но, к сожалению, современная международная обстановка такова, что принципиально важные акценты в программе фести-

валя ставит серьезная политическая дискуссия, в ходе которой идет речь чаще всего о делах не слишком уж радостных.

У молодежи любой страны, которая участвует в фестивале в Москве, — а практически советская столица примет в фестивальные дни весь мир, — есть нечто свое, важное и наиболее, чем захочется поделиться со сверстниками из других стран, рассчитывая на их понимание, на действительную солидарность и поддержку.

Одна из сложных проблем, перед которыми стоят народы Африки, — частые государственные перевороты. За ними — происки империализма, основанные на контактах реакции внутренней и внешней. В послевоенной истории африканских государств немало доказательных примеров: страна достигла определенных успехов на пути демократического развития — и вдруг происходит переворот, который резко отбрасывает ее назад. Я сейчас пытаюсь заниматься изучением, если можно так сказать, механизма этих крайне опасных для молодых независимых африканских государств процессов. Пишу работу на эту тему, собираю документы, связанные с актуальной историей Африки.

Сам я родился в районе Мабиру, на севере Конго. Отец служил во французской армии, воевал в Индокитае — типичная ситуация, когда народ одной колонии заставляли воевать против другой... Мать у меня

крестьянка, женщина простая и мудрая. Мы с братьями — а нас четверо — очень многим обязаны ей. Она нас всегда учила делить и радость, и боль других...

Моя страна относится к тем странам африканского континента, которые избрали для себя социалистический путь развития. И потому для молодежи Народной Республики Конго глубокое и заинтересованное изучение опыта Советского Союза, первой в мире страны, построившей новое, не существовавшее прежде общество высочайшей социальной справедливости, это задача исключительной важности, возможность пристальнее приглядеться к тому, что означает реальный социализм.

Знаю, не может быть иначе: молодежь африканских стран будет в числе тех, кто особенно резко осудит провокации и преступления империализма, — слишком уж жестоко они по нам ударяют. Проблемы эксплуатации, экономического и духовного угнетения наших народов, варварского расхищения наших природных богатств — все это мы хотим вынести на политическую трибуну фестиваля.

И еще мы скажем о том, насколько важна для нас антиимпериалистическая солидарность. Словом этим будет более чем уместно прозвучать в Москве, ведь Советский Союз, советская молодежь всегда давали замечательный образец такой солидарности.

В номере использованы фотографии Мстислава БОТАШЕВА, Анатолия БОЧИНИНА, Сергея ВЕТРОВА, Нины СВИРОВОЙ, Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

ДРУЖБА

ПРАЗДНИК ТВОЕЙ И МОЕЙ

Любовь БАКОВА,

комсорг

комсомольско-молодежной бригады
Второго московского
часового завода

Мне кажется, что нынешнюю весну мы с подругами встретили именно в тот яркий, солнечный день. Это была смена, когда нам довелось потрудиться в Фонд XII Всемирного. Вот и запечатлелось в памяти ослепительное солнце, улыбки и неожиданное ощущение недалекого грандиозного праздника.

В тот день комсомольцы Второго часового заработали и передали в фестивальную копилку 12 тысяч рублей. Думаю, и сейчас многие из нас могут наизусть повторить номер фестивального счета — 700140. И не только мы, комсомольцы и молодежь всей страны, постарались, чтобы Фонд XII Всемирного был полноценным.

Есть в нем вклад и молодого рабочего автосборочного корпуса ЗИЛа Анатолия Александрова, он безвозмездно отработал пятьдесят две трудовые смены, и лепта механизатора ПМК-33 треста «Заволжводстрой» Александра Новикова, который передал в Фонд свою премию Ленинского комсомола, и взносы строителей БАМа, газовиков Тюмени, студентов Белоруссии, докеров Владивостока, комбайнеров Казахстана... Найдется ли комсомольская организация, оставшаяся в стороне от подготовки к празднику юности?

Сегодня я размышляю, что же заставляло нас трудиться в горячие смены с особым азартом. Наверное, желание не отстать от других. Но прежде всего — стремление ощутить единство с зарубежными сверстниками, с теми, кто борется за мир и свободу, с теми, кто, как и мы, видит в империализме, его безрассудных планах главную угрозу для человечества, с теми, кто стремится не к вражде, а к пониманию, дружбе...

Как-то мастер цеха, проходя мимо конвейера, вздохнула:

— Эх, мне бы таких девчат! Да я бы с ними горы ворочала.

Это она о нашей бригаде сказала. Мы задумались: почему именно о нас такие слова? Работаем хорошо? Первое место среди комсомольско-молодежных коллективов заняли? Ну и что — цех бригадами сильными не обижен, отличных специалистов много. Скорее, дело в другом: люди у нас подобрались надежные,

дружные. И хвала за это нашему мастеру Галине Алексеевне Теряевой.

Порой я пытаюсь понять, в чем секрет ее влияния на нас, молодых. Случается, надо собрать ребят для важного разговора, так Галине Алексеевне стоит лишь произнести совершенно спокойно: «Даю вам три минуты. Поторопитесь», — и бригада вся налицо, готовая к любому ответственному делу. Мне, комсоргу, такое еще не всегда удается.

Часто замечала: перед началом смены, когда сборщицы только раскладывают на столиках детали и инструмент, пройдет Галина Алексеевна вдоль конвейера и внимательно, очень внимательно посмотрит на каждого. Для нее важно, кто с каким настроением явился в цех. Бывают ведь у каждого и трудные минуты. Нет, она не станет в душу лезть, нарочито бодро похлопывать по плечу. Но обязательно попытается помочь, исподволь, незаметно. Иногда достаточно даже ее легкого кивка, одного точного слова. И, глядишь, даже чем-то расстроенный вздохнул свободной, настроения прибавилось. Значит, не будет он сегодня в стороне от товарищей.

Мастер учит нас вниманию и взаимопониманию.

Отсюда и возникает ощущение контакта, общности, так помогающее нам. Каждому из нас безразлично доброе имя бригады. И потому одна из лучших наших сборщиц, Людмила Одаховская, выполнила пятилетку в три с половиной года, соединив воедино общие цели и свои личные качества. Даже наш новичок, шестнадцатилетний Андрияша Трофимов, очень скоро ощутил себя членом большого и дружного коллектива, где совестно не справляться с дневной нормой.

...Вспоминаю свою поездку в Венгрию, в Международный молодежный лагерь. На разных языках мы говорили о мире, о том, что ждет его завтра, порой объяснялись на пальцах, но в конце концов научились обходиться без переводчика.

Совсем недавно член нашей бригады Татьяна Корвинская вместе с делегацией ветеранов войны побывала в Чехословакии. Так здесь гостям и хозяевам даже не было необходимости искать общий язык, он обнаружился сразу — так сходно отношение к войне и миру советских людей и граждан братской Чехословакии.

На XII Всемирном нам предстоит знакомство со сверстниками из многих стран мира. Иностранные делегации побывают и в нашем цехе. Мы готовы к этим встречам и верим, что они будут добрыми. А еще предстоят интересные, увлекательные беседы в нашем фестивальном клубе, где молодые часовщики примут гостей из Скандинавии. Нам есть о чем поговорить, о чем поспорить. Верим, что контакт найдем быстро...

Представители Никарагуанского национального подготовительного комитета XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов передали в Международный фонд солидарности фестиваля 1500 долларов. Деньги на уборке кофе заработали учащиеся школ, студенты, молодые рабочие и крестьяне...

Широкий отклик в Польше нашел призыв молодого рабочего варшавского предприятия «Урсус» Кшиштофа Ласковского ко всем молодым рабочим — встать на ударную вахту в честь фестиваля. Выпуск сверхплановой продукции в нерабочее время станет их вкладом в трудовую «копилку» фестиваля. Ее пополняют также и средства, заработанные в ходе всепольского фестивального субботника.

Молодежь Швеции на протяжении длительного времени производила сбор средств в фонд солидарности фестиваля, чтобы дать материальную возможность прибыть на фестиваль делегатам колониальных стран.

Взнос корейской молодежи передал председатель ЦК Союза социалистической трудовой молодежи Кореи Ли Ен Су. В этой стране выполнены и специальные фестивальные заказы. Во время торжественной церемонии открытия XII Всемирного в Лужниках расцветут 105 тысяч бумажных цветов, сделанных руками юных корейских мастеров.

В вузах Монголии прошли «Фестивальные недели», во время которых молодежь встречалась с участниками предыдущих форумов, знакомилась с историей фестивального движения. Сотни тысяч тугриков, заработанных молодыми на строительных площадках, воскресниках, перечислены в Фонд фестиваля.

Внести личный вклад в подготовку фестиваля стремятся юноши и девушки Болгарии. По всей стране была подхвачена инициатива отработать с наивысшей производительностью 12 дней в Фонд Московского Всемирного.

Петр ПАРИЖКОВ,
Болгария

Белорусский вокзал

Было —

*мчался наш поезд из Минска в Москву,
грохотал, молодую тревожа траву...
Но светилась береза над Вечным огнем
и была как слезинка в пространстве ночном.*

*Стал Булат Окуджава попутчиком нашим,
а пейзаж заоконный — батальным пейзажем.
Как в бездонный экран, устремлен в законе,
Белоруссию видел я — как на ладони.
И я видел, как бьется отчаянно Брест.
И леса партизанскими стали окрест.
И вступили хатынские колокола...
Память, за душу память о павших взяла.
Падал пепел, деревни дымились!.. Но вдруг
стало тихо — и все побелело вокруг.
Скорый мчал, разминуться спеша с тишиной:
песней даль нарастала —*

«Священной войной».

*А наутро себя нам привычно назвал,
принимая в Москве, Белорусский вокзал.
Вновь на фронт эшелоны тяжелые шли:
принимала последний парад боевой
эта площадь вокзальная в сердце Земли...
Строй гитары суров, точно воинский строй!..
В том июньском*

прощальном

неумолчном марше —

боль, и память, и жизнь,

но — ни капельки фальши.

*Нам поэт своей песней так много сказал!..
Правду вновь нам открыл Белорусский вокзал...
А в полях под Орлом и на подступах к Курску
в тесном братстве погибших*

лежат белорусы.

*...Трое выживших песню запели. Сквозь слезы.
А четвертый... Вернулся он белой березой.*

Перевел с болгарского
Владимир ВИШНЕВСКИЙ.

Матеус ЛАМПЬЯО,
Мозамбик

*Привет тебе, мой Мозамбик,
Земля моих отцов,
Здесь слышу предков голоса,
Великих стариков.*

*Край детских лет,
Где в первый раз
Я в школу побежал,
Где я дружил,
Где я любил,
Где думал и мечтал;
Среди обид, среди тревог
Я многое постиг
И вот приветствую тебя,
Мой новый Мозамбик!*

*Здесь черный, белый и мулат
Как друг друг, как брату брат.
Мой Мозамбик —
Седой старик
И юноша студент,
Ты вечен в мудрости своей
И юн в любой момент.
Твоя судьба, твои века —
История твоя
Полна и былей, и легенд
О жизни и боях.*

*Край сельских хижин среди полей
И шумных городов,
Земля асфальтовых дорог
И троп в тени лесов.
Вчера тебя хозяин гнал
В невежество и тьму.
Сегодня ты принадлежишь
Народу своему.*

Перевел с португальского
Федор ГАНКИН.

Абдулло НАЗБИ, Афганистан

*В добрый путь!
К сиятельному пределу,
великолепно
увенчанному солнцем,*

уходим мы!

*Высокому гимну преобразования
отдан наш голос!*

Через горы и степи,

сквозь пламя и воду

*пройдем мы с оружием,
не сворачивая с пути!*

Из края

*страданий, бедствий и нищеты
уходим мы прочь!*

И как незыблемую клятву

*на верность рассветам
будет чеканить свой твердый шаг
наше упорное воинство.*

*И пусть же темные зрочки винтовок
станут убежищем светлой надежды,
рождающейся в сегодняшних муках.
Но какое страдание —
видеть те же самые нищие колыбели,
ту же самую землю,*

*пропитанную невежеством,
и те же самые руки, с дрожью
разламывающие хлеб
и разливающие вечером черный чай...
И тех же самых колес дребезжание,
и те же самые печальные глаза,*

*ждущие урожая,
и тот же самый дымный навес,
причитания над душою,
и бедность, и страх, и ежедневное
«здравствуй» смерти,—
и так на каждом шагу,
в каждом жилище*

*и в каждом квартале —
то, чем мы сыты по горло!*

*Теперь же — приветствие,
и расходящийся свет наших взглядов
на дальний ковер дороги!*

В добрый путь!

*Пусть сыплются звездные стружки —
сыплются в глубину нищеты,
и в глубину пустоты,
и в траурную слепоту горьких глаз!
Так пусть же снова поднимет
свою голову труженик,
словно цветок с изношенного
дастархана равнины,
и пусть он протянет свои*

крепкие руки

*к победному утру,—
пусть, где пролиты кровь и пот,
он ростком драгоценным взойдет!*

Перевел с дари
Виктор ПОЛЕЩУК.

Мвала Йа НАНГОЛО, Намбия

*М. Нанголо — журналист по профес-
сии, живет в эмиграции. Известен
как комментатор, диктор и радиоре-
жиссер радиостанции патриотов.*

Клятва партизана

*Я обрушусь на вас, поверьте,
как пронзивший тьму солнца луч,
а затем ослеплю вас, поверьте,
потому что я быстр, как огонь.
Я еще неизвестен, поверьте,
как назревающее сражение,
я в засаде с ножом и гранатой,
я, зачавший уже вашу смерть.
Ожидая минуту атаки,
чтоб покончить с болью и кровью,
я — солдат в этом мире, поверьте,
я — отравленная стрела,
я — натянутый лук тяжелый,
я — заточенное копьё,
что достигнет цели, поверьте,
я — могучий карающий меч,
ожидающий в ножнах, поверьте,
угнетателей скорой смерти.*

Перевел с английского
Феликс БУРТАШОВ.

Геннадий АНДРЕЕВ, специальный корреспондент «Смены»

Ярка и многокрасочна летопись фактов и событий, раскрывающих важнейшую тему: сотрудничество молодежи социалистических стран, наших братских союзов в реализации грандиозной программы социалистической экономической интеграции.

Полистаем страницы этой летописи... Между черноморскими портами Варна (Болгария) и Ильичевск (СССР) — 247 морских миль. Было время, когда почти все грузы — а товарооборот между нашими странами весьма велик и возрастает из года в год — шли по железной дороге через Румынию. Доставка их морем дала бы внушительную экономию. Но грузить и перегружать сырье, оборудование, станки с поездов на суда, а затем снова на поезда явно нецелесообразно: это требует слишком много времени и дополнительной рабочей силы. Советские и болгарские специалисты пришли к выводу: надо строить паромный комплекс. И он был построен. Крупнейший в Европе. Учитывая сложные условия работы — болотистые берега должны были превратиться в устойчивые фундаменты для 300 сооружений, — были определены сроки стро-

дружили во время сооружения газопровода советская комсомольско-молодежная бригада Ивана Шамбера и чехословацкая — Павла Стеглика. Вспоминают, как стегликовцы, закончив работу на своем объекте — компрессорной станции, — нередко приходили всей бригадой на строительство Дома культуры, где работали ребята Шамбера. Вспоминают совместный конкурс профессионального мастерства — он стал традиционным. Вспоминают, как в трудную

...Если вы возьмете в руки карту, выпущенную в начале шестидесятых годов, не пытайтесь найти на ней Усть-Илимск. В шестьдесят втором — первая палатка. Не было тогда кранов над тайгой. И бетонных кубов и труб ЛПК — лесопромышленного комплекса — не было. И плотины Усть-Илимской ГЭС. Не было и самого города. Что было, так это Ангара, и лес вокруг, и глухие деревни, где то ли триста, то ли четыреста лет тому назад поселились люди. Сибиряки. Долгие годы казалось: жизнь шла где-то далеко. Прежде люди ехали отсюда — теперь сюда. Открытие Сибири продолжается.

Здесь, в Усть-Илимске, в этом открытии Сибири принимали участие болгарский отряд имени Георгия Димитрова, венгерский отряд имени Бела Куна, отряд имени Эрнста Тельмана из ГДР... Приезжали и работали на стройке отряды, сформированные из кубинских, вьетнамских, монгольских студентов, обучавшихся в СССР. Всесоюзные удар-

УСКОРЕНИЕ

ительства: четыре года. ВЛКСМ и ДКСМ объявили строительство паромной переправы Ильичевск—Варна ударной комсомольской стройкой. Она была завершена за полтора года!

В год 60-летия Ленинского комсомола вступил в строй газопровод «Союз». Труба длиной в 2750 километров связала Оренбургское газоконденсатное месторождение, открытое в 1966 году геологами на левом берегу Урала, с Западной границей СССР — отсюда оренбургский газоконденсат продолжает свое путешествие к заводам и фабрикам братских социалистических стран. Молодежные союзы СССР и Болгарии, Венгрии и ГДР, Польши и Чехословакии взяли шефство над стройкой — одной из важнейших в программе СЭВ.

На старте газопровода, в Оренбурге, работали болгарские комсомольско-молодежные бригады. Затем эстафету приняли молодые чехословацкие строители — они соорудили пять мощных компрессорных станций на территории Волгоградской и Ростовской областей.

...В заволжском городе Палласовке есть Островская улица. Стоят на ней дома, спроектированные в чехословацком городе Острове. Вспоминают в Палласовке, как трудились, соревновались,

пору уборки урожая, когда так хотелось, чтобы в сутках было не двадцать четыре часа, а по крайней мере вдвое больше, ночью, после всех обычных смен на «собственной» стройке, из городка чехословацких строителей выходили во внеочередные рейсы мощные «татры». Тысячи тонн отборной пшеницы, выращенной в совхозе имени Чапева, доставили эти «татры» к элеваторам, где в ярком свете прожекторов гремели заключительные аккорды битвы за хлеб...

Практика интернациональных молодежных строек утвердилась прочно. В числе таких строек ТЭЦ «Тушимце-2» в Чехословакии и комбинат минеральных удобрений в Девне, в Болгарии; медно-молибденовый горно-обогатительный комбинат в Эрдэнэте, в Монголии, и нефтекомбинат в Ленинвароше, в Венгрии... Список этот можно продолжать и продолжать.

Почетное место в нем занимает Усть-Илимский целлюлозный комбинат.

ные отряды отправляли в Усть-Илимск съезды Ленинского комсомола.

Как работали? Вот один пример... С почетом проводил Усть-Илимск на родину бригадира венгерских плотников-бетонщиков Имре Киша, одного из знатных, уважаемых людей стройки. А начинать ему было непросто — много все-таки нового, непривычного. И тогда решили: четверо ребят из бригады Киша пройдут стажировку в бригаде Александра Алексеева, а четверо алексеевцев поработают у Киша. Александру Никитину Алексееву было что показать и рассказать: первые страницы его сибирской строительной биографии были написаны за двадцать лет до Усть-Илимска, еще в Братске...

Интеграция стран социализма — процесс, стабильно и стремительно развивающийся, охватывающий все сферы, все стороны жизни. Это не временная кампания, это поиск совместных решений, переносящих нас за рубежи столетия. А потому жизнь предъявляет особые требования к работе братских молодежных союзов, их сотрудничеству, созданию совместной комплексной программы действий, чтобы овладеть сложными механизмами современной экономики, чтобы быть готовыми к решению задач завтрашнего дня.

Активность молодых — мощный фактор общественного развития. Необходимо использовать его в полной мере.

ФЕСТИВАЛЬНАЯ ПАНОРАМА
«СМЕНЫ»
ЮНОСТЬ ПЛАНЕТЫ:
БОРЬБА И НАДЕЖДЫ
ДРУЖБА

Альберто
ХУАНТОРЕНА,
двукратный
олимпийский чемпион:
Куба

РУКО

Мне не забыть тот день — 29 июля 1978 года. У всех, кому посчастливилось присутствовать тогда на стадионе «Латиноамерикан» в моей родной Гаване — у 65 тысяч счастливых зрителей, — болели ладони. Болели от аплодисментов. Добрых шесть часов не смолкали рукоплескания — ровно столько времени продолжался великолепный праздник открытия XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

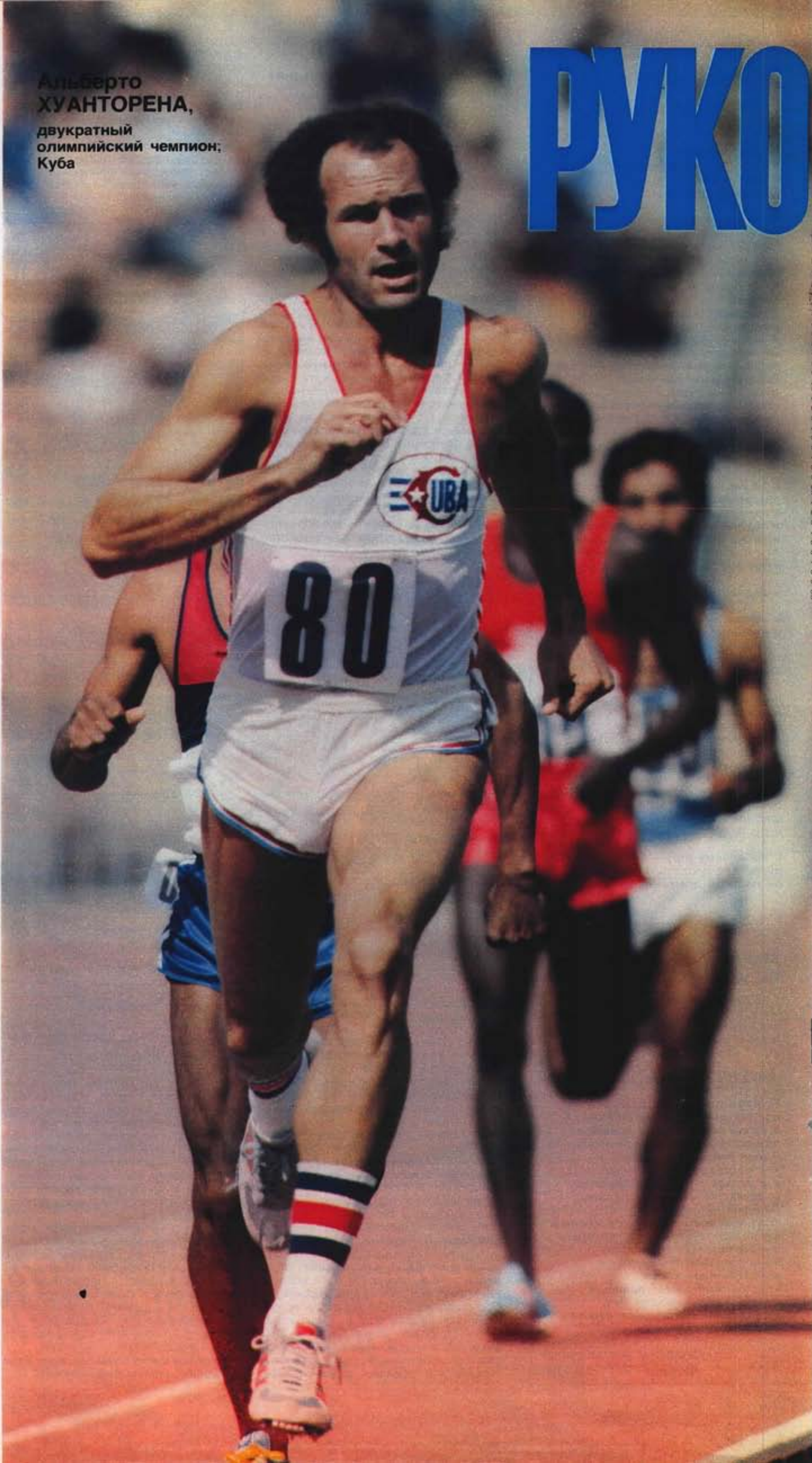
А до этого национальные делегации (их было 145!) участвовали в шествии по улицам города. В ярких костюмах, с флагами и плакатами в руках представители молодежи мира двигались в живом коридоре гаванцев. Всех приветствовали одинаково радушно, восторженно. И самую большую делегацию — нашу, кубинскую, в которой было почти две тысячи человек. И самую маленькую — с островов Фиджи, — членов которой можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Вместе с друзьями я шел в колонне по таким знакомым гаванским улицам — и сердце мое пело. Это не преувеличение — именно пело. Много пришлось мне видеть разных молодежных форумов (прежде всего, конечно, спортивных), неизгладимое впечатление оставила Олимпиада-76 в Монреале, где я завоевал две золотые награды в беге. Но у фестиваля — своя атмосфера. Как бы это лучше объяснить... Ощущение, будто все вокруг — братья, и ты все время улыбаешься. Улыбка становится естественным состоянием — и это прекрасно. От этого поет сердце. В общем, я шел в колонне и был счастлив как никогда.

А потом была торжественная церемония открытия фестиваля. Волнующая манифестация молодежи планеты. Выступал Фидель. Говорил, как всегда, страстно: «Молодые составляют почти половину населения нашей планеты. Смелые и боевитые по своей природе, вы стремитесь к обновлению мира. Когда молодежь отдает эти прекрасные качества без остатка на службу человечеству, народу, когда эта сила поднимается на борьбу, оживают надежды и растут чаяния, стремление завоевать лучшее будущее для всех людей. Наша революция — результат героической столетней борьбы многих поколений кубинцев, а также солидарности и помощи других народов. Мы полностью осознаем и ни на секунду не забываем об этом долге перед всеми и перед каждым, кто в самое трудное время великодушно протянул нам руку дружбы и сражался за Кубу вместе с нами. Поэтому я хочу сказать вам, друзья, братья, юноши и девушки: «Вы у себя дома. Куба, Гавана от всего сердца предлагают вам новый дом!»

А затем над «Латиноамериканой» поднялся флаг фестиваля. И — торжественное мгновение, которое и сегодня стоит у меня перед глазами, — вспыхнул фестивальский факел. Право зажечь его было предоставлено мне, и я чувствовал удивительную гордость: мне, простому парню, спортсмену, была доверена столь почетная миссия.

Кстати, когда я зажигал факел, на груди у меня был почетный знак ЦК ВЛКСМ «Спортивная доблесть». Совет-

ПОЖАТИЕ НА СТАРТЕ

ские друзья наградили меня накануне церемонии открытия, и награда эта — одна из самых для меня дорогих...

Вспоминаю фестиваль-78. В памяти он остался как замечательный праздник... В том числе и спортивный праздник. Одно за другим проходили соревнования, выступали знаменитые атлеты. Но центральным тогда в спортивной программе стал, пожалуй, массовый забег на фестивальную милю длиной 1978 метров. Каждая делегация в этом забеге была представлена солидным числом участников. Хоть Гаваана и стоит на северном тропике, но не оболь-

щайтесь словом «северный». Во время того старта в тени было под сорок, да и влажность на пределе... Дистанция пролегалла по центру Гаваны, финиш — у памятника Хосе Марти на площади Революции. До чего же вокруг было красиво!

Мне потом говорили, что забег удался во многом благодаря мне. Мол, возможность преодолеть дистанцию вместе с Хуантореной, знаменитым спортсменом и президентом международного спортивного центра фестиваля, придала другим участникам силы. Но ведь не один я вышел на старт. Рядом бежали не менее именитые: Ренате Штехер из ГДР и Иванка Христова из Болгарии, наш Теофило Стивенсон и советские

спортсмены Александр Романьков, Игорь Высоцкий, Галима Шугурова, Александр Медведь. А разве я могу не упомянуть знаменитого пловца из ГДР Роланда Маттеса, который был одним из судей на фестивальном трибунале «Юность обличает империализм»? А бывший олимпиец, борец за гражданские права Фил Шинник из США? А болгарский кругосветчик-яхтсмен Георгий Георгиев?

Наверное, наш забег был величественен как зрелище. Зрители один за другим пристраивались к общей группе, и «хвост» забега в результате растянулся на многие сотни метров, змейкой переползая с холма на холм. Честное слово, это был забег, достойный фестиваля. И,

как и на других фестивальных турнирах, здесь победитель назван не был. Потому что победили здоровье, молодость, дружба...

Семь лет прошло с тех пор. И вот новые фестивальные встречи. Разноцветная ромашка распустилась на этот раз в Москве. И все мы с нетерпением ждем встреч с давними друзьями, новых знакомств. Здравствуй, XII Всемирный!

С Москвой у меня связаны самые замечательные воспоминания. Именно здесь состоялся мой международный дебют — я первенствовал на Всемирных студенческих играх 1973 года. Потом выступал в советской столице не раз, в том числе и на Олимпиаде-80, хотя, к сожалению, из-за травмы без особого

успеха. Последний для меня официальный старт также состоялся в Москве: в прошлом году я стал победителем соревнований «Дружба-84» в беге на 800 метров. И вот теперь новая встреча с Москвой. Правда, теперь я уже не действующий спортсмен — работаю заместителем председателя Национального института спорта и физического воспитания. На фестивале буду одним из руководителей национальной делегации.

Москвичи умеют проводить самые крупные международные форумы на высочайшем уровне, и, уверен, фестиваль не станет исключением. Уверен также, что чрезвычайно насыщенной будет спортивная программа, ведь запланированы и марафонские пробеги, и водные праздники, и матч одновременной игры в шахматы на тысяче досок. В помещениях Института физкультуры — я в них бывал не раз, так что все мне тут хорошо знакомо — откроется фестиваль спортивный центр. Нас ждут увлекательные дискуссии, которые, конечно же, будут способствовать укреплению взаимопонимания между представителями десятков стран.

Мы на Кубе готовились к фестивалю самым напряженным образом. Был создан подготовительный комитет. В делегацию вошли лучшие из лучших — те, кто отлично трудится, учится. Среди посланцев Кубы немало известных спортсменов, которые намерены принять участие в многочисленных встречах по волейболу, баскетболу, другим играм. Мы рады встрече с Москвой и фестивалем и говорим вам по-русски: «Здравствуйте!»

ФЕСТИВАЛЬНАЯ ПАНОРАМА «СМЕНИ»

ЮНОСТЬ ПЛАНЕТЫ: БОРЬБА И НАДЕЖДЫ ДРУЖБА

Тема моих картин — прозрение человека. В жизни самое главное — обрести свое «я», жить болью своего народа. Мои фильмы направлены против мира капитала, наживы, безнравственности. В этом мире я долгое время жил сам и потому знаю его.

Я родился в 1949 году в Вальпараисо — в переводе на русский язык это означает «Райская долина». Большой порт на берегу Тихого океана, один из красивейших городов Латинской Америки. Мои родители принадлежали к среднему классу, семья была большая, четверо детей: я, два брата и сестра. Часто не хватало денег на еду. Когда мне исполнилось десять лет, меня как старшего отдали в духовную семинарию. Я был робким, застенчивым и потому сразу попал под влияние монахов. Нас заставляли молиться с утра до вечера. А между молитвами рассказывали о безбожниках-коммунистах, о дикарях, живущих в Сибири, о городах, по которым бродят медведи. По субботам демонстрировали фильмы. Сейчас я понимаю, что это были реакционные картины, но тогда они для меня означали хоть какое-то окно в мир, выход из скучной, затворнической жизни.

В 14 лет я начал задумываться над «мирскими» вопросами, меня стали одолевать сомнения в правильности церковных догм. И вот однажды меня вызвали к «отцам семинарии», и я услышал: «...вы потеряли веру, поэтому должны покинуть эти стены...» Я вернулся домой.

В поисках работы мои родители переезжали с места на место. И я смог, как говорится, на практике познать противоречия классового общества, своими глазами увидеть правду о жизни народа.

Как ни странно, но мое стремление стать кинорежиссером связано с маминым запретом. Ребята нашего квартала почти ежедневно ходили на американские боевики, любили фильмы о ковбоях, бандитах. Других картин в то время в стране не показывали, да и сейчас ситуация не изменилась. Мама запрещала мне посещать кинотеатр. Она считала это порочным. А меня кино неудержимо притягивало. Желание смотреть фильмы осталось на всю жизнь.

Скоро я поступил в среднюю школу — лицей «Майку». Учился с радостью, а страсть к искусству кино не проходила. Небольшие деньги, которые время от времени присылали родители, тратил на посещение кинотеатров. Приходилось и голодать. И тогда я решил искать работу. Мне повезло, устроился продавцом тканей. Каждый день с толстым каталогом под мышкой ходил по домам, предлагая купить «...лучшие сорта, которые имеются только в нашей фирме...». Но, увы, ни разу не сумел продать ни куска материи. Компания обанкротилась, и мне вновь пришлось искать работу. Стал рисовальщиком букв...

Стыдно признаться — приходилось прибегать и к приему многих латиноамериканских студентов: надевал единственный довольно потертый костюм, приходил в кафе, заказывал еду, наедался, а потом подзывал официанта и просил принести кофе. Когда он уходил за моим заказом, я убежал. Но не всегда это проходило успешно...

В лицее «Майку» мне повезло. Я встретил удивительных людей — педагогов, наделенных обостренным чувством справедливости и желанием делать добро. Большинство из них — об этом я узнал позже — были членами Коммунистической партии Чили. Они заметили мое страстное желание учиться и стали всячески опекать. Особенно помогал мне Игнасио Осса. Недавно я прочитал документальный рассказ одного из чилийских писателей, посвященный моему учителю. Хунта жестоко расправилась с Оссой. Его изуродованный труп нашли на берегу реки...

Чилийский кинорежиссер Себастьян Аларкон вынужден работать за пределами своей родины. Последние тринадцать лет он живет в СССР. Получил высшее образование во ВГИКе, работает на киностудии «Мосфильм». Его документальные короткометражные ленты «Первая страница» и «Три Пабло», художественные — «Ночь над Чили», «Санта Эсперанса», «Падение кондора» получили награды на международных кинофестивалях в Москве, Тампере (Финляндия), Лондоне, Оберхаузене (ФРГ). Имя молодого чилийца сегодня известно во многих странах мира. Недавно на киноэкранах демонстрировалась его новая игровая лента «Выигрыш одинокого коммерсанта».

Хунта Пиночета внесла имя Себастьяна Аларкона в «черные списки» особо опасных преступников — без права въезда в страну. Он получил такой запрет, потому что в художественном фильме «Ночь над Чили» вывел образ фашистского диктатора, пришедшего к власти коварством и обманом, жестокостью и террором превратившего страну в тюрьму. В июне 1984 года пресса Пиночета сообщила, что желающие могут возвратиться на родину, им будет гарантирована свобода. Однако те, кто поверил, жестоко обманулись: их бросили в тюрьмы.

Аларкон остался, как он говорит, на своей второй родине — в СССР. Нелегким был путь Себастьяна к осуществлению своей мечты. Она сбылась: Аларкон стал кинорежиссером, членом Коммунистической партии Чили.

Учился я старательно, но в Чили люди моего сословия могли закончить только лицей. Дальнейшая учеба стоит больших денег. В 1968 году узнал, что в университете в Вальпараисо открыт факультет киноискусства. Приехал в родной город, сдал экзамены и, к своему удивлению, был принят. Принять-то приняли, а что дальше? Нужно платить за учебу. Мне помогли мои друзья-коммунисты. Деньги были внесены.

Я учился в университете в бурное, предреволюционное время. Студенты тоже бастовали, выходили на демонстрации. Я был среди них. Не скрою, чаще из любопытства, ведь я тогда не принадлежал ни к одной из политических партий, но вместе с тем я был так же, как и мои друзья-студенты, недоволен системой преподавания в университете. Если бы я окончил учебу, в лучшем случае мог бы заниматься только кинокритикой. Снимать фильмы никогда в жизни мне бы не дали. Но тут все изменилось — к власти пришло правительство Народного единства во главе с Альенде. Во время одной из встреч с преподавателями лица — коммунистами мне сказали: «...а почему вы тебе не поехать учиться в Советский Союз?» Только что были восстановлены взаимоотношения между Чили и СССР и создан Институт чилийско-советской дружбы. Представить себе не могу, как сложилась бы моя дальнейшая жизнь, если бы я на своем пути не встретил педагогов-коммунистов.

Живя в Чили, я, как и большинство моих сверстников, мало знал о Советской стране. Знакомство с Москвой — один из самых значительных и волнующих моментов в моей жизни. Я попал в другой мир, о котором и подозревать не мог. По ночам, просыпаясь, думал: не сон ли все это? А какие письма я писал домой! В них рассказывал родным о нарядных улицах Москвы, об удивительно добрых людях, о том, как благоговейно относятся здесь к старикам, детям. Все, что для русских естественно, к чему они привыкают с детства, для меня было чудом. Счастливые люди! Не знают, что такое безработица, как живут впроголодь, как страдают от нищеты...

Меня приняли во ВГИК. Наконец-то открылись заветные двери в настоящее искусство. Впервые получил я право бесплатно учиться, да к тому же еще и со стипендией. А после окончания института мне предоставили возможность работать.

Когда пришло время первой практики, я написал знаменитому кинорежиссеру Роману Кармену письмо, а через несколько дней мне позвонили и пригласили приехать на киностудию «Мосфильм». 9 сентября я встретился с Романом Карменом, а 11-го в Чили произошел фашистский переворот, один из самых кровопролитных в истории Латинской Америки.

Роман Кармен начал съемки публицистического фильма «Чили: время борьбы, время тревог». Чили была его любовью, его болью, его надеждой. Я стал работать у Кармена переводчиком. Чилийская хроника, поступающая от различных агентств, рассказы соотечественников, чудом вырвавшихся из ада, рождали в моей душе сквозящую боль и слезы жгучую ненависть к фашизму. Долго, слишком долго жил я, испытывая мучительное недоверие ко всему, что зовется политикой. А в эти дни отчетливо понял — аполитичность безнравственна. У каждого в жизни наступает момент, когда нужно принять решение, с кем быть. Так человек, равнодушно относившийся к политике, стал борцом. Другого пути у меня уже не было. Я знал: с фашизмом нужно бороться, как с чумой.

Однажды Роман Кармен посоветовал мне в качестве учебной работы сделать короткометражную документальную ленту из тех кино материалов, которые он не включил в свой фильм. Все вечера просиживал я со своим другом, кинооператором

Кристианом Вальдесом в монтажной, вновь и вновь пересматривая документальные кадры. Постепенно, нелегко начал складываться фильм-хроника о страшных днях фашистского переворота. Я назвал его «Первая страница».

Страшны в своей достоверности и обнаженности документальные кадры. Меня потряс эпизод с аргентинским кинооператором, снявшим на кинолентку свою смерть. Пуля сразила его во время киносъемки, но он не бросил кинокамеру, а продолжал снимать солдата хунты, стрелявшего в него, безоружного. Уникальный обвинительный документ против хунты, против фашизма.

Фильм «Первая страница» был представлен на международный фестиваль в Финляндии. В последний день кинофестиваля ко мне подошел его директор и сказал: «Прошу вас вечером никуда не отлучаться... Скажу по секрету, вы получили Приз прессы и Приз жюри...» Что тут можно сказать!

Первым моим художественным фильмом стала «Ночь над Чили». В создании картины участвовали чилийские и советские кинематографисты, настоящая интернациональная бригада: Кристиан Вальдес — оператор, Карлос Осарио — консультант, бывший комментатор чилийского телевидения, один из первых узников страшного лагеря на стадионе в Сантьяго, которому удалось вырваться на свободу, Александр Косарев — сорежиссер, Вячеслав Семин — сооператор. Художественным руководителем картины стал Роман Кармен. Над литературным сценарием я работал вместе с Сергеем Лукиным. Откровенно говоря, сценарий писался долго и трудно. Сложность заключалась в том, что необходимо было все продумать, все взвесить, не допустить даже малейшую неточность в изобразительном ряде, в игре актеров, в передаче атмосферы. Литературный сценарий прочитал Константин Симонов. И хотя он произвел впечатление сурового, но делового человека, мне он оказал большую моральную поддержку. С глубоким почтением буду вспоминать его всю жизнь. В мои силы поверили, мне разрешили работать на крупнейшей киностудии «Мосфильм», обеспечили аппаратурой, со мной рядом трудился профессиональные, влюбленные в свое дело люди.

В фильме «Ночь над Чили» меня интересовала психология человека нерешительного, сомневающегося, находящегося вне политики. Своим фильмом мы в первую очередь обращались к молодым: «Где начинается трусость?». «Что толкает человека на путь предательства?». И говорили: в гущу социальных, нравственно-этических, политических аспектов реального времени анемичность ведет к трагедии. В наше время нельзя быть конформистом. В фильме показано, как в первый день фашистского переворота молодого архитектора Мануэля Вальдимара неожиданно арестовывают и куда-то увозят в машине... Сквозь щель в кузове он видит, что происходит на улицах города: солдаты ведут арестованных, около зданий стоят полуодетые люди с заклеенными пластырем глазами, горит президентский дворец Ла Монеда. Мануэля привозят на Национальный стадион, превращенный в концлагерь, его подвалы и трибуны забиты арестованными...

Семь дней под арестом, проведенных молодым архитектором, далеким от политики, но по сути своей честным, порядочным человеком, заставили его по-другому относиться ко всему происходящему. Новые власти предложили Мануэлю сотрудничество, но он, уже на себе ощутивший весь масштаб трагедии, отказался. Он сделал свой выбор, пройдя все круги чудовищных фашистских застенков. Мануэль становится антифашистом и убежденным борцом. «Ночь над Чили» — фильм о прозрении человека.

Этот фильм не только мой политический манифест.

Себастьян
АЛАРКОН,
кинорежиссер,
Чили

С КЕМ ТЫ, ХУДО

Он моя боль и моя кровь. Все, что происходит на экране, основано на документах, на подлинных фактах. Образ Мануэля, которого прекрасно сыграл талантливый молдавский актер Григорий Григориу, я пропустил прежде всего через свое сознание. Я рассказал историю, которая могла бы стать историей и моей жизни.

В следующем художественном фильме, «Санта Эсперанта», мы вместе с известным сценаристом Владимиром Амлинским пытались поставить ряд проблем: о выборе путей в революционной борьбе, об отношении к церкви, о необходимости объединения всех антифашистских сил. Только в единстве — основа победы над фашизмом.

В этих фильмах я вижу как бы самого себя: в «Ночи над Чили» я молодой архитектор, в «Санта Эсперанта» — молодой семинарист, а в «Падении кондора» я решил посмотреть на себя со стороны тех, кто пришел к власти при помощи реакционного переворота. С ужасом думаю, что при определенном стечении обстоятельств со мной могло бы произойти то, что происходит с бедным крестьянином Мануэлем. К сожалению, таких, как Мануэль, у нас в стране еще много... Вот почему меня так заинтересовала история нравственного падения человека, который отрывается от своего класса и идет на чудовищный компромисс с совестью, ради карьеры предаёт мать, любимую девушку, друзей и, наконец, родину... «Человек должен строить, а не разрушать» — говорит Мануэлю один из героев моего фильма, известный скульптор. — зря ты бросил деревню...» Мануэль сознательно совершает одно преступление за другим, и мы не даем ему возможности для прозрения. За все совершенное нужно платить полной мерой.

Прожив в СССР уже тринадцать лет, я могу однозначно говорить о советском народе. Я познал широту и глубину его сердца, познал гостеприимство, добродетельность, честность. Я полюбил советскую землю, она стала для меня второй родиной.

Как ни странно, говорить о своем народе мне намного сложнее. Мы, чилийцы, очевидно, по каким-то этнографическим причинам наделены замкнутостью и определенной заторможенностью. Характеры людей скрытны. Но вместе с тем мы умеем принимать на себя жестокие удары судьбы и не сгибаться под ними. Мы наивны, что оказалось для нашей революции катастрофой. Сейчас я стал глубже понимать характер моего народа. Человек из народа — пролетарий или крестьянин — одно, мелкий буржуа — совсем другое, а многие вообще живут по принципу: «Мы там, где солнце больше греет...» Правительство Народного единства хотело объединить нашу нацию. И народ пошел навстречу этому стремлению, ощутив свое значение в истории, свое достоинство. В те годы мы впервые смогли почувствовать себя полноценными людьми. Так почему же теперь мы должны находиться под пятой американского капитала?

Я поражен уникальным историческим фактом: в СССР смогли сохранить традиции всех народностей в искусстве, живописи, музыке, в языке. Я познал этот феномен, путешествуя по республикам Закавказья, Прибалтике, Украине, Белоруссии. В Чили же определенная часть очень состоятельных семей назойливо внедряет простым людям мысль о том, что мы во всем должны быть похожи на американцев. Тем самым они сознательно духовно растлевают страну изнутри. Аленде смог показать нации, в чем ее достоинство, открыто заявив: наши богатства, материальные и духовные, существуют для нас. Он попытался поднять благосостояние низших классов, семей, не имевших ни куска хлеба, ни своего дома. Разве наш народ забудет то время? К сожалению, сегодня еще нет единства среди политических партий, при помощи которого можно было бы свергнуть фашистский режим Пиночета. Нужно объединиться. Коммунисты Чили являются сегодня самыми сильными, мужественными людьми в стране. Вот почему сейчас я пишу сценарий о коммунисте.

Пока мне не удалось снять фильм на родине. Но я не сомневаюсь в том, что буду работать на своей родной земле. С надеждой ожидаю тот день, когда Чили станет свободной. Когда бы это ни произошло, я уже теперь ощущаю, как стану скучать по России. Ведь здесь у меня сильные корни, здесь моя семья — жена, ребенок...

Записал
Юрий СЛАВИЧ.

Карэн ХАЧАТУРЯН,
композитор,
народный артист РСФСР

НА ЯЗЫКЕ ИСКУССТВА

Что значил для меня первый фестиваль? Очень многое! Он вывел, и не меня одного, на орбиту большого искусства, дал направление творческим поискам. Полученный в те незабываемые дни заряд бодрости и энергии не иссяк и сегодня.

1947 год. Мы, посланцы СССР, едем в Прагу. Молодые, счастливые, полные самых радужных надежд. Надеждой на лучшее будущее жили тогда все люди. Два года назад окончилась страшная, жестокая война, развязанная гитлеровским фашизмом. О ней старались не вспоминать, но разве такое забудешь?... Война напоминала о себе каждый день, каждый час.

Мне не пришлось участвовать в боях, но я не понаслышке знаю о героизме тех суровых лет. Наш военный ансамбль зимой 42-го года выступал в блокадном Ленинграде, позднее — в только что освобожденных Киеве, Новороссийске. Я видел все: и людские страдания, и людское мужество. Ничего не кануло бесследно — увиденное, пережитое нашло отражение в моей музыке. Военная, а точнее, антивоенная тема для художников моего поколения — это глубоко личная, выстраданная проблема, неискоренимая из сердца боль. Вот и в одном из своих последних сочинений, третьей симфонии, где есть размышления о сегодняшнем времени, я вновь обращаюсь к теме прошлой войны.

На фестивале вместе с Леонидом Коганом, моим другом по Московской консерватории, я исполнил свою сонату для скрипки и фортепиано. Когда мы показывали сонату Д. Д. Шостаковичу, у которого я в то время учился, он сказал:

— Это очень свежее и искреннее произведение.

Еще в Москве очень серьезно готовились к фестивальному выступлению. Репетиции продолжались и в поезде, и в Праге — в отеле «Флора», где мы жили. Днем работали, а вечерами выходили гулять по нарядным, шумным улочкам. Всегда ходили втроем — Арно Бабаджанян, мой однокурсник Алексей Муравлев и я. Мы знали, что в Чехословакии была еще карточная система, не хватало и электроэнергии, однако для участников фестиваля пражане не только мобилизовали все энергоресурсы, но и подключили на всю мощь энергию своих сердец.

В Прагу приехали молодые композиторы и исполнители из десятков стран. И все же подлинным триумфом стало выступление советских музыкантов. Ни один из них не остался без награды фестиваля. В затруднительном положении, к примеру, оказался жюри конкурса скрипачей и виолончелистов: игра наших артистов была столь блистательной, что решено было учредить пять первых премий и все пять присудить советским исполнителям.

В конкурсе композиторов первую премию мы поделили с Лешей Муравлевым, вторая досталась еще одному члену нашей «неразлучной троицы» — Арно Бабаджаняну, а третью получил молодой польский композитор Ян Кренц.

Общение с людьми из разных стран невольно пробуждает интерес к их национальной культуре. В Праге я старался попасть на все концерты. Особенно сильное впечатление произвели на меня артисты из Африки. Не забывайте, какое это было время: в большинстве африканских стран у власти стояли реакционные режимы, и нужно было обладать мужеством, чтобы приехать на фестиваль. Я вглядывался в лица африканских музыкантов — открытые, по-детски доверчивые улыбки, а в глазах тревога: что будет потом, когда придет пора возвращаться домой?..

В начале 60-х многие страны Африки добились независимости. Именно тогда я получил предложение от правительств Занзибара и Сомали написать государственные гимны для этих молодых республик. Согласился с радостью. Больше месяца провел в Занзибаре, знакомился со страной, изучал местные музыкальные традиции. Но, работая, я вновь и вновь обращался к своим фестивальным впечатлениям, опять вспоминал тех африканских артистов...

Мне посчастливилось побывать во многих странах — в Индии, Китае, Вьетнаме, Корее, Монголии. И отовсюду привозил с собой музыкальные темы, навеянные жизнью этих стран. Стремлюсь через свою музыку приобщить слушателей к духовному богатству разных народов. Ведь язык музыки не

ведает границ, он интернационален, это общение сердец. Вот почему мне так хочется, чтобы молодежь знала и любила музыку.

Ирина АКУЛОВА,
актриса МХАТа

ВЕНСЕРЕМОС!

Мы пересекли океан, и я как будто оказалась в своем детстве. Да, с детских лет живет во мне горячее чувство любви и симпатии к этой далекой прекрасной стране. Меня принимали в пионеры, когда на Кубе победила революция. Отважные барбудос были нашими кумирами. Ну, а Куба стала для нас, девчонок и мальчишек, символом мужества, стойкости, неслышимого свободолюбия. С каким чувством повторяли мы тогда гордые, всем понятные, не нуждающиеся в переводе слова: «Патриа о муэрте! Венсеремос!» С новой, возвышающей душу ясностью открывались нам любимые светловские строки: «Ответь, Александровск, и, Харьков, ответь: давно ль по-испански вы начали петь?»

Летом 1978 года прогрессивная молодежь всего мира пела по-испански. И я счастлива, что и мой голос вливался в общий хор молодых голосов на улицах и площадях красавицы Гаваны, где проходил XI Всемирный фестиваль.

Но фестиваль не только праздник, не только знаменитый кубинский карнавал с его неумным буйством красок, звуков, искрометными танцами. Фестиваль — это прежде всего позиция. Идеальная, политическая. Кто участвует в этом молодежном форуме, тот тем самым заявляет, что он стоит на стороне сил мира, прогресса и социальной справедливости.

Почему я, актриса, выделяю политическую сторону фестиваля? Да потому, что, живя в современном мире, нельзя находиться вне политики. И это в первую очередь касается работников искусства, которые, обращаясь к сокровенным струнам человеческой души, не могут, не имеют права оставаться «над схваткой».

Настоящее искусство всегда «за» и всегда «против» чего-то вполне конкретного, социально определенного. Помню выступление самодельных кубинских актеров. Они разыгрывали пьесу из жизни портовых рабочих, смело, остроумно критиковали лодырей и бракоделов. В таких труппах нет привычного для нас, профессионалов, разделения труда: тут все и режиссеры, и артисты, и сценаристы. Пьеса сочиняется общими усилиями, а материал берется прямо из повседневности. Но надо видеть, с каким задором, самоотдачей, юмором играют свои роли самодельные актеры.

В дни фестиваля в Гаване заседал Международный трибунал. Юность планеты обвиняла империализм. Каждая строка приговора, вынесенного при участии известных юристов разных стран, дышала не только праведным гневом, но и сознанием той неодолимой силы, которая заключена в братстве и солидарности миролюбивой молодежи пяти континентов.

Вспоминаю об этом потому, что совсем недавно во МХАТе была премьера спектакля «Юристы», поставленного по пьесе западногерманского драматурга Рольфа Хоххута. В этом спектакле я играю Кристину, дочь преуспевающего министра одной из земель ФРГ. Юная, чистая, в то же время решительная, моя героиня во всем стремится быть похожей на отца, ничего не подозревая о его преступном прошлом. Идя по отцовским стопам, Кристина окончила юридический факультет. И в тот самый день, когда она стала доктором права, узнает ужасную новость: ее отец был нацистским судьей, выносил смертные приговоры людям, ни в чем не повинным с точки зрения человечности, но виновным в нарушении бесчеловечных законов третьего рейха.

Министр, поднаторевший в демагогии, всячески оправдывается, пытается свалить всю ответственность на других, на то кошмарное время...

Не буду говорить, как удалась мне эта роль. Речь о другом: как человек и гражданин, я разделяю позицию своей героини. Фашистским палачам нет и не может быть никакого оправдания. Особенно важно заявить это сегодня, когда кое-кто на Западе пытается исказить историю, причисляя эсэсовцев, этих прожженных убийц, к жертвам нацизма.

Сверхзадача нашего спектакля ясна, и я стараюсь твердо следовать ей. Такова не только установка режиссера. Этой ясности и твердости в отстаивании своих убеждений меня учит Куба. Гаванский фестиваль, который мне не забыть никогда.

ЖИЖИ?

Валентин ИВАНОВ,
заслуженный
архитектор
РСФСР

МОСКВА, 1957

Мой сын Николай в этом году окончил десятилетку. Недавно спросил меня: «Папа, а что для тебя было самым интересным на Московском фестивале в 1957 году?»

Простой, казалось бы, вопрос. Мы говорили целый вечер, но, мне кажется, я не успел выложить и десятой части своих воспоминаний. Да и как выразить словами то, что нужно было видеть. Позвал на помощь жену — она тоже архитектор, мы вместе учились в Московском архитектурном институте и вместе работали в группе главного художника VI Всемирного. Тут уж наперебой рассказывали сыну, как рождались идеи оформления улиц и площадей, как за полночь сидели над фестивальными проектами.

Да, хлопот было много, но вот наступил наконец долгожданный день. Мы заняли места у самого входа на стадион в Лужниках. Ждем. А участников фестиваля нет и нет. Открытие запоздало на час, а то и больше. Оказываются, фестивальны́е машины, пока ехали сюда от ВДНХ, еле-еле пробилась через толпы ликующих москвичей.

Зрелище было потрясающее! Помню, руководитель нашей мастерской В. И. Долганов, человек уже немолодой, сдержанный, не утерпел, когда на фоне ржаного поля появилась черная бомба, а потом ее перечеркнули размахистым красным крестом, и вместе с нами с юношеским азартом кричал: «Мир, дружба! Мир, дружба!»

Всего не перескажешь. И все же самым памятным для меня стала закладка Парка дружбы, который сейчас в полную силу разросся у Речного вокзала. Мне пришлось проектировать этот парк, с чего, собственно, и началась моя биография архитектора-ландшафтника. Более 25 лет занимался озеленением нашей столицы.

Сейчас рядом с Парком дружбы, на месте деревушки Аксиньино, поднялись современные жилые кварталы. Есть там, кстати, и улица Фестивальная. А тогда на территории будущего парка была карьера кирпичного завода да непролазная грязь. Нужно было подготовить площадку, запастись посадочным материалом, словом, работы хоть отбавляй. А вот механизмами и другими техническими средствами в те годы мы были, увы, небогаты. Нам смогли выделить лишь один бульдозер, остальное пришлось делать вручную. Но с каким задором и энтузиазмом трудились тут мы и наши помощники — студенты, комсомольцы московских предприятий!

Пришло время встречать гостей. Не забыть, с какой любовью и старанием окапывали тонкие саженцы юноши и девушки из Вьетнама, Сирии, Ливии, Чехословакии, США. Гости привязывали к деревцам пластиковые мешочки с записками, в которых оставили свои адреса и добрые пожелания. Я заметил: многие зарубежные участники фестиваля увозили с собой щепотку московской, такой для них дорогой и гостеприимной земли — на память.

Вспоминается и то, что наши русские елочки и березки хорошо прижились в других странах, где проходили фестивальные форумы. — в Болгарии, на Шипке, в городском парке столицы Финляндии. Посадить дерево — это прекрасная традиция. Хочется, чтобы она была продолжена и на XII Всемирном.

Марина ВОЛЬСКАЯ,
боец студенческого
коммунистического отряда
«Коробейники»

МОСКВА, 1985

Признаюсь сразу: прежде Всемирный фестиваль молодежи и студентов представлялся мне лишь чем-то вроде сплошного карнавала. Из той самой песни ансамбля фольклорной музыки, который примет участие в культурной программе XII Всемирного: «...О карнавал, удивительный мир...» Море огней вокруг, песни, танцы...

Но два обстоятельства изменили мое представление. Может быть, потому, что я почувствовала и свою причастность к подготовке всемирной встречи молодых?

Этой весной, накануне институтского конкурса политической песни, меня вместе с несколькими ребятами попросили помочь подготовиться к выступлению студентам с Мадагаскара. Общаться было нелегко, у наших новых друзей оказались трудности с русским, у нас — с английским. И вот, разучивая песню о стремлении к миру малагасийской молодежи, стали проникаться заботами наших сверстников с далекого острова, почувствовали, что на фестивале им хочется не только представить искусство своего народа, но и обсудить то, что их глубоко волнует.

Борьба за мир, объединение усилий против попыток империализма прибрать к рукам всю нашу планету — вот о чем рассказывала та песня. Мы постарались как можно образней изложить ее на русском языке. И выступление студентов Мадагаскара зал встретил громом аплодисментов.

А затем... Затем меня зачислили в студенческий коммунистический отряд «Коробейники». Желающих вступить в него было много, потому что предстояло безвозмездно трудиться на фестивальных объектах, и каждому хотелось проверить, способен ли он сочетать бескорыстие с отличной работой. Мне повезло, я попала в отряд. И уже на первых субботниках, когда знакомилась с будущей работой, почувствовала и ответственность за доверенное нам дело, и всю его сложность.

«Коробейники» выпало трудиться в одном из главных торговых центров столицы, в гастрономе № 1. На лето наши ребята и девушки стали подсобниками, фасовщиками, помощниками продавцов. Замечено, что гости Москвы судят о ней не только по зелени широких проспектов, ажурности архитектуры и великолепию исторических памятников, но и по тому, как их встречают хозяева. Как обслуживают в самом обычном магазине. Насколько ловко заворачивают покупку и доброжелательно улыбаются.

Значит, и от нас зависит, чтобы лицо нашей столицы, хозяйки XII Всемирного, было красивым и приветливым.

Мы знаем, что вместе с нами гостей и участников фестиваля будут обслуживать 36 тысяч московских студентов. Немало среди них и членов отрядов безвозмездного труда, которые, как и мы, решили перечислить все заработанные деньги в фестивальную копилку. Думаю, что фестиваль станет для всех нас своеобразным испытанием на добросовестность и гостеприимство.

Ну, а карнавал?.. Карнавал, конечно, состоится. Мы будем радоваться вместе с гостями, петь свои и их песни и лучше узнавать друг друга...

ФЕСТИВАЛЬНАЯ ПАНОРАМА «СМЕНИ»

ЮНОСТЬ ПЛАНЕТЫ: БОРЬБА И НАДЕЖДЫ

МИР СОЛИДАРНОСТЬ ДРУЖБА

«Лучше быть активным сегодня,
чем радиоактивным завтра!»
(Лозунг демонстрантов в ФРГ)

«По данным детской комиссии ЮНЕСКО (ЮНИСЕФ), ежедневно на планете от голода и плохого медицинского обслуживания умирает сорок тысяч детей...»

(Из газет)

ЗЕМЛЯ

Владимир ШЛЕНСКИЙ

ПОЭМА

1

Мы друг с другом
незримо связаны.
Мы живем на одной Земле.
Верю —
наша планета Разума
не угаснет в космической мгле.
Мир планеты —
забота каждого.
Призрак смерти возник вдали...
Мы сегодня
не только граждане,
но и дети общей Земли.

2

Приемник надрывается впотьмах,
речь мечется в бушующем эфире.
Мир говорит на разных языках.
Но мысли наши —
о войне и мире...
Покуда Солнце над Землей горит,
покуда мир не захлебнулся лавой,
Париж
и Вена,
Лондон
и Мадрид,
пришла пора задуматься о главном!
Дать волю черной силе упаси!
Ужель посмеет сделать эта сила,
чтоб не Земля
вращалась на оси,
а общая гигантская могила...
Неважно, кто ты —
пахарь иль поэт,
солдат иль слесарь, —
нынче все мы разом,
покуда верим в человекский разум,
должны сказать
нейтральной смерти:
«НЕТ!»

3

Апокалипсис XX века...
Что сегодня может ждать человека?
По улицам голым
мчался
чей-то пустой пиджак
и, рукава простирая,
пытался остановить
пустое такси,
без шофера...

Навстречу спешил мундир
одного из тех
«гуманистов»,
кто совсем недавно
кричал о том,
что нужно
вооружаться!

Оскалившиеся рояли
стояли
в концертных залах
в своих траурных фраках,
и метрономы
своими чет-нечетными
скандировали Реквием
по Человечеству
в стиле «ретро»...

Недопитые рюмки,
сдвинутые на стойке бара,
хранили дактилоскопию тех,
кто пил
«за здоровье»...

И тысячи детских колясок
катились по проспектам
в сторону Заката...
Материальные ценности
остались в целостности...
Цель оправдывает средства?!

4

Ребенок еще не родился...
Ребенок уже постигает
во чреве
походы Мамаю,
Сенатскую площадь...
И вот —
в крови пролетел Перекоп,
Хатынь,
Хиросима,
Майданек,
Сонгми
и мелодия Хары,
кусочек блокадного хлеба,
обида и боли Земли...

Ребенок еще не родился...
Но он побывал в подпольях.
Но он уже вырвался в космос,
чтоб Землю увидеть извне...
Стоял он в рабочих пикетах,
листочку разбрасывал ловко.
Стрелял из винтовки
и плакал
навзрыд
возле братских могил...

Ребенок еще не родился...
Но он уже чувствовал Баха,
смотрел на картины Пикассо
и Пушкина жадно читал...
Шуршали страницы корана.
Библейские сказы мелькали.
Идеи Эйнштейна витали,
вселяя надежду и страх...

Ребенок еще не родился...
Что ждет его в мире огромном?
Он столько всего перевидал,
что господи не приведи...
Наверно, поэтому дети,
на свет появляясь,
похожи
своею морщинистой кожей
немного на стариков...

Ребенок еще не родился...

Нет покоя моей планете.
Тут и там слышен детский крик.
В Сальвадоре падают дети,
и в Ливане падают дети,
и в Анголе падают дети
каждый миг...
Ну, а кто-то живет спокойно
с философией своей стройной:
«Моя хата с краю,
ничего не знаю...»

Рвутся бомбы, снаряды, мины.
И зрачки расширяет страх.
Плачут матери Палестины
о своих сыновьях...
Ну, а кто-то разводит розы—
что им стоны
и что им слезы:
«Моя хата с краю,
ничего не знаю...»

Гвоздь террора
вбивают спору
в тех, чья совесть еще крепка.
И подписывает приговоры
инквизиторская рука.
А все те,
кого приучили
эти гвозди вгонять в живых,
распинают свободу в Чили
и гноят в лагерях гнилых...
Ну, а кто-то живет не тужит,

готов остановить.
Ведь Разумом Земля
моя
не оскудела.
В пространстве
шарик наш
разматывает нить...

7

Но все-таки,
если хрупкий разум
разлетится
на осколки небытия?
Расщепленный разум
вне времени
и вне пространства—
молоко
Млечного пути...
А кого вскармливать?
Кого???

И, как с негатива—
искалеченный позитив,—
дитя кривых зеркал:
вороны,
ласточки,
голуби,
зяблики
смокли по черным садам...
Ева застыла с обугленным яблоком.
Рядом—умолкший Адам...
Древо познания, скорби, мучения
высохло.
Шелест зачах...

9

Чтоб верили мы только в лучшее,
жизнь о себе напомнит звонко.
На этот мир глядит Грядущее
глазами каждого ребенка.
Сегодня я пытаюсь выяснить—
что мы оставим им в наследство?
Пустые,
как пустыни,
вымыслы,
и Хиросиму,
и Освенцим,
боеголовки,
белокровие,
обугленных развалин меты...
Жизнь ставит нам свои условия.
И наши дети ждут ответа.
Сегодня выше всяких истин
должно быть в мире понимание,
что наши дети—
это листья
на древе Жизни и Познания...

10

Пусть бога нет в заоблачных высотах,
и в море нет,
и нет в земной коре...
Но отчего в многэтажных сотах
мы все твердим о правде и добре?
Что заставляет нас стремиться в небо,
на дзот ложиться,
уходить на дно,
не подчиняться злу, по-рабски, слепо,
наивно верить в светлое одно...
Пусть черта нет
и преисподней нету...
Но отчего случается подчас—
горят хлеба,
и падают поэты,
и душегубки заполняют газ...
Звезда горит, как рана пулевая...
Жизнь или смерть?
Чет-нечет...
Нечет?
Чет?

Нам—рай и ад—
планета голубая.
И каждый сам себе—
и бог, и черт...
Покуда
жидкость спинномозговая
важней извилин
в чьей-то голове,
все будет так...
И, боль превозмогая,
летит планета наша в синеве...
Стенанья.
Слезы.
Боль.
Разлуки.
Муки.
Нейтронный смерч взлетит—
и ни души...
А кто-то нынче потирает руки,
подсчитывая души-барыши...

11

Мир застилает военный туман.
Нынче спокойствие—
это обман!
Лозунг.
Листовка.
Громадный плакат.
Мир пробуждается,
слыша набат.
Нужно,
чтоб каждый отчетливо знал,
что по орбите
летит арсенал...
Общая жизнь?
Или общая смерть?
Время грядущее
сердцем измерь!

НАС ОДНА

повторяет, садясь за ужин:
«Моя хата с краю,
ничего не знаю...»
Все, в ком жив еще дух протеста,
боль чужую понять смогли.
В их колоннах найдется место
для прозревших детей Земли.
Человечество разум движет.
Человечество нынче слышит:
хата тех, кто с краю,
первою сгорает...

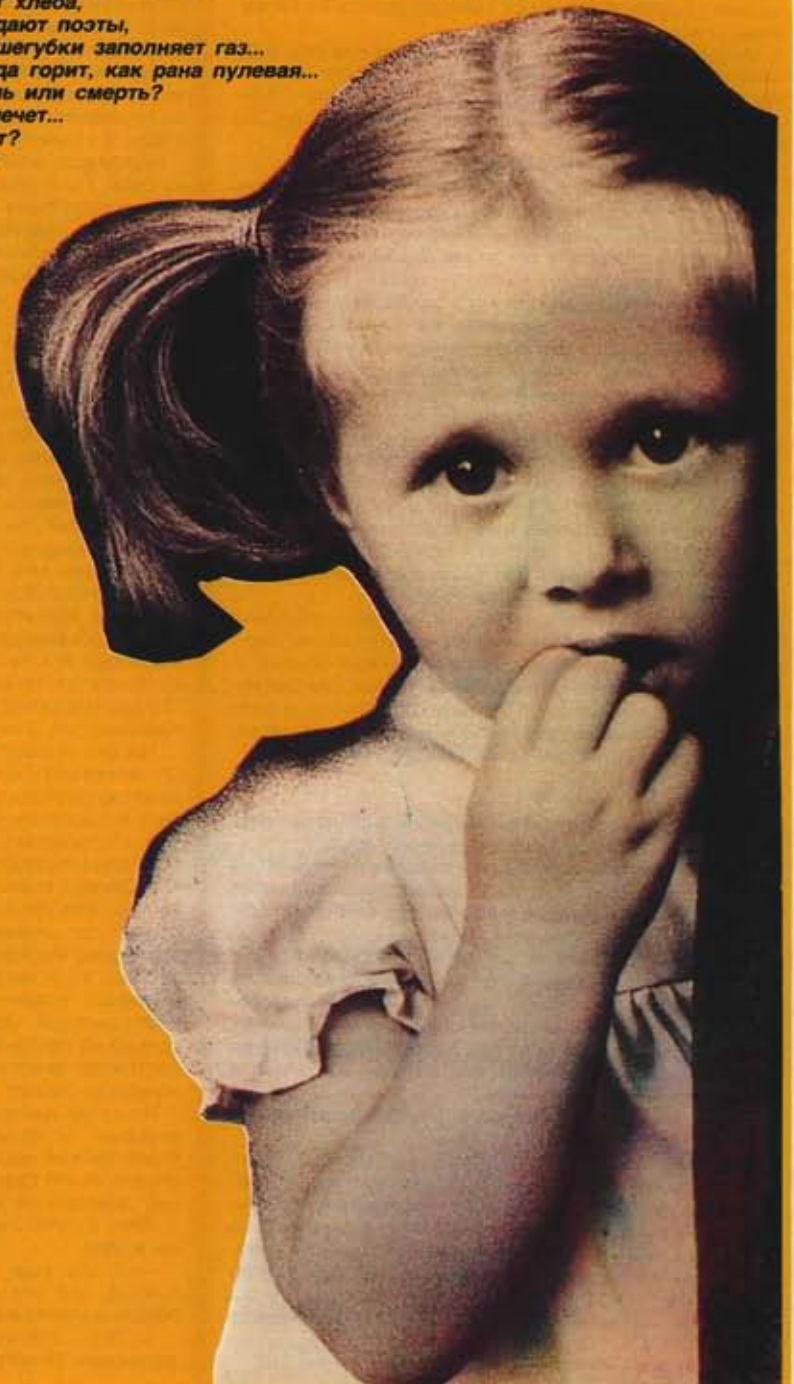
6

Виток.
Еще виток.
Столетье за столетьем.
Спираль дорог и лет
сжимается в груди...
Паденье и триумф
сопровождая медью
оркестров духовых,
мы все еще в пути...
Наш путь к самим себе.
Поднявшись с четверенек,
мы встали в полный рост
меж небом и землей.
И сколько нужно нам
невидимых ступенек,
чтоб вровень со звездой,
чтобы не стать золой...
Событий внешний ряд
я распознать сумею.
Благообразный вид.
Копье.
Пенсне.
Усы.
И каждый властелин
живет по Птолемею,
и вертится Земля
вокруг его оси...
Но память про запас
хранят библиотеки.
Коперник.
Галилей.
Джордано.
Сколько их...
Есть средние века
в любом великом веке.
Испанский башмачок.
Вязанка дров сухих.
Я верю в разум!
Он
сумеет сделать дело.
Он атомный угар

И шелушащийся от облучения
змея-искуситель в корнях...
Красного диска пустое сияние.
Кружит безвременья снег.
Точкой кружит в океане отчаянья
чей-то порожний ковчег...

8

Лучи и дождь сошлись над головою.
Асфальт травой прошит у ног моих...
Несовместимость.
Что это такое?
Природа четко совместила их.
Живет железо в маках и люцерне.
Богата нефть растительным белком.
Две крайности.
Но истина не в центре,
а в них самих,
в их споре вековом.
И человек к познанию стремится,
чтобы рабом у времени не быть.
Две крайности,
как два крыла у птицы:
лишишь крыла—
полет не завершить...
С тревогой уживается беспечность.
Печаль и радость связывает нить.
Все совместимо в этом мире вечном.
И лишь Добро и Зло
не совместить.
Нужны ли доказательства мне в этом?
Хватает доказательства в этот век.
Не совместить Альенде с Пиночетом!
Не совместить Освенцим и Артек!
Так отчего, земляне,
мне ответьте,
чем крепче крылья разума у нас,
тем изощренней пытки на планете:
концлагерная печь,
синильный газ,
детектор лжи,
укол,
железный свитер...
Сегодня, как в средневековой мгле,
новейший
электронный
инквизитор
работает в диктаторской тюрьме...
Я верю твердо—
станет явной тайна,
иначе смысла нет у бытия.
И, как в колокола,
бьет в телетайпы
планета повзрослевшая моя.

Уильям
КОТЦВИНКЛ

САТИРИЧЕСКАЯ
ФАНТАЗИЯ

Эллиот схватил старого ученого за руку и потащил за собой. Тот заковылял, спотыкаясь, к двери, но, выходя, бросил на Мэри еще один взгляд.

— Пока, дорогая, — сказала, обращаясь к инопланетянину, Мэри.

Эллиот и Майкл, взяв Ипа за руки, доволокли его до гаража. В гараже их ждала тоже закутанная в простыню Герти и ждал радиомаяк — зонтик был сложен, остальное лежало в картонной коробке. Инопланетянин посмотрел на радиомаяк и заколебался: а стоит ли доводить дело до конца? Не лучше ли ему остаться жить в чулане?

— Ну, Ип, влезай.

Они посадили его в корзину велосипеда, картонную коробку с деталями передатчика закрепили на багажнике и выехали на улицу.

Инопланетянин сидел в корзине, поджав под себя свои утиные ноги, и смотрел на маленьких землян, идущих по вечерней улице, — принцесс, кошек, клоунов, бродяг, пиратов, чертей и горилл. До чего же странное место Земля!

— Держись крепче, не вывались, Ип.

Крутя педали, Эллиот ощущал вес существа, небольшого только по размерам, судьбой заброшенного сюда со звезд. Сегодняшний вечер был особенный, им предстояло совершить нечто очень важное, и сознание этого вызывало у Эллиота чувства, которых он никогда не знал. Везя корзину с сидящим в ней Ипом, поворачивая руль и нажимая на педали, Эллиот почувствовал, что он совсем не «дрянец». Все свойственное «дрянецу» сейчас покидало его, оставалось позади, во тьме, и тьмой поглощалось; Эллиот знал теперь, что, хотя он близорукий, неуклюжий и унылый, он достоин дела, которое сейчас делает. Велосипед катился, а Эллиот чувствовал себя счастливым и свободным, будто сам космос коснулся его десницей. Он посмотрел на Майкла, и Майкл улыбнулся, сверкнув ортодонтическими пластинками. Эллиот посмотрел на Герти, и Герти помахала ему рукой, глядя на Ипа и хихикая: Ип вжался в корзину, но его мохнатые шлепанцы торчали наружу.

«Мы отправим его назад, к своим», — подумал Эллиот, глядя на Млечный путь. Тот мягко сиял сквозь паутину проводов и загрязненный воздух и, казалось, негромко пел. Странный, зигзагами движущийся свет выскользнул из него, полотнища и сети холодного пламени протянулись к Земле, коснулись Эллиота и, танцуя, унеслись назад.

— Да, таких костюмов я в жизни не видывал, — сказал мужчина в передней очередного дома.

Рядом с ним стояла его жена, глаза ее от изумления были широко открыты; из-за их ног тарачились на инопланетянина дети, потрясенные до глубины души. Ип был уже без простыни. В ковбойской шляпе, в шлепанцах, которые он, входя в дом, снимал, с его невероятными глазами, до пола свисающим животом и длинными пальцами ног, похожими на корни розового хвоща, он выделялся из всех ряженых. Во всех домах, куда они заходили, вид его производил фурор. Ему это нравилось. Как-никак, он ведь просидел в чулане уже несколько недель.

Он протянул хозяевам свою корзину, и туда посыпались сладости.

— ...просто невероятно, — бормотал хозяин, провожая их к выходу; взгляд его был прикован к длинным, похожим на корни пальцам ног, путающимся в ковре.

Прижимая к себе полную корзину, Ип вышел на тротуар. Огромный запас высококачественного питания, вафель и драже — этого должно хватить на много дней космического полета. Горы M&M, а одна плитка шоколада, особенно большая, явно предназначенная

для путешествий более длительных, так и называется — «Млечный путь».

— Ип, ты имеешь колоссальный успех, — сказал, ведя велосипед за руль вдоль тротуара, Эллиот.

Существо из космоса ковыляло с ним рядом, переваливаясь с боку на бок, и Эллиот ощущал исходящие от Ипа довольство и радость. Эллиот хорошо знал, что значит быть не как все, быть посмешищем; ведь на него тоже всегда смотрели так, будто его нос похож на раздавленную брюссельскую капусту. Правда, теперь он такого чувства не испытывал. Теперь у него было чувство, будто он стал старше и мудрее и каким-то образом связан с далекими мирами; значительные и глубокие мысли стремительными кометами появлялись и исчезали у него в голове, оставляя за собой огненные хвосты озарений.

Что же касается инопланетянина, то еще некоторое время назад он заметил, что кое-кто из детей заглядывает в чужие окна. Он потянул Майкла за рукав и объяснил жестами, чего он хочет.

Крадучись, они прошли по газону и заглянули в одно из окон. По комнате расхаживал человек в майке, в руке у него была жестянка с пивом, в зубах сигара. Упершись подбородком в карниз, старый ученый блаженно улыбнулся. Если у него будет возможность каждый вечер ходить с друзьями по улицам и заглядывать в окна, он перестанет жалеть о том, что отстал от корабля.

— Идем лучше со мной, Ип, — прошептала Герти. Тихонько обойдя вокруг дома, они поднялись на крыльцо. Герти нажала на кнопку звонка, и они бросились бежать.

Отделанные мехом шлепанцы хлопали, один вскоре свалился с ноги, а еще Ип потерял свою ковбойскую шляпу. У него вырвался крик восторга. Вот это настоящая жизнь — такая, какой живут земляне.

— Быстрой, быстрой! — крикнула ему Герти.

И они нырнули в кусты; оба задыхались, а из пальцев ног Ипа выделялся туман. Старый путешественник был так возбужден, что сами собой, непроизвольно задвигались пальцы его рук, передавая на языке космических сверхзнаков сокровенные тайны эволюции. Кусты от этого сперва потеряли сознание, но потом не только пришли в себя, но и расцвели. Однако маститый ботаник был уже далеко, его лицо прижималось уже к окну следующего дома.

Так они продвигались из одного квартала в другой. От волнения они все время жевали сладкое, его заметно поубавилось, и Ип дал понять, что не прочь был бы собрать еще.

— Попробуем, — сказал Эллиот. — Может, вон в том доме получится.

И Эллиот повел их по тротуару, твердо уверенный теперь, что уродливую фигурку, шаркающую рядом, примут за роженого — мальчишку или девчонку в резиновом маскарадном костюме. Что касается самого Ипа, то у него больше не было чувства, что он выглядит странно. Ему теперь казалось, что его инопланетный облик — это маскарадный костюм только на сегодняшний вечер. Под ним же он самый настоящий землянин: так же, как другие земляне, ест конфеты, звонит в двери и кричит.

Но когда дверь перед ними открылась, глаза Ипа впервые за вечер моргнули испуганно: за дверью стоял рыжий мальчишка маленького роста, который (он это понял сразу) был не кто иной, как Лэнс, а Лэнс ему доверия не внушал.

Лэнс в свою очередь, отнесся с большим недоверием к Ипу.

— А это еще кто такой? — спросил он, явно не считая, что эти длинные руки и этот лежащий на пороге шарообразный живот обязательно резиновые.

— Это... это мой двоюродный брат, — проговорил, заинаваясь, Эллиот, готовый убить себя за то, что не

узнал дом Лэнса: теперь они в ловушке, теперь им от Лэнса не спастись.

— Ну и чудной же он у тебя! — сказал Лэнс и шагнул к инопланетянину, словно притягиваемый какой-то неодолимой силой; все его существо было настроено на волну Ипа.

Старый ученый понял, что дело плохо: этот мальчик — всезнайка.

Он стал пятиться, и Эллиот тоже. Они отступали, а Лэнс на них наступал, и когда Майкл и Эллиот вскочили на велосипеды, Лэнс вскричал тоже.

— Скажи по буквам «быстро», — произнес Ип.

И Эллиот остервенело заработал ногами, ругая себя за неосторожность, за то, что не утерпел и выпустил Ипа на всеобщее обозрение. Но разве могло быть иначе? Разве можно было удержаться и не похвастаться, не посмотреть, как у людей от изумления отваливаются челюсти?

Однако нельзя было показывать Ипа всезнайкам вроде Лэнса, потому что всезнайку не проведешь. Инопланетного космонавта всезнайка сразу отличит от землянина.

Ип упирался головой в дно корзины, а ноги его торчали наружу. Что сделает теперь Лэнс? Сообщит властям? Неужели кончится тем, что из него, Ипа, сделают чучело?

Эллиот обернулся и посмотрел через плечо назад, в темноту. Лэнса не видно, да он наверняка и не сможет достаточно быстро крутить педали.

— Все в порядке, — сказал Эллиот Ипу. — Мы от него оторвались.

Но он ошибся. Кратчайшими путями, известными одним лишь всезнайкам, Лэнс несся сквозь ночь, и незримая нить, которая связывала его с преследуемым, не обрывалась ни на миг. И откуда он только знал, когда нужно поворачивать и насколько круто? Он был настроен на волну Ипа, их связывала эта невидимая нить; он крутил педали как одержимый, со скоростью, о какой обычный всезнайка и мечтать не может. Ветер прижимал пряди рыжих волос ко лбу, большие уши торчали, а он как безумный несся в свете луны по следу Эллиота.

Фара его велосипеда была выключена, только рефлекторы чертили узоры в темноте, но никто их не видел. Лэнс был разом взвинчен и спокоен и — впервые в жизни — чувствовал, что он не хуже других. В его еще короткой жизни юного всезнайки все, честно говоря, шло пока вкривь и вкось, и ему только и оставалось, что слоняться по дому и играть в электронные игры с самим собой. Но сегодня... сегодня казалось, что велосипед его переполнен энергией, она буквально переливалась через край, а сам Лэнс тормозил на виражах как заправский велогонщик. Его выступающие вперед зубы стучали от возбуждения. Ветер обдувал чуб. Эта ночь явно была к нему расположена.

Налетев на край тротуара, велосипед Лэнса подпрыгнул, опустился снова, взвизгнув колесами, на асфальт, и тут Лэнс увидел впереди велосипед Эллиота: хвостовой рефлектор сверкнул от света уличного фонаря.

«Едет к холмам», — подумал Лэнс.

И он улыбнулся, а его велик в это время вихрем пронесся под тем же уличным фонарем, бесшумный и быстрый, управляемый седоком, который не смог бы сбиться со следа, даже если бы этого хотел; Лэнс принимал сейчас сигнал во всей его мощности, жужжание наполняло его голову.

Склонившись над рулем, он самозабвенно нажимал на педали. Откуда-то появлялись мысли о космосе, глубокие прозрения, и у него было чувство, что еще немного, и он поднимется плавно в небо. Он улыбнулся опять: все мальчишки смеются над ним из-за того, что он не ест ничего, кроме сыра. Ну, а что тут особенного? Какое значение имеет это теперь, когда он словно парит на крыльях невероятной энергии?

Последний уличный фонарь остался позади, теперь Лэнс мчался к холмам.

Эллиот оглянулся, но преследователя не увидел. Дорога перешла в пожарную просеку, которая вела в лес, и Эллиот покатил вверх по склону.

Вцепившись пальцами в проволочную сетку, прижимаясь к ней животом, космический путешественник подпрыгивал в велосипедной корзине. Теперь, когда он снова оказался у места приземления, мысль его лихорадочно заработала. Нужно скорее установить радиомаяк и начать передавать сигналы. Пространство огромно, а время бесконечно, больше нельзя терять ни мгновения. Но как медленно едет Эллиот: велосипед еле движется!

— Эллиот...

— Что?

— Скажи по буквам «держись крепче».

Ученый из космоса пошевелил пальцами по формуле антигравитации низкого уровня, и велосипед оторвался от земли.

Он пролетел над кустами, поднялся над верхушками деревьев и поплыл над лесом.

Так-то лучше — и Ип откинулся, устраиваясь поудобней в корзине.

Руки Эллиота будто приклеились намертво к рулю, рот, открывшись, так и не закрылся, волосы стояли дыбом. Колеса медленно крутились в ветре. Сквозь листву он видел пожарную просеку и тропинки. А над ним, чуть отстав, луна скользила среди серебристых облаков.

На одном из деревьев внизу сейчас просыпалась и потягивалась, лениво расправляя крылья, сова. Она почмокала: хорошо бы пожевать мышью, простую, а можно и летучую. Взлетела и, беззаботно махая крыльями, устремилась вверх. И вдруг ее и без того большие глаза стали еще больше, и она начала камнем падать вниз, думая: «Да что же это за страсть такая?»

Это мимо совы проплыл в воздухе Эллиот на велике с космическим домовым в корзине, и сова, сложив крылья, упала на землю и съжилась, уже ничего не сообщая от страха. Тут появился на своем велосипеде Лэнс, он несся прямо на сову, и она едва увернулась от стремительно приближающегося всезнайки. Что творится в лесу!

Подпрыгивая на корнях, ветках, кочках, велик Лэнса мчался вперед. Голову Лэнса переполнял электронный писк, и Лэнс точно знал, куда ему ехать, будто его вел сигнал радиомаяка. Лес принял его как друга, тропинки гостеприимно открылись, и всезнайка легко проскальзывал там, где застряли бы даже опытные лесники. Но Эллиот как сквозь землю провалился.

Только тонкие паутинки лунного света проникали под крышу листвы, над которой плыл Эллиот, скрытый от Лэнса и от остального мира, видимый лишь пищащим, испуганным летучим мышам, пулей уносившимся в разные стороны от вторгнувшегося в их владения велосипеда. Медленно, напряженно ноги Эллиота крутили педали; в ночном безмолвии было слышно, как звякают звенья велосипедной цепи. В душе Эллиот всегда знал, что его велик может летать, иногда он ощущал это, въезжая на вершину холма, но для того, чтобы это могло произойти, не хватало только немножко волшебства—до сегоднешнего вечера. Волшебство это принес с собой Ип, и было оно не что иное, как наука дальнего космоса, ушедшая так далеко вперед, что владеют ею лишь существа, прожившие неисчислимое множество лет. Она верно служит огромным их кораблям, и уж, конечно, для нее сущие пустяки перенести по воздуху обыкновенный велосипед на расстояние какой-нибудь мили.

Старый ученый, сидя в корзине, внимательно оглядывал все вокруг, а велосипед в это время начал спускаться на поляну. Инопланетянин регулировал спуск, и велосипед, войдя в высокую траву, коснулся земли; приземление можно было бы считать безупречным, если бы длинный палец ноги Ипа не застрял между спиц.

— Ф-ффф...

Велосипед повалился набок, и ботаник оказался под ним. Он вылез кое-как из корзины, палец болел, но инопланетянин был так возмущен, что не обращал внимания на боль. Эллиот, тоже поднявшись на ноги, начал раслаковывать передатчик.

Древний ученый зорко оглядел поляну: может, кто-нибудь из тех, кто охотился за ним в первую ночь, до сих пор прячется где-нибудь неподалеку? Его психический радар прощупывал лес; но Лэнс, когда попал в поле зрения этого радара, дал на психическом экране ученого лишь мгновенную вспышку. Почему? Да потому, что переживания всезнайки были во многом схожи с переживаниями инопланетянина, тот и другой чувствовали себя неудачниками, изгоями, недотелами, и потому ботаник просто не заметил Лэнса, не ощутил опасности.

Он повернулся к Эллиоту и знаками показал, что надо начинать устанавливать передатчик.

Вращаясь, циркулярная пила напоминала волшебную тарелку, возле которой, прижимаясь к ее зубцам, пляшут вилка и нож. К ветке высокого гибкого дерева прикреплена пружина, а от другого конца этой пружины тянется веревка к храповику. Когда ветер качает дерево, веревка натягивается, приводит в движение храповик, сделанный из ножа и вилки; зубцы вилки, цепляясь за зубцы пилы, поворачивают диск, а по нему, не отрываясь ни на миг, реализуя новую программу игрушки «Скажи по буквам», ползут заколки для волос. Энергия в «Скажи по буквам» поступает из сотен проволочек, которые старый ботаник присоединил к деревьям; эти проволочки вошли в жилки листьев, в ветки, в корни и теперь выкачивают из них электричество живой материи; как это происходит, известно только старому ботанику. Но все равно Эллиот чувствовал, как жизненная сила растений идет по этим проводам, стекается к радиомаяку, питает его энергией.

Перевернутый зонтик, выстланный фольгой, блеснул в лунном свете. Но отражал он не только лунный свет. Параболическое зеркало посылало в космос микроволновый сигнал антиполицейского устройства,

снятого с машины Мэри, сигнал, модулированный высокочастотным блоком из ее телевизора

...глипл дупл звук-звук снафн олг мннннип...

...или что-то в этом духе. На самом деле звучало гораздо красивее, но в алфавитах Земли нет букв, точно соответствующих звукам, которые сумел извлечь из «Скажи по буквам» инопланетянин.

Эллиот стоял в потоке излучаемого сигнала и надеялся, что сигнал будет услышан; но сможет ли нечто такое маленькое, такое слабое, как этот передатчик, отыскать кого-нибудь в бесконечных просторах?

Инопланетянин, почувствовав сомнения Эллиота, дотронулся до его плеча и сказал:

— Мы нашли окно.

— Окно?

— Наша частота—окно. Они услышат.

Мальчик и инопланетянин еще долго стояли около передатчика.

Казалось, что звезды слушают—и слушал затаившийся в кустах всезнайка.

Мэри между тем отбивалась как могла от маленьких ряженых, стайка за стайкой залетавших в ее дом.

— Входите, входите. Боже, какие страшные...

Они пели для нее, танцевали. Во время пения из их ртов вылетала жвачка, которую они тут же затапывали в ковер; размахивая в такт руками, приклеивали мокрые леденцы к ее рельефным обоям, и потом приходилось отрывать их вместе с рельефом. Одно маленькое домового укусил Харви. Но в то время, как доблестный сторожевой пес пугал невинных деток, окно в комнату Мэри на втором этаже тихо открылось, и в него влез агент правительства с электронным прибором, мерцающий свет и колеблющаяся игла которого повели агента дальше.

Когда прибор оказался в комнате Эллиота, игла стала обнаруживать признаки все большего и большего возбуждения, а когда агент внес прибор в чулан, она впала в неистовство. Результат, по-видимому, агента вполне удовлетворил; крадучись он вернулся по коридору назад и тем же путем, через окно в комнате Мэри, удалился; Харви в это время внизу завывал пасты носовым платком, а волящему малышу набивали рот шоколадом.

...глипл дупл звук-звук...

Эллиот и инопланетянин сидели у передатчика, вслушивались в тишину и смотрели на ночное небо, а всезнайка Лэнс в это время смотрел на них. Небо молчало.

Так прошел не один час, Эллиот уснул, а Лэнсу к девяти часам нужно было быть дома, и старый путешественник остался в конце концов наедине со своим радиомаяком.

Он проследил глазами в темноте путь сигнала, уходящего вдаль и вширь.

Чувствовал себя он теперь не слишком хорошо. Может, оттого, что съел много сладостей?

Он встал и не спеша заковылял в лес навестить растения. Его шаг показался ему несколько тяжело-ватым, тяжелой обычной. Может, так стало оттого, что, бегая и заглядывая в окна, он перенапряг свои силы? Ведь занятие это для него непривычное.

Дорогу ему преградил ручей. Журчание воды в ручье было необыкновенно приятно его слуху, и он опустил в воду голову. Час проходил за часом, а он все слушал и слушал эту бегущую по артериям Земли кровь. Так, не вынимая из воды голову, он и уснул.

— Рост около четырех футов,—сказала Мэри полицейскому.—Наряжен горбуном.—И она разрыдалась.

— Ну-ну,—сказал полицейский.—Уйма ребятишек запаздывает домой каждый Хэллоуин. Наверняка с вашим мальчиком ничего не случилось.

Над улицами уже занялся серый рассвет. Герти и Майкл были дома. А кровать Эллиота пустовала. Сквозь застывшие глаза слезы Мэри посмотрела на полицейского.

— Я ужасно обращалась с ним в последнее время. Заставляла убирать комнату.

— Но ведь это правильно,—сказал полицейский.

Харви попытался было тоже что-то сказать, но морда его все еще оставалась завязанной. Он оперся передними лапами на дверь и заскулил приглушенно.

— Эллиот!—воскликнула Мэри и вскоčila.

Эллиот шел через газон на заднем дворе. На радостях Мэри сдернула с морды Харви платок, и пес, двигая челюстями, с облегчением заскулил.

— Это пропавший?—улыбнулся полицейский.

Он закрыл блокнот и покинул радующееся семейство.

— Ты обязательно должен найти его, Майкл. Он в лесу. Где-нибудь недалеко от поляны...

Мэри сразу уложила Эллиота в постель. И теперь

пропавшим без вести оказался Ип. Майкл пошел в гараж и вывел свой велик. Через минуту он уже катил по улице, а на некотором расстоянии за ним следовала машина.

Оглянувшись, он увидел в этой машине троих; все трое смотрели, не отрывая глаз, на него. Резко свернув в узкий проход между домами и таким способом стряхнув машину с хвоста, Майкл помчался к холмам.

У Ипа, когда Майкл его нашел, голова по-прежнему была опущена в воду. Выглядел старый путешественник неважно, но заверил Майкла, что чувствует себя хорошо, а голову в ручей опустил, просто чтобы послушать воду.

Ип стал показывать на ручей, на небо и на многое-многое другое, но Майкл видел, что он стал бледнее и передвигается с большим трудом, чем прежде.

— Ведь радиомаяк пока работал еще совсем мало,—сказал Майкл.—Надо быть оптимистом.

— Скажи это ему.—Эллиот кивнул в сторону чулана, где грустил Ип.

Инопланетянин знал, что абсурдно ждать результатов сразу. И будут ли они вообще? Но он ничего не мог с собой поделать. Он почти все время грезил о своем прекрасном корабле; стоило закрыть глаза, и он видел его, видел, как опускается на Землю этот сияющий шар. Но стоило ему очнуться от своих видений, и выяснялось, что он по-прежнему один, а около него только полупустая коробка шоколадного печенья и глупый лупоглазый Малпит.

Мэри в это время в другой комнате занималась уборкой и раздумывала о том, может ли жизнь ответить на ее вопросы чем-либо, кроме детских теннисных туфель, непонятным образом оказавшихся в холодильнике.

Она предавалась воспоминаниям о муже, неисправимом бездельнике, который смылся в Мексику.

Не заняться ли ей аэробикой?

В любом случае нужно купить новую пару туфель.

Ждут ли ее впереди хоть какие-нибудь приятные неожиданности?

Когда Мэри выключила пылесос, она услышала, что в дверь звонят.

Непонятно почему, но ее надежды ожили. Безумие, конечно, но ведь похоже, что весь дом ее в последнее время заражен безумием. Она пошла открыть дверь: вдруг вернулся тряхнуть стариной ее очаровательный бездельник муж? Или кто-нибудь другой, новый? Кто-нибудь высокий, черный и умопомрачительный.

Она открыла дверь.

За дверью стоял некто невысокий, рыжий и любопытный.

— Эллиот дома?

— Одну минуту, Лэнс.

Она вздохнула, поднялась на второй этаж и постучала в комнату Эллиота.

— Эллиот, пришел Лэнс—ну, ты его знаешь.

— Этот всезнайка? Скажи, чтобы провалился.

— Не могу, Эллиот. Пусть поднимется.

Она спустилась по лестнице; все время так—вверх-вниз, вверх-вниз, как белка в колесе. Неужели ее не ждет больше ничего другого?

— Спасибо,—сказал всезнайка и побежал вверх по лестнице.

Его торчащие, как ручки у кувшина, уши, которые на ночь мать приклеивала клейкой лентой к затылку, теперь вопреки всем надеждам матери развернулись еще шире. Он постучал в дверь к Эллиоту.

— Впусти меня.

— Уходи...

— Я хочу увидеть инопланетянина.

Лэнс улыбнулся, наслаждаясь эффектом, который, он чувствовал, его слова произвели по ту сторону двери, в умолкнувшей внезапно комнате.

Дверь распахнулась. Нагло, как полагается всезнайке, Лэнс вошел в комнату.

— Эллиот, позволь мне сразу сформулировать мою точку зрения. Я признаю, что был не прав, ошибался. Теперь я верю в инопланетных космонавтов. Одного из них я видел вчера поздно вечером в лесу, вместе с тобой.

— Я же сказал тебе,—огрызнулся Эллиот,—это мой двоюродный брат.

— Тогда, значит, родственники у тебя до ужаса безобразные. Эллиот, я видел его собственными глазами.

— Нет, не видел.

— Не хочу прибегать к крайним мерам, но как раз сейчас один человек ходит по нашей улице, стучится в двери, спрашивает, не видел ли кто-нибудь что-нибудь странное...

— Ну и что?

— А то, что я прямо сейчас могу пойти к нему и рассказать все, что я знаю. А знаю я многое.—Лэнс смотрел на Эллиота, и его лицо пылало. В конце концов он был не виноват, что родился гадом. Такие, как он, появляются именно тогда, когда тебе плохо, и

Рисунок Виталия ФЕДОРОВА

от них становится еще хуже.— Или могу не открывать рта. Выбирай.

Эллиот вздохнул, и Лэнс понял, что победа за ним, и засыпал Эллиота вопросами:

— Где ты его нашел? Ты знаешь, откуда он или из какой цивилизации? Он из нашей Солнечной системы? Говорить умеет? Есть у него такие способности, которых нет у нас?

Майкл перебил его:

— Ты только проболтайся кому-нибудь, и он тебя сразу разложит на атомы—фюить, и тебя как не бывало.

— Он это может? Seriously? Уже делал это?

Эллиот подошел к двери чулана, открыл ее и вошел внутрь.

Ип растерянно тараторил: он услышал знакомый ему голос Лэнса, да и психический радар на этот раз его не подвел. Опасность была совсем близко.

— Он всезнайка,— сказал Эллиот.— Но вреда от тебе не причинит. Это я обещаю.

Инопланетянин закрыл лицо руками и опустил голову. Хэллоуин уже прошел. А лицо у него не из тех, которые можно просто так, ничего не опасаясь, показывать публике.

Снова зазвонил звонок.

Майкл тихо спустился на площадку между двух маршей, откуда удобно было наблюдать, что происходит у входной двери.

Звонок извлек Мэри из-за дивана, за которым она обнаружила запас скатанных бумажных шариков, достаточный, чтобы плеваться ими из трубочек целую жизнь.

Как она устала!

Она подошла к трезвонящей двери, теперь твердо убежденная, что никого высокого, черного и умопомрачительного за ней нет. Звонивший оказался высоким, черным и умопомрачительным. Но... сумасшедшим.

— ...проверяя слухи о неопознанных летающих объектах, мы...

На поясе у него висела связка ключей. Он показал карточку со знаком какого-то правительственного учреждения. Но разве не мог он вырезать ее из коробки с овсянкой или чего-нибудь похожего?

— Простите,— сказала она, запинаясь,— я не понимаю, что...

— Недалеко отсюда зарегистрировано приземление НЛО. Есть основания думать, что один из членов экипажа не успел вернуться в корабль и остался на Земле...

— Вы, конечно, шутите?

— Уверю вас,— и его взгляд пронизал ее зрачки,— я не шучу.

Она смяла тряпку, которой стирала пыль.

— Я не видела ничего.

Он посмотрел пристально на нее, потом за ее плечо, в глубь дома, словно уже знал о нем многое, да и о ней тоже, и сейчас просто придавал в уме окончательный вид какому-то плану. Если он попытается оттолкнуть ее и войти, она разобьет ему щеткой голову, но потом будет выхаживать его, пока он не выздоровеет.

Но он уже извинялся за то, что потревожил ее, и, пятясь, спускался по ступенькам крыльца. Мэри проводила его долгим взглядом. Не зачитывался ли он комиксами, когда был маленьким? Или, может, сильно ушиб голову?

И тут она увидела, как к тротуару подкатила машина, длинная и блестящая, похожая на те, которыми пользуются правительственные учреждения. Водитель, ей показалось, отдал честь человеку, который к ней приходил, и тот сел с ним рядом.

Мэри отошла от окна и снова взялась за щетку. Может, она его недоценила? Может, он человек серьезный и занимается серьезным делом?

И где искать существо из космоса, как не у них в чулане?

Майкл неслышно вернулся в комнату Эллиота.

— Он ходит по домам и расследует. Показал маме знак. Говорит, недавно прилетал НЛО...

Лэнс запрыгал как на пружинах.

— Ты видел НЛО? Ну и повезло же тебе!

Не обращая на него внимания, Эллиот спросил у Майкла:

— Что она ему сказала?

— Ничего.

— О передатчике он знает?

Лэнс запрыгал опять.

— Так вот что это такое! Он его привез с другой планеты? И вид у этого передатчика как у настоящей машины из будущего, да?

— Он сделал его из заколок для волос.

— Заколок для волос?— Лэнс растерялся, но быстро, как это свойственно всезнайкам, овладел собой и возобновил расспросы:— Он хочет связаться со своей планетой? Ой, Эллиот, они скоро высадятся? Где? Когда?— Он почувствовал, что инициатива от него ускользает, и снова стал угрожать:— Покажите мне инопланетянина сейчас же, или я побегу к тому типу. Я это говорю серьезно.

— Ты знаешь, что ты шантажист?

— Ничего не могу с собой поделать.

Деваться было некуда, и Эллиот открыл дверь в чулан.

Жуя шоколадное печенье, спокойное, поглощенное своими мыслями страшилище шагнуло им навстречу. Посмотрело на всезнайку.

Руки Лэнса бессильно повисли. Кровь отхлынула от его щек, и они побелели. В голове у него попискивало— так же, как вчера, когда в лунном свете он мчался на своем велике.

— Больше мне ничего на свете не нужно, теперь можно умереть,— прошептал он.

— Смотри, как бы и вправду не пришлось,— угрожающе сказал Майкл.— Теперь ты поклянешься кровью.

— Чем хотите,— отозвался Лэнс, уже почти не помня о существовании Майкла, Эллиота, всего мира или, во всяком случае, испытывая ко всему и ко всем полное безразличие. Потому что перед ним сейчас было самое невероятное существо на Земле.— Я... мечтал... о тебе... всю свою жизнь,— сказал тихо Лэнс.

Майкл схватил его за руку:

— Повторяй за мной: «Клянусь, что ни одной живой душе не скажу о том, что видел сегодня».

Перочинный нож Майкла вонзился в собственный палец, потом в палец Лэнса, и Лэнс забормотал:

— Клянусь...

Из их пальцев потекла кровь, и Майкл прижал их один к другому. Космический путешественник, озадаченный на это глядя, поднял свой собственный палец, и конец его засветился розовым светом.

— Нет,— сказал Эллиот,— не надо.

Но было уже поздно. Из пальца Ипа вышел розовый свет, коснулся Майкла и Лэнса. Кровь у обоих мгновенно перестала идти, порезы затянулись и бесследно исчезли.

Между собой подчиненные называли его Ключник. У него было имя, но не оно было важно, а его ключи, ключи к большому складскому помещению, где склада, однако, не было, а было много комнат, к каждой из которых у него тоже был ключ.

Сейчас он стоял в одной из них, а перед ним на стене висела оперативная карта, на ней были вычерчены концентрические круги, и круги эти, все уменьшаясь, сходились к одной точке.

Его помощник, прихлебывая черный кофе, работал над лежащим перед ним списком. В списке были имена и профессии специалистов из всех областей знаний.

— Ты ведь, конечно, понимаешь,— отозвался помощник,— что стоит нам привлечь этих людей, и вероятность, что ты окажешься в идиотском положении, страшно возрастет.

— Привлечь их уже пора,— сказал Ключник, по-прежнему не сводя глаз с карты, с той точки на ней, которая была домом Мэри.

Помощник оторвался от списка.

— А что, если все это детские фантазии и подслушали мы просто-напросто игру?

— Корабль садился вот здесь.— Ключник ткнул пальцем в один из внешних кругов. Пересекая круги, палец двинулся к центру.— Разговор об оставшемся члене экипажа мы слышали здесь.— Он остановил палец на точке, которая обозначала дом Эллиота.— Слишком близко, чтобы могло быть простое совпадение.

Перегнувшись через плечо помощника, Ключник нажал кнопку магнитофона, и с ленты зазвучал голос Эллиота:

— ...издалека, из космоса, Майкл, из такого места, что мы и вообразить себе не можем. Мы должны помочь ему...— Ключник остановил магнитофон, и в комнате снова стало тихо. В ночь приземления он сам почувствовал, как ужасающе огромен был инопланетный корабль, сам видел на экране слежения, как невероятно мощное, прибывшее со звезд средоточие энергии опустилось за горизонт. Поведение корабля следовало схеме, которая его ведомству была хорошо знакома, так как наблюдалась уже много раз. Различие было только в том, что на этот раз корабль застал врасплох.

Помощник поднялся из-за стола.

— Ну хорошо,— сказал он и постучал пальцем по списку.— здесь все, кто тебе нужен. Выглядит как список приглашенных на нобелевский банкет.

— Собери их.
 — Выслушаешь ты хоть пару слов, пока мы еще не втянули в эту историю ученый мир? Если и в самом деле один из членов экипажа остался на Земле, маловероятно, чтобы он укрылся в чьем-нибудь доме.
 — Почему?
 — Да потому, что он совсем не такой, как земляне. Он бы повел себя как партизан, прятался в холмах. — Помощник показал на карте те места, где, по его мнению, могло скрываться то, что они ищут, что бы это ни было. — Ты думаешь, их не обучают выживанию в неблагоприятных условиях? Думаешь, разум, который стоит за кораблем, не предусмотрел такой возможности?
 — Мы застали их врасплох, — негромко ответил Ключник.
 — Возможно, что и застали. Но если бы ты был совсем не такой, как земляне, стал бы ты ходить от двери к двери в ближайшем населенном пункте и в них стучаться?

— Он в том доме.
 — Давай установим это точно, а уж потом начнем обзванивать ученую братию. — Помощник опять постучал пальцем по списку. — Как только эта публика съедется, начнется галдеж. Не будет никакой возможности предотвратить утечку информации. И если ты ошибся, если в том доме не окажется ничего, кроме двух-трех придурковатых мальчишек, работу потеряешь ты, а не кто-нибудь другой. Окажется, что десять миллионов долларов ты пустил на ветер. Сейчас правительство урежет бюджет, ты это помнишь? Мы где-то на самом краю, нас вот-вот столкнут.

Ключник показал на список:
 — Собирай их.
 Помощник вздохнул.
 — Если ты ошибешься, нам с тобой придется переключиться на сбор улики для бракоразводных процессов. Будем шататься по мотелям — выездная группа какого-нибудь сомнительного частного сыскного агентства. Если твой инопланетный идол и вправду где-нибудь недалеко, то только здесь, в этих холмах, пребывает как может.
 — Как Робинзон Крузо.
 — Вот именно. И уж, во всяком случае, не распивает молочные коктейли ни в чьей кухне.

А как раз в это время инопланетянин сидел в кухне и тянул через соломинку молочный коктейль. Да, конечно, соломинка — одно из самых замечательных изобретений землян: через нее так удобно пить!
 — Нравится, Ип? — спросил Эллиот, сидевший напротив.
 Совсем не такое, как земляне, существо кивнуло, и невероятно вкусная жидкость снова забулькала в его стакане.

Много раньше внесенные в список специалисты, разбросанные по всей стране, прошли, даже того не подозревая, всестороннюю проверку их благонадежности, и только после этого их пригласили вступить в очень странную организацию, что они и сделали, одни откровенно потешаясь, другие не скрывая презрения; ни один не принимал своей подписи всерьез и не допускал даже отдаленной возможности того, что их знания и опыт могут когда-нибудь понадобиться этой организации на самом деле. И теперь каждый, остолбенев от удивления, слушал говорящий по междугородному телефону голос, а когда, наконец, клал трубку, то потом еще долго смотрел на нее и раздумывал, кто же сошел с ума — он или правительство.

В укромном уголке недалеко от места приземления передатчик Ипа посылал и посылал непрерывно свой сигнал в космос. На него не было патента, не было лицензии, и напоминал он хлам, который видишь на свалке. Но, приближаясь к передатчику, Эллиот ощущал, как велика поступающая в него и излучаемая им энергия, и понимал, знал точно, что это странное устройство на самом деле — триумф технической мысли.

Наступила ночь, а он все не уходил, оставался здесь, наедине с передатчиком. Будто сверчок, зовущий пару, в траве чуть слышно пощелкивал храповик. Эллиот лег на спину и устремил взгляд в усыпанное звездами небо. Он мал и ничтожен, и голова у него забита всякой чепухой, но он навсегда полюбил звездный свет. Временами луна будто раскалывалась надвое, и яркое золото вспыхивало внутри, а потом широкая мерцающая полоса протягивалась между звездами. Тихий голос произносил непонятное слово — или это просто дышал ветер?

Эллиот слушал, как работает передатчик, слушал код, который, хоть был и за пределами его понимания, волновал все его существо; отраженный перевернутым зонтиком, лунный свет проникал в глубины его души.

Эллиот чувствовал, как Мэри волнуется о том, где он и что делает в такой поздний час, но он отключился от ее сознания и раскинул руки в траве. Звезды ткали покрывала из света, и эти потоки красоты, едва доступные глазу, текли, гипнотизировали его. Час проходил за часом, а он все лежал, беспомощный, скованный силами, о которых не должен был бы даже знать, силами, которыми никто на Земле пока еще не должен владеть.

По телу его пробежала дрожь, но не от холода: Эллиота до мозга его земных костей пронизало чувство космического одиночества.

Он застал под бременем, которое на него легло, ибо еще не готовы земляне страдать от тоски по звездам.

Так прошептал голос, и юный разум Эллиота стал раскрываться — шире, шире.

...Для землян, пока еще привязанных к своей планете, сказал золотой шепот, эхом отдаваясь в бесконечных коридорах Вселенной, боль вселенской любви непереносима.

Эллиот смотрел на ночное небо, и ему казалось, что он выходит из своего тела, улетает из него в древнее сияние звезд, так ласково манящее, однако мудро скрывающее от людей свои тайны. Эллиот заметался на траве. Ударом молнии для него было принято послание, послание, рассчитанное на существа, намного опередившие его в развитии, на существа, природа которых позволяет им любить звезду и быть любимым в ответ всей ошеломляющей мощью солнца.

Музыка сфер поглотила его без остатка, взяла его жалкую маленькую душу землянина и ошеломила трепетом, от которого земляне с рождения защищены.

Он подавил рыдание, кое-как поднялся, подошел, покачиваясь, к велосипеду. Ему не под силу было это принять, не под силу справиться с низвергающимся на него водопадом образов пространства-времени, невыносимой, не укладывающейся в сознании кривизны.

Он нажимал на педали, и фары, эти маленькие луны у его ног, поворачивались то в одну сторону, то в другую. Когда велосипед, подпрыгнув, съехал на пожарную просеку, руки и ноги у Эллиота тряслись.

Стены в кабинете Ключника были увешаны фотографиями; надпись внизу каждой сообщала, что фотография является собственностью военно-

воздушных сил. На некоторых снимках были всего лишь световые пятна с размытыми очертаниями — красивые полосы в небе, движущиеся горизонтально или вертикально, зато другие были вполне четкими и оставляли впечатление достоверности, особенно когда снимок был сделан пилотом разведки ВВС, то есть человеком, который минимально подвержен галлюцинациям и еще меньше склонен морочить людям голову обычными для фотолюбителей трюками.

На столе Ключника красовался гипсовый слепок, сделанный с отпечатка ноги Ипа в глине близ места приземления. Рядом в папке лежал анализ следов топлива, оставленных кораблем.

Ключник сейчас говорил по телефону с лицом, стоящим намного выше его по служебной лестнице; он заверял это лицо, что возглавляемая им, Ключником, организация в самое ближайшее время начнет оправдывать расходуемые на нее средства.

— Еще несколько дней... нет, задержка неизбежна... мы следуем первоначальным указаниям, согласно которым для инопланетянина должна быть подготовлена полная система жизнеобеспечения...

Ключник замолчал и стал слушать; кивнул, побарабанил пальцами, заверил снова:

— Район находится под наблюдением, никто и ничто не может проскользнуть мимо нас... да, очень хорошо...

Он положил трубку. Была ночь, затишье перед бурей. Он отхлебнул кофе. Если он ошибается, если под сетью, которую они набросят, окажется только воздух, он наверняка потеряет работу. Но два-три часа в любом случае предстоят совершенно восхитительные.

Дверь открылась, и вошел помощник.
 — Карантинный антиинфекционный блок невероятно большой. Ведь проверять придется весь дом.

— Ну и что?
 — А то, что видел ты когда-нибудь полиэтиленовый шатер величиной с дом? И чтобы от него во все стороны торчали трубки? Это будет самое странное зрелище в пяти округах, и, голову даю на отсечение, не меньше миллиона народу съедется смотреть.

— Их не пропустят.
 Помощник посмотрел на слепок ноги Ипа.
 — А почему бы нам не войти туда втихую, не захватить инопланетянина — и до свиданья? Без шума.

— Я-то с тобой согласен, — сказал Ключник, — но они хотят, чтобы было по-другому. — И он кивнул на телефон.

— Еще бы, ведь какая реклама для них, если мы поймем инопланетянина! Но если его там не окажется... а мы навалимся на местных жителей с этим вот оборудованием... — Помощник постучал по стопке бумаг. — ...мы многих травмируем. И люди подадут в суд. Не забывай об этом.

Помощник повернулся и вышел.
 Ключник об этом не забывал. Но не забывал он и об очень многом другом. Он знал: инопланетянин рядом. Он закурил сигарету, пустил дым в потолок и швырнул погасшую спичку в гипсовый след Ипа.

Прикатили грузовики, некий склад открыл свои двери, и люди в военной форме взмахами рук направили привезенное оборудование во вместительные глубины здания.

Ключник все зарегистрировал и зарегистрировал тех, кто должен был это оборудование собирать. Складское помещение стало похоже на военный госпиталь.

Перевел с английского
 Ростислав РЫБКИН.

Продолжение следует.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
 ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 14 (1396) ИЮЛЬ 1985

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка: фотозюд Бориса Раскина.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНУКОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена», 1985 г.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 04.06.85. Подписано к печати 17.06.85. А 04449. Формат 70 × 108¹/₂. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 1634. Заказ № 947. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

МЫ МЕЧТОЮ О МИРЕ ЖИВЕМ

Итоги конкурса, посвященного XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов

Жюри конкурса «Мы мечтою о мире живем», проведенного редакцией журнала «Смена» совместно с Бюро международного молодежного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ, внимательно рассмотрело сотни домашних работ, большинство из которых — объемистые альбомы, часто оригинально и со вкусом оформленные. Ко многим альбомам или общим тетрадям приложены сопроводительные письма, авторы которых подчеркивают, что конкурс оказался очень интересным, увлекательным, полезным.

Например, С. Ярошевич из деревни Ворняны Гродненской области, поблагодарив «Смену» за организацию конкурса, пишет: «Конкурс привлек внимание к истории фестивалей, коммунистического молодежного движения. Хочется, чтобы праздник юности планеты в Москве стал для всех людей в мире знаменательным и ярким событием. Ваш конкурс помог мне подготовить несколько лекций для молодежной аудитории: «Юность мира протестует», «Солидарность — знамя фестиваля», «Светлое завтра — в наших руках», «Фестиваль: города и годы, имена и факты» и другие. С этими лекциями и беседами выступал перед молодежью родного колхоза имени Чапаева, перед сельскими механизаторами в других хозяйствах».

А девятиклассница Лариса Неплюева из Белой Калитвы Ростовской области написала о конкурсе: «Я никогда еще не сидела в библиотеках так долго, как в этот раз, при поиске ответов. Теперь я много знаю о фестивалях, объединяющих прогрессивную молодежь в борьбе за мир».

Книгу «Пять лепестков» о VI фестивале в Москве я прочитала всю, и каждая строчка мне была интересна. Дружба, счастье, радость, общение людей, единых по своим целям, как это прекрасно! XII Всемирный в Москве пройдет, конечно, тоже в такой обстановке. И пусть он станет весомым вкладом в борьбу за мир, который сейчас опять в опасности. Мир нужно сберечь!»

Особенно ценным было участие в конкурсе целых коллективов, классов, групп ПТУ, клубов интернациональной дружбы, пионерских отрядов.

Редакция радуется, что конкурс стал практическим пособием для многих педагогов и пионервожатых, лекторов и пропагандистов. «Смена» благодарит молодежные местные газеты, перепечатавшие условия конкурса и тем самым значительно расширившие его аудиторию.

Называем победителей конкурса «Мы мечтою о мире живем».

Бесплатными путевками для поездки на Московский фестиваль награждены Ирина Демидова, телефонистка из Риги, Ольга Кошкер, инженер-автотехник из г. Торез Донецкой области, Ирина Принц и Наталья Сидоряк, студентки геолого-географического факультета Томского государственного университета им. Куйбышева, Лада Шлаковская, студентка методического отделения факультета КПР института культуры из Перми.

Призами отмечены работы Ю. Бабина

из Донецка, Т. Годовой из села Елань Свердловской области, В. Дикусара и В. Раствурнина из села Калиновка Николаевской области, И. Докучаевой из Казани, Д. Доржиева из Томска, И. Дороховой из Хабаровска, Н. Колотовкиной из Томска, Е. Лопатиной из Перми, З. Пашаева из Самарканда, И. Первухиной из Свердловска, В. Смирнова из Костромы, А. Хачатряна из Еревана, Л. Шмакова из села Башкирское Курганской области, В. Шутова из Тулы.

Всем победителям будут высланы также почетные дипломы «Смены». Они присуждены, кроме того, группе участников КИДА им. Ю. Фучика волгоградского Дворца пионеров, Л. Басурмановой из г. Фрунзе, И. Горсту из Джетысай Чимкентской области, восьмикласснику С. Дручку из села Балбока Молдавской ССР, А. Зборовскому из Ирпеня Киевской области, Е. Котовой из Минска, А. Кудрешеву из села Ябоган Горно-Алтайской автономной области, Ю. Милько из Калуги, Л. Пэвлукэ и М. Чобану из пос. Кутузово Молдавской ССР, В. Синицыной из пос. Ай-Даниль Крымской области, семикласснице А. Сугокон из пос. Белозерка Херсонской области, Л. Усольцевой из пос. Сарга Свердловской области, М. Чебокаковой из Абакана, А. Чернышеву из Саратова и С. Ярошевичу из дер. Ворняны Гродненской области.

Редакция поздравляет победителей и благодарит всех участников конкурса. А теперь приводим точные ответы на вопросы конкурса:

1. Во многих странах на каждое место участника VI Московского фестиваля поступали десятки заявок. Рекордным было их число в Аргентине и Индии. По сколько заявок на каждое место здесь поступило?

— По сто.
2. На фестивале 1949 года особый успех на кинопросмотрах пришелся на долю советского фильма. Какого именно?

— Кинофильма «Молодая гвардия».
3. В творчестве каких двух художников-карикуристов, лауреатов международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», нашла широкое отражение фестивальная тематика?

— Херлуфа Бидструпа и Жана Эффеля.

4. Назовите имена пяти известных вам советских участников I Всемирного фестиваля молодежи и студентов, расскажите о них.

— В. Борисенко, А. Изерский, О. Лепешинская, Л. Мешков, И. Моисеев, М. Плисецкая, многие другие.

5. Среди тех, кто на фестивале 1953 года представлял Францию, был человек, носивший три советских боевых ордена. Назовите его имя.

— Журналист Франсуа де Жоффе, в прошлом летчик эскадрильи «Нормандия», сформированной на советской территории.

6. Участник III Всемирного фестиваля из далекой страны собрал перед поездкой на праздник молодежи 14 500 подписей под обращением о подписании Пакта Мира. Из какой страны приехал на фестиваль этот борец за мир?

— Из Индонезии, с Западной Явы. Его звали Мустафа.

7. Ее первыми в жизни международными соревнованиями оказались спортивные игры на фестивале молодежи в Бухаресте в 1953 году, которые закончились для нее очень удачно. Затем были победы и на двух последующих фестивалях. Назовите эту советскую спортсменку.

— Гимнастка Лариса Латынина.
8. На каком фестивале впервые был представлен спорт? По скольким видам шли соревнования? Какое количество стран в них участвовало?

— На IV фестивале в Бухаресте. Соревнования шли по 18 видам спорта. В них участвовали спортсмены из 54 стран.

9. На одной из встреч во время VI фестиваля в Москве студент МГУ, самый молодой тогда покоритель Антарктиды, преподнес молодым представителям одной страны альбом фотографий самого южного континента. Кому именно?

— Представителям Норвегии, родины многих видных полярных исследователей, в том числе Руаля Амундсена.

10. Первоцелиник привез мешочек пшеницы из первого целинного урожая и раздал зерна делегатам фестиваля. Назовите имя первоцелитника и фестиваль, участником которого он был.

— Иван Рудской. V фестиваль в Варшаве.

11. Чему был посвящен шестой день фестиваля в Хельсинки? Чем этот день начался?

— День начался закладкой Парка Бу-

дущего. Был посвящен науке, прогрессу, будущему.

12. Когда впервые «выросла» традиционная фестивальная «ромашка»?

— Накануне VI фестиваля в Москве в 1957 году.

13. «Вам — всемирной молодежи, Белой, желтой, чернокожей, Чуть постарше, помоложе, Чьи наречья так не схожи, Но кому всего дороже Счастья мирного расцвет, — Добрый дружеский привет!»

К участникам какого фестиваля и какой поэт обратился с этими словами? — К участникам VI фестиваля в Москве обратился Самуил Яковлевич Маршак.

14. На встрече-манifestации за мир и дружбу на Московском фестивале японка, пострадавшая от атомной бомбы, заявила: «Это не должно повториться!» Назовите имя этой девушки.

— Хисако Нагата.

15. Делегат какой страны и кто именно уехал с VI фестиваля в Москве на родину в прямом смысле слова прозревшим?

— Маан Дандаши из Сирии. Он приехал на фестиваль почти слепым. Советские хирурги, ученики профессора Филатова, сделали ему операцию и возвратили зрение.

В заключение приводим краткий список источников, откуда взяты вопросы конкурса: первые три номера «Вестника фестиваля», выходящего в этом году в Москве; В. Захарченко. Фестиваль. М., Мол. гвардия, 1953; А. Светов. Дружья встречаются в Москве. М., Физкультура и спорт, 1957; Юность встречается в Хельсинки. М., Мол. гвардия, 1962; А. Шемарулина. Всемирные фестивали. М., Знание, 1957; Праздник мира и дружбы. М., Мол. гвардия, 1958; VI Всемирный фестиваль. М., Мол. гвардия, 1958.

